

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»
Региональный учебно-научно-практический Юридический центр

**ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Материалы международной научно-практической конференции
(Новополоцк, 17–18 мая 2019 г.)

Новополоцк
ПГУ
2019

УДК 347.77/.88(082)
ББК 67.404я43

Рекомендован к изданию советом юридического факультета
Полоцкого государственного университета
(выписка из протокола № 3 от 22.03.2019 г.)

Редакционная коллегия:

В. А. Богоненко, кандидат юридических наук, доцент (отв. редактор);
Н. А. Бесецкая, кандидат юридических наук, доцент;
И. В. Вегера, кандидат юридических наук, доцент

Рецензенты:

С. С. Лосев, кандидат юридических наук, доцент (Национальный центр
законодательства и правовых исследований Республики Беларусь);
Е. А. Моргунова, кандидат юридических наук, доцент (Московский
государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина,
Российская Федерация)

**Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы
теории и практики** : материалы междунар. науч.-практ. конф. 17–18 мая
2019 г. / редкол.: В. А. Богоненко (отв. ред.), Н. А. Бесецкая, И. В. Вегера. –
Новополоцк : Полоц. гос. ун-т, 2019. – 160 с.

ISBN 978-985-531-643-6.

Представлены материалы, в которых рассматриваются вопросы использования объектов интеллектуальной собственности и их правовой охраны, в том числе способы защиты исключительных прав, а также проблемы применения законодательства об интеллектуальной собственности.

Конференция проведена в формате баркемпа. Баркемп – это инновационная неформальная образовательная конференция, открытая для всех, проходящая в формате докладов, лекций, тренингов, презентаций, обсуждений, мастер-классов, питчей и деловых игр.

Издание может быть использовано в научной, учебной, практической деятельности и рекомендуется всем тем, кто интересуется интеллектуальной собственностью.

УДК 347.77/.88(082)
ББК 67.404я43

ISBN 978-985-531-643-6

© Полоцкий государственный университет, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Ананьев С.С.</i> Внедрение искусственного интеллекта в современную систему правосудия	5
<i>Богоненко В.А.</i> Авторское право в условиях цифровизации образовательного пространства	11
<i>Богоненко В.А., Гончарова Т.В.</i> Практика применения законодательства Республики Беларусь о товарных знаках (на примере заявки на товарный знак Полоцкого государственного университета)	17
<i>Бобкова Д.А.</i> Спортивное произведение как объект интеллектуальной собственности	23
<i>Бровкин П.Н.</i> Понятие и значение исчерпания исключительного права	30
<i>Булат Н.Н.</i> Международно-правовая регламентация отношений в сфере доменных имен: современное состояние и перспективы	34
<i>Бурак Е.А.</i> Правовые ограничения семплирования в цифровую эпоху на примере судебного дела Крафтверк	39
<i>Бурханова Л.М.</i> Защита средств индивидуализации в сетях Интернет посредством доменных имен	43
<i>Затирахин В.Д.</i> Некоторые проблемы правоприменения при выплате вознаграждения за создание и использование объектов промышленной собственности	48
<i>Имомов Н.Ф.</i> Проблемы определения правового статуса новых сортов растений и пород животных как объектов интеллектуальной собственности	55
<i>Калинин А.Ю.</i> Политика в области интеллектуальной собственности: опыт иностранных университетов	60
<i>Климов Е.А.</i> К актуальным проблемам авторского права в цифровую эпоху	64
<i>Козловская В.В.</i> Особенности признания действий конкурента по регистрации товарного знака актом недобросовестной конкуренции	68
<i>Кузьменкова М.В.</i> Фирменное наименование: особенности правового регулирования в Республике Беларусь и отдельных странах СНГ	73
<i>Кунтій А.І., Пряхін Є.В.</i> Особливості допиту свідків під час розслідування незаконного розповсюдження медійного контенту в мережах провайдерів програмної послуги та інтернет-провайдерів мережі Інтернет	77
<i>Лосев С.С.</i> К вопросу о концепции развития законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности	81
<i>Махуров А.А.</i> Coordination of intellectual property protection in European countries	86

<i>Мехмонов К.М.</i> Искусственный интеллект как объект интеллектуальной собственности	91
<i>Мороз Н.В.</i> Обеспечение охраны коммерческой тайны в договорных обязательствах	97
<i>Нечепуренко Ю.В.</i> Правовая охрана объектов промышленной собственности белорусскими заявителями на российском рынке	101
<i>Савицкая К.Д.</i> Понятие и правовой режим виртуальных экскурсий	106
<i>Окюлов О.</i> Гражданский кодекс Республики Узбекистан в новой редакции: каким должен быть IV раздел	111
<i>Прудникова Т.А.</i> К вопросу о способах нарушения авторских прав в сети Интернет	116
<i>Святошнюк А.Л.</i> Правовая охрана авторских прав в странах Европейского Союза: уровни, источники, средства	120
<i>Семёнова Т.В.</i> Правовая природа домена / доменного имени верхнего уровня «.EA»	126
<i>Семёнова Т.В., Жолудева Д.В.</i> Совершенствование судебно-экспертной деятельности как фактор обеспечения защиты интеллектуальной собственности	132
<i>Цыркун О.Г.</i> Актуальные проблемы авторского права в цифровую эпоху	137
<i>Яковенко А.А.</i> Актуальные проблемы и перспективы гражданско-правового регулирования электронной коммерции в Республике Узбекистан	143
<i>Янтикова Е.В.</i> Настоящие и будущие вопросы правового регулирования робототехники и искусственного интеллекта	153
Сведения об авторах	157

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СОВРЕМЕННУЮ СИСТЕМУ ПРАВОСУДИЯ

Рассмотрены принципы, рамки и стратегии, разработанные на региональном и международном уровне в области искусственного интеллекта в соответствии с ценностями, ориентированными на человека. На примере Франции проанализированы приоритетные направления в развитии этой области, а также связанные с этим риски. Выявлено, что особое внимание уделяется разработке нормативной правовой базы для регулирования новых общественных отношений. Главная задача на сегодня – это кооперация стран для совместного поиска решений и внедрения существующих принципов в национальные законодательства.

Быстрые темпы развития искусственного интеллекта (далее – ИИ), а также технологические достижения в области робототехники, облачных вычислений и хранилищ, оказывают существенное влияние на все сферы жизни общества. На данный момент он трансформирует многие дисциплины, в т.ч. право и судебную систему. Улучшение и увеличение автономности технических артефактов допускают более сложные формы делегирования задач, рассуждений и решений машинам. Сегодня ИИ выполняет такие функции, как выявление подозреваемых в мошенничестве, структурирование юридической информации и многое другое. Актуальность темы подчеркивается большим вниманием к этому вопросу со стороны мирового сообщества: количеством мероприятий, проводимых в странах запада и касающихся регламентации ИИ.

Вопрос о создании нормативной базы, регламентирующей применение ИИ в правосудии рационально, требует оценить риски и возможности использования этих технологий, а также существующий опыт передовых стран, чтобы войти в эту новую эру с широко открытыми глазами, не жертвуя нашими ценностями, а также сделать возможным установление глобальных и общих основ правовых принципов.

Наиболее развитые страны признают революционную природу ИИ и используют разные подходы, отражающие их собственные правовые системы. Например, правительство США представило стратегию по развитию ИИ и инвестировало около 970 млн евро в научные исследования этой темы в 2018 году. «План развития искусственного интеллекта следующего поколения» [1], Китай стремится к 2030 году стать мировым лидером, вкладывая огромные инвестиции в разработку информационных технологий. Другие страны, такие как Япония и Канада, также приняли стратегии по развитию ИИ. В целом, около 1,1 млрд евро было инвестировано в исследования и инновации в период 2014–2018 года.

В течение ряда лет все государства-члены Совета Европы внедрили компьютерные приложения для повышения производительности и эффективности своих судебных систем. Независимо от того, проводится ли эта политика в больших или малых масштабах, с более или менее значительными финансовыми последствиями, внедрение цифровых инструментов часто рассматривается как рычаг модернизации правосудия. Очевидно, что задача интеграции информационных и коммуникационных технологий в правосудие без искажения ценностей последнего остается областью, которая все еще плохо регламентирована.

На данный момент Европейский Союз видит использование ИИ в судебных системах в качестве инструмента для предсказательного правосудия. Научная ценность данной инновации заключается в методе прогнозирования будущих решений, основанного полностью или частично на анализе прошлых решений. В данном контексте можно рассматривать опыт Французской Республики, где было выявлено большое количество предпосылок для предсказательного правосудия.

Кассационный суд во Франции обеспечивает публикацию и распространение своего прецедентного права с момента его создания. В настоящее время решения кассационного суда доступны на сайте legifrance.gouv.fr, их можно свободно загружать и использовать повторно. Для регламентации такой политики, французский законодатель изложил в статье L. 111-13 Кодекса судебной организации принцип свободного доступа к данным всех судебных решений с должным уважением неприкосновенности частной жизни отдельных лиц [2]; также во Франции был принят закон «о цифровой республике» от 7 октября 2016 года, который

конкретизировал вышеуказанное положение. Подобную политику ведут и международные суды. Например, на сайте Европейского суда по правам человека можно в свободном порядке найти и использовать информацию о международных делах.

Сегодня кассационный суд управляет двумя национальными базами данных судебной практики, которые предоставляют около 1,7 млн решений в годовом потоке. В долгосрочной перспективе Франция надеется сохранять данные обо всех решениях, вынесенных судебными органами, что составит более 3 млн конкретных решений. Чтобы обеспечить надежное хранение данных в открытом доступе, необходимо разработать программное обеспечение, которое соответствовало бы всем стандартам безопасности обработки входных данных и требуемому объему. Кассационный суд проводит исследовательскую программу по ИИ для преодоления этого технического барьера.

Французские компании Legaltech, применяющие технологии искусственного интеллекта в области права, в течение нескольких лет с большим шумом занимают главенствующее место в предоставлении новых юридических услуг, которые, как они утверждают, могут предложить клиентам, желающим знать решение суда наперед, а также, насколько это возможно, правовой риск, с которым они могут столкнуться. Однако реальность, как это часто бывает, менее яркая, чем обещания. Технологический прорыв, который представлял бы собой автоматизированный семантический анализ решений правосудия, способных восстановить смысл и логическую формулировку, еще не произошел.

Но будем надеяться, что разработка методов автоматического обучения позволит в более или менее ближайшем будущем предоставить правовые инструменты для тщательного анализа мотивации судей во всех спорах.

Эффективный инструмент прогнозирующего правосудия должен, прежде всего, позволять объективировать конкретную прецедентную практику, понимаемую не как решения судов, призванные создавать юриспруденцию, а, напротив, как тенденцию, исходящую из всех решений, принятых в данной области и юрисдикции. Открытые данные предоставят видимость всем решениям, вынесенным судами, которые затем будут обработаны и использованы множеством государственных и частных субъектов

со всеми возможностями, предлагаемыми интеллектуальным анализом данных.

Результаты этой работы и то, что они подчеркнут в юридической деятельности, обязательно повлияют на справедливость и способ ее осуществления. Как минимум можно ожидать два основных эффекта: судьи получат пользу от юридического толкования Кассационного суда, но они также столкнутся с моделью своих коллег, «вертикальная» юриспруденция будет конкурировать с «горизонтальной» прецедентной практикой, своего рода нормой, вытекающей из числа. Затем мы станем свидетелями перераспределения или, по крайней мере, корректировки соответствующих ролей верховного и нижестоящих судов в процессе правотворчества. Также проинформированный о практике большинства судья будет в большей степени, чем сегодня, согласовывать свое прецедентное право с прецедентным правом, которое предложат инструменты предсказательного правосудия.

Риск определяется тем, что судья будет принимать решение не по собственной оценке судебного процесса, а потому что инструмент демонстрирует ему, что будут делать в этой ситуации его коллеги. Таким образом, предсказание становится самоисполняющимся пророчеством. В контексте того, что данная тенденция может привести к стандартизации практики, можно поставить под сомнение место, которое будет зарезервировано для нетипичного решения. Точно такой же проблемой может стать превышение предсказуемости судебных решений.

Исследователи из Лондона сделали удивительное открытие: при обработке данных, касающихся 584 дел, которые были переданы в Европейский суд по правам человека в Страсбурге, виртуальный судья смог проанализировать существующее прецедентное право и вынести тот же вердикт, что и судьи в 79 процентах случаев.

Столкнувшись с этими проблемами, связанными с технологиями, очевидно, что самые эффективные меры безопасности должны основываться на фундаментальных принципах, которые будут регулировать любой юридический процесс. Исключительным документом на сегодняшний день в этой области остается Этическая хартия по использованию искусственного интеллекта в судебном процессе, принятая на 31-ом пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия 4 декабря 2018 года.

На наш взгляд, нужен ясный и всеобъемлющий набор принципов, чтобы защитить человечество от потенциальных злоупотреблений ИИ. Именно с этой целью Европейская комиссия по эффективности правосудия приняла первый европейский текст, в котором изложены этические принципы, касающиеся использования ИИ в судебных системах. Его цель – гарантия уважения прав человека от концепции до практического применения. Четко сформулирован принцип качества и безопасности: должна быть возможность обработки данных с помощью машинного обучения на основе заверенных оригиналов, и целостность этих данных должна быть гарантирована на всех этапах обработки.

Принцип прозрачности методологий и методов, используемых при обработке судебных решений, также имеет большое значение. Акцент делается на доступности и понимании методов обработки данных, а также на возможности для независимых органов или экспертов проводить внешние аудиты. Судья должен иметь возможность в любое время вернуться к судебным решениям и данным, которые были использованы для получения результата, иметь возможность отклоняться от них с учетом специфики рассматриваемого дела.

Искусственный интеллект обладает огромным потенциалом для общего блага и содействия достижению Целей в области устойчивого развития, в частности Цели №16 «Мир, правосудие и эффективные институты», если он развивается таким образом, чтобы приносить пользу человечеству, опираясь на нормативную базу и уважая глобальные нормы и стандарты.

В первую очередь необходимо обеспечить многостороннее сотрудничество в области ИИ между различными международными, региональными и национальными организациями. Интеграция ИИ в правовую сферу общества должна быть четко регламентирована. Видение будущего правосудия в кооперации с ИИ сводится к предсказательному правосудию, которое исходит не из анализа верховенства права, а из повторения его применения, поэтому оно должно рассматриваться исключительно как элемент контекста, позволяющий сопоставить другие данные судебного процесса.

Таким образом, необходимо обеспечить распространение идей хартии, принятой Европейской комиссией по эффективности правосудия, а также осуществить их имплементацию в национальные законодательства. Они должны стать ориентиром для специалистов в области правосудия,

учреждений и политических деятелей, которые сталкиваются с проблемой интеграции новых технологий на основе ИИ в государственную деятельность или в их ежедневную работу.

Список источников

1. «American AI Initiative» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lebigdata.fr/intelligence-artificielle-usa-trump>. – Дата доступа: 27.03.2019.
2. Code de l'organisation judiciaire – Article L111-13 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.senat.fr/rap/l15-121/l15-12111.html>. – Дата доступа: 27.03.2019.

Today, AI offers many valuable opportunities in the field of justice, the use of its potential could help us in administering justice on a new scale, but the use of AI for legal purposes is poorly regulated. The main legal instruments for reducing risks from AI are the European Ethical Charter. It has great potential in the regulated area, therefore it is necessary to focus on promoting the principles of the charter throughout the world.

АВТОРСКОЕ ПРАВО В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Рассматривается авторское право в цифровом образовательном пространстве. Анонсируются проблемы авторского права в условиях измененной реальности. Определяются условия, необходимые для защиты прав авторов произведений, используемых в учебном процессе, в т.ч. при использовании дистанционных технологий обучения. Делаются выводы, касающиеся темы исследования.

Авторское право в его современном понимании может восприниматься как сложное правовое явление, находящееся как в состоянии статики, так и в состоянии динамики. Ретроспектива авторского права и взгляд в ближайшее будущее позволят с большой степенью вероятности уточнить его правовую сущность и место в системе права. В этом контексте важна философия авторского права, которая во многом определяет структуру и содержание его правовой материи и, что особенно важно, оказывает влияние на характер правового регулирования и состояние правоприменительной практики.

В условиях цифровизации образовательного пространства и применительно к теме данной статьи можно говорить об измененной реальности, под которой понимают реальность, отличную от той, в которой некогда зарождалось авторское право. Таким образом, получается, что авторское право возникло в тот период развития человеческого общества, когда свойственная веками потребность в творчестве могла среди прочего стимулироваться посредством создания материальных носителей, таких, как печатная книга, обеспечивающих хранение и распространение произведений, например, литературных или научных. Российское законодательство 2-й половины XIX века к видам права собственности относило право собственности литературной, художественной и музыкальной (ст. 551, 552, 1374 Свода законов гражданских). Д.И. Мейер указывал, что право это

в науке называется, общим образом, правом авторским. Являясь видом права собственности, оно имеет свои особенности, обусловленные тем, что его предмет – не вещь, а мысль, воплотившаяся в известную форму; соответственно этому и правовые положения, касающиеся права собственности на материальные вещи, применяются и к авторскому праву, насколько тому не противится свойство предмета этого права [1, с. 46].

На протяжении многих столетий авторское право развивалось в мире, в котором появлялись и множились новые материальные носители. Кроме печатных книг это фотопластинка, фотопленка, кинопленка, магнитная лента и др., главной особенностью которых была их способность зафиксировать результат творческого труда, сделать его доступным для восприятия и вовлечь в гражданско-правовой оборот, обеспечить его правовую защиту. Таким образом, **философия авторского права формировалась в условиях материального или реального мира, а все его юридические конструкции строились и развивались в системе координат и идеологии материального мира и овеществленных объектов.**

Ситуация стала принципиально иной после создания сети Интернет, что привело к попыткам переосмысления принципов и конструкций авторского права. Отмечается, что постепенно произведения, в отношении которых срок охраны имущественных прав еще действует, оказываются заложниками морально устаревших носителей [2, с. 4]. С другой стороны, актуализировались вопросы, касающиеся защиты прав автора, в т.ч. ученых, преподавателей, в условиях цифровизации образовательного пространства.

Реализация образовательных программ с применением электронного обучения и дистанционных образовательных технологий требуют соблюдения специального условия – функционирование электронной информационно-образовательной среды, включающей в себя электронные информационные ресурсы, электронные образовательные ресурсы, совокупность информационных технологий, телекоммуникационных технологий, соответствующих технологических средств и обеспечивающей освоение обучающимися образовательных программ в полном объеме независимо от их места нахождения [3, с. 2]. В этих условиях законодатель делает попытки упорядочить новые отношения, обеспечить их правовое регулирование

и защиту прав авторов произведений. В качестве примера можно назвать опыт США: Закон «Об авторском праве в цифровую эпоху» [4] или Закон «О гармонизации авторского права в интересах технологии и образования» [5]. **Здесь проявляет себя феномен амбивалентности, когда действиями законодателя, с одной стороны, руководит стремление построить новые юридические конструкции, опираясь на фундаментальные основы авторского права, а с другой – стремление наполнить область авторского права совершенно новыми конструкциями.** В условиях такой противоречивости создаются новые нормативные правовые акты и вносятся изменения в действующие нормативные правовые акты.

Университетское сообщество в силу своего предназначения в большей степени представляют создатели произведений науки, литературы, искусства, аудиовизуальных произведений, компьютерных программ и других объектов авторского права. Особенно велик удельный вес произведений науки (монографии, статьи, отчеты, научные лекции и доклады, диссертации, конструкторская документация и др.). Мировая практика, за редким исключением, знает общий подход: авторское право распространяется как на обнародованные, так и на необнародованные произведения, существующие в какой-либо объективной форме, а также в электронной, в т.ч. цифровой форме. В современных университетах значительная часть учебного материала не только хранится, но и изначально создается в цифровом формате. Как правило, в таком же формате учебный материал становится доступным обучающимся. С точки зрения потребностей авторского права в каждом конкретном случае всегда необходимо знать ответы на следующие вопросы: а) действительно ли создано произведение; б) обеспечивается ли доступ к произведению таким образом, что соблюдаются права автора. Основные проблемы, которые возникают в процессе использования произведений, существующих в цифровом формате, связаны с тем, что **судьба этих произведений, как объектов авторского права, во многом зависит от технических средств, специальных программ, локального нормотворчества.** Успешность использования произведений в цифровом формате с точки зрения права **означает безусловное соблюдение всех норм авторского права** или, иными словами, **указывает на законность использования произведения.** В данном контексте нельзя назвать

успешным использование произведений, когда обеспечивается широкий к ним доступ обучаемых, но с нарушением прав автора.

Применительно к цифровому образовательному пространству особое значение приобретают вопросы легитимации доступа к произведениям науки, когда такой доступ необходим преподавателям, исследователям или обучающимся. **Если с позиций авторского права считать сайт составным произведением, то и доступ к такому сайту или контенту должен основываться на соблюдении норм авторского права и прав самого автора.** В системе университетского образования уже длительное время существуют отлаженные механизмы доступа к цифровым образовательным ресурсам, в т.ч. и на основе обеспечения санкционированного правообладателем доступа на временной основе. В качестве примера можно привести сайт ScienceDirect, который принадлежит издательству Elsevier и содержит научные журналы и электронные книги по различным отраслям знаний, или издательство John Wiley & Sons, Inc., больше известное как Wiley – международная организация, специализирующаяся на выпуске академических изданий для специалистов, студентов и преподавателей университетов, исследователей, ученых. Однако **проблема в том, что сама по себе легитимация доступа к цифровым образовательным ресурсам еще не служит гарантией соблюдения норм авторского права.** При наличии у исследователей правомерного доступа к соответствующей информации (например, при его получении посредством подписки на определенные ресурсы, использования открытых лицензий и проч.) параметры использования не обязательно подразумевают возможность осуществления интеллектуального анализа данных. А поскольку научно-исследовательская деятельность во многом связана со все возрастающей потребностью в использовании цифровых технологий, отсутствие обязательного исключения в рассматриваемой области сопряжено с риском неполучения необходимой информации [6, с. 120] или получения ее с нарушением норм авторского права.

Поскольку цифровое образовательное пространство является обеспечительным механизмом дистанционного обучения, многократно возрастает потребность в использовании правовых средств, позволяющих защитить права авторов произведений. В аналитическом отчете ЮНЕСКО (2000) «Distance Education for the Information Society: Policies, Pedagogy and

Professional Development» (Paris, 2000), в части, касающейся дистанционного обучения, сказано о том, что «Дистанционное обучение – форма обучения, при которой преподаватель и обучаемые физически разделены во времени и/или пространстве, и опосредованная применением информационных технологий, используемых для преодоления упомянутого расстояния с сохранением показателей качества обучения» [7, с. 4]. В современном мире дистанционные технологии обучения составляют основу в организации университетского образования и, следовательно, образуют пространство, **транспарентность которого невозможна без соблюдения норм авторского права**. Нет сомнений в том, что национальные законодательства будут развиваться в направлении разработки специальных нормативных правовых актов, содержащих нормы, направленные на регулирование отношений по созданию и использованию произведений в цифровом формате, а также на защиту прав авторов этих произведений.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Цифровизация образовательного пространства никоим образом не может ставить под сомнение саму суть авторского права: его основные юридические конструкции обеспечивают стабильность, устойчивость всей правовой архитектуры права интеллектуальной собственности.

2. Создание в университетах строго выдержанной системы, включающей технические средства, программное обеспечение и локальные нормативные правовые акты, в значительной степени обеспечит эффективность дистанционного образования и, что немаловажно, свободу научного творчества.

3. В университетах необходимо организовывать и поддерживать систему обучения преподавателей, исследователей, студентов авторскому праву в условиях цифровизации образовательного пространства.

Список источников

1. Мейер, Д.И. Русское гражданское право. В 2 ч. / Д.И. Мейер // Сер. Классика российской цивилистики. – 8-е изд., испр. и доп. – М. : Статут, 1997. – Ч. 2. – С. 46.
2. Энтин, В.Л Авторское право в виртуальной реальности (новые возможности и вызовы цифровой эпохи) / В.Л. Энтин. – М. : Статут, 2017. – 216 с.

3. Устьянцева, О.В. Дистанционное обучение: вопросы правового регулирования [Электронный ресурс] / О.В. Устьянцева. – Режим доступа: https://www.sgu.ru/sites/default/files/conf/files/201703/ustyancevaov_idpo_2017.pdf. – Дата доступа: 26.03.2019.
4. The Digital Millennium Copyright Act of 1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf>. – Дата доступа: 26.03.2019.
5. The Technology, Education and Copyright Harmonization Act [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.copyright.com/wp-content/uploads/2015/04/CR-Teach-Act.pdf>. – Дата доступа: 26.03.2019.
6. Балабанова, Е. О перспективах реформирования авторского права в Европейском Союзе в условиях единого цифрового рынка / Е. Балабанова // Хозяйство и право. – 2018. – № 5 (496). – С. 116–122.
7. Гаевская, Е.Г. Технологии сетевого дистанционного обучения : учеб. пособие / Е.Г. Гаевская. – СПб. : Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2007. – 55 с.

This paper first gives a brief overview of the Digital Millennium Copyright. The copyright plays an important role in the maintenance of science. The past thirty years have seen increasingly rapid advances in the field of copyright. The rights of authors to works of science must be protected.

В.А. Богоненко, Т.В. Гончарова

**ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ О ТОВАРНЫХ ЗНАКАХ
(НА ПРИМЕРЕ ЗАЯВКИ НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК
ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА)**

Рассматриваются особенности регистрации товарных знаков, заявителями которых являются учреждения образования. Анализируется законодательство Республики Беларусь о товарных знаках. Показан пример регистрации товарного знака Полоцкого государственного университета.

С точки зрения теории права товарных знаков значительный интерес представляют комбинированные товарные знаки, которые сочетают в себе различные комбинации слов и изображений. Легальное понятие товарного знака закреплено в п. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О товарных знаках и знаках обслуживания», где говорится о том, что товарным знаком и знаком обслуживания (далее – товарный знак) признается обозначение, способствующее отличию товаров, работ и (или) услуг (далее, если не предусмотрено иное, – товары) одного лица от однородных товаров других лиц [1]. Понятие товарного знака содержится также в п. 1 ст. 1017 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Закон «О товарных знаках и знаках обслуживания» содержит общее понятие товарного знака и отдельно различает общеизвестный товарный знак.

Правовая сущность товарного знака как средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг отображается исключительно сквозь призму множества свойств, без которых невозможно дать полную и объективную характеристику этого объекта интеллектуальной собственности. В п. 2 ст. 1 Закона «О товарных знаках и знаках обслуживания» закреплены конститутивные элементы обозначений, которые могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков, а именно: словесные обозначения, включая имена собственные, сочетания цветов, буквенные, цифровые, изобразительные, объемные обозначения, включая

форму товара или его упаковку, а также комбинации таких обозначений [1]. Иные составляющие товарных знаков, которые трудно поддаются визуализации и юридической формализации, дополняют правовую материю товарного знака как сложного и межотраслевого явления. Например, такие составляющие могут относиться как к психологии и этимологии, так и к экономике и культурологии. Отсюда происходит различие в функциях товарных знаков. Производитель использует их в своей деятельности для привлечения внимания потребителя, и, с его точки зрения, им следует придавать такую форму, такой вид и обеспечивать такую правовую защиту, чтобы они могли выступать в качестве исполнителей главных ролей в рекламной спектакле [2, с. 32].

Достаточно большой интерес вызывает практика регистрации товарных знаков в системе университетского образования хотя бы уже потому, что речь идет в первую очередь о науке и образовании, а не о предпринимательской (коммерческой) деятельности. Тем не менее, Закон «О товарных знаках и знаках обслуживания» устанавливает общие требования к регистрации товарных знаков, не делая исключений в отношении регистрации товарных знаков, относящихся к деятельности высших учебных заведений. Такой подход законодателя не противоречит сущности регистрационного процесса и не ставит под сомнение саму природу товарного знака. Вместе с тем применительно к системе университетского образования существует вероятность того, что процесс регистрации в качестве товарных знаков обозначений может быть обременен необходимостью апеллирования к сведениям не только этимологического или культурологического характера, но и в первую очередь исторического. Сказанное в большей степени относится к университетской системе стран Западной Европы, поскольку в таких странах, как Франция, Италия или Германия, университеты стали создаваться наиболее интенсивно с XIII века. В Беларуси, имеющей достаточно богатые традиции в сфере образования и науки, наиболее уникальным и единственным в своем роде примером может служить история образования на Полоцкой земле.

В Национальный центр интеллектуальной собственности учреждением образования «Полоцкий государственный университет» была направлена заявка на регистрацию товарного знака и знака обслуживания в Республике Беларусь. Практика регистрации заявляемых обозначений,

прежде всего в системе университетского образования, указывает на необходимость представления вместе с иными документами описания заявляемого обозначения, хотя в Положении о порядке регистрации товарного знака и знака обслуживания и о внесении изменений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь, утв. постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28.12.2009 г. № 1719, нормы, обязывающие прилагать к заявлению такое описание, отсутствуют. В п. 45 данного Положения говорится о том, что описание заявляемого обозначения приводится заявителем при необходимости для пояснения сущности заявляемого обозначения и его идентификации. Описание служит исключительно для целей экспертизы [3].

Из описания заявляемого обозначения следует, что товарный знак представляет собой комбинированную словесно-изобразительную композицию на плоскости, состоящую из словесных сочетаний и изобразительных элементов. Кроме того, товарный знак представляет собой стилизованное изображение раскрытой книги внутри равностороннего шестиугольника, две вершины которого расположены на вертикальной оси. На развороте книги приведено графическое изображение зданий Полоцкого иезуитского коллегиума (академии) желтого цвета. Над изображением коллегиума справа размещена надпись «DOCENDO DISCIMUS» синего цвета. Над книгой по центру – дата «1581» синего цвета. По периметру шестиугольника на синей ленте надпись на белорусском и английском языках «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт» и «Polotsk State University». Шестиугольник венчает стилизованная корона серого цвета с навершием желтого цвета.

Основная идея товарного знака базируется на использовании древних традиций образования и книгоиздания на Полоцкой земле с учетом современного этапа развития университета.

Изображение зданий коллегіума символизирует истоки учреждения образования «Полоцкий государственный университет» от первого высшего учебного заведения на Полоцкой земле. Дата «1581» является годом закладки первого камня в здания иезуитского коллегіума. Шестиугольник символически олицетворяет бензольное кольцо, корона представляет собой стилизованное изображение сцепления двух зубчатых шестеренок как признак одного из первых факультетов – машиностроительного, а синяя лента по периметру шестиугольника – нити газопровода. Использованные элементы атрибутики – символы отраслей промышленности в городе Новополоцке, благодаря которым были основаны первые факультеты будущего Полоцкого государственного университета, который и в настоящее время осуществляет подготовку кадров для промышленных предприятий и организаций, проводит научно-исследовательские работы.

Раскрытая книга и надпись на латинском языке «DOCENDO DISCIMUS» («обучая обучаюсь») символизируют древние традиции образования и книгоиздания на Полоцкой земле. Выполнение надписи «Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт» на белорусском языке означает неразрывную связь с родной историей, а «Polotsk State University» на английском – широкие международные связи университета. Выбор композиции из словесных сочетаний и изобразительных элементов с контрастностью в цветовом решении способствует оригинальности визуального восприятия, выразительности, устойчивости запоминания товарного знака. Дата, являющаяся составной частью заявляемого обозначения, т.е. 1581, признана составной частью официального геральдического символа в Нагрудном знаке, а также флаге Полоцкого государственного университета и зарегистрирована Министерством юстиции Республики Беларусь.

Регистрация заявленного обозначения осуществлена в отношении товаров (услуг), относящихся к классам 35–42 по структуре Международной классификации товаров и услуг (International (Nice) Classification of Goods and Services for the Purposes of the Registration of Marks). Например, класс 41 включает в себя:

– услуги, связанные с образованием, в т.ч. обучение заочное, повышение квалификации и подготовка кадров;

- издание, учебников, учебных пособий, монографий, учебно-методической литературы, сборников научных трудов и других периодических изданий;
- библиотеки, обеспечивающие выдачу книг;
- услуги, связанные с проведением семинаров, конференций, симпозиумов;
- услуги, связанные с организацией спортивных и культурно-просветительных мероприятий;
- проведение тестирования, олимпиад, экзаменов;
- организация конкурсов научных, учебных, познавательных, развлекательных;
- организация спортивных состязаний.

В случае необходимости патентный орган может направить заявителю запрос правильно оформленных материалов, что предусматривается главой 11 Положения о порядке регистрации товарного знака и знака обслуживания. Как показывает практика регистрации заявляемых обозначений, патентный орган пользуется своим правом на запрос, что во многих случаях позволяет, например, уточнить достоверность сведений, содержащихся в документах, в частности, в заявлении или описании заявляемого обозначения.

Таким образом, действующее в Республике Беларусь законодательство о товарных знаках позволяет осуществлять заявляемые обозначения в качестве товарных знаков учреждений образования, поскольку общие нормы о регистрации обеспечивают такую возможность и в отношении таких учреждений. Вместе с тем заслуживает внимания вопрос о возможности внесения в законодательство норм, которые бы устанавливали особые требования к регистрации заявляемых обозначений, когда такие обозначения предназначены не для коммерческих организаций, а некоммерческих организаций, учреждений образования, а также тех лиц, для которых экономическая деятельность не является основным видом их уставной деятельности.

Список источников

1. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 5 февр. 1993 г., № 2181-XII // Режим доступа:

https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=http://belgopatent.by/russian/docs/2016/Zakon_tz.doc. – Дата доступа: 31.03.2019.

2. Веркман, К. Товарные знаки: создание, психология, восприятие : [пер. с англ.] / К. Веркман. – М. : Прогресс. – 31 л., ил. – Амстердам, 1974. – 519 с.

3. О порядке регистрации товарного знака и знака обслуживания и о внесении изменений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 28 дек. 2009 г., № 1719 // Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=C20901719>. – Дата доступа: 31.03.2019.

The main questions/issues addressed in this paper are: a) trademarks; b) registering and c) The example of registration. The legislation of the Republic of Belarus on trademarks is analyzed. The example of registration of the trademark of Polotsk State University is shown.

СПОРТИВНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Анонсируется проблема идентификации спортивного произведения в качестве объекта интеллектуальной собственности. На основе общих представлений о произведении в авторском праве делается попытка обосновать необходимость различать такое понятие, как «спортивное произведение».

В современном мире возрастает необходимость в правовом регулировании отношений, связанных с интеллектуальной собственностью в спортивной сфере, поскольку все чаще появляются случаи недобросовестной конкуренции, которые затрагивают права субъектов спортивных правоотношений. Такая ситуация во многом обусловлена тем, что развитие технических средств находится на достаточно высоком уровне, что, в свою очередь, позволяет беспрепятственно найти, скопировать и затем использовать результаты интеллектуальной деятельности в различных видах спорта еще до момента представления этих результатов на официальных спортивных мероприятиях.

На международном и на национальном уровне авторское право в области спорта в настоящее время гарантировано и защищено явно недостаточно, тем более, если учитывать их специфику, а также своего рода взаимодействие сфер спортивного и авторского права в современных условиях глобализации спорта. Также отсутствует единая законодательная база, регламентирующая аспекты творческих отношений и прав авторов на результаты интеллектуальной деятельности применительно к сфере спорта. В юридической науке эти вопросы также не освещены, практически отсутствуют исследования по данной тематике.

Несмотря на это, в некоторых международных актах можно выделить нормы, закрепляющие положения об объектах интеллектуальной собственности в спорте, что является немаловажным для их развития. Сюда можно отнести Олимпийскую хартию 2007 года, согласно пункту 2 Правил 7:

«Олимпийские символ, флаг, девиз, обозначения (включая, но не ограничиваясь словами «Олимпийские игры» и «игры Олимпиады»), знаки, эмблемы, огонь и факелы, все вместе и по отдельности являются «Олимпийской собственностью». Все права на каждый в отдельности и на все вместе элементы Олимпийской собственности принадлежат исключительно Международному Олимпийскому комитету (далее по тексту – МОК), включая, но не ограничиваясь, использованием в коммерческих целях, для получения дохода и рекламных целях. МОК может лицензировать все или часть своих прав на условиях, регламентируемых Исполкомом МОК» [1].

Также МОК является владельцем авторских прав на любое музыкальное произведение, созданное по заказу в связи с Олимпийскими играми. Таким образом, МОК обладает необходимыми гарантиями своих прав и может предпринимать все необходимые действия для получения юридической защиты на национальном и международном уровне своих прав на Олимпийские Игры и на любую Олимпийскую собственность [1].

Помимо общих положений в национальном законодательстве Республики Беларусь отсутствует единая и четко изложенная нормативная правовая база относительно интеллектуальной собственности в сфере спорта. Более того, в Законе Республики Беларусь «О физической культуре и спорте», регулирующем отношения в спортивной сфере, отсутствует какое-либо указание на интеллектуальную собственность в области спорта как таковую [2]. По этой причине довольно сложно определить, что можно отнести к объектам интеллектуальной собственности в сфере спорта и чем руководствоваться при защите своих прав на данные объекты.

Понятие «интеллектуальная собственность» является собирательным, изначально оно было заимствовано из международного частного права и на протяжении длительного времени совершенствовалось и обобщалось. Поэтому на сегодняшний день существует множество различных определений понятия интеллектуальной собственности, что свидетельствует об отсутствии общепризнанного определения этого понятия. В законодательстве Республики Беларусь также отсутствует общее понятие «интеллектуальная собственность», оно выступает в качестве обобщающего в отношении результатов интеллектуальной деятельности [3].

Согласно пункту 8 статьи 2 Стокгольмской конвенции 1967 года интеллектуальная собственность включает права, относящиеся:

- к литературным, художественным и научным произведениям;
- исполнительской деятельности артистов, звукозаписи, радио- и телевизионным передачам;
- изобретениям во всех областях человеческой деятельности;
- научным открытиям;
- промышленным образцам;
- товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям и коммерческим обозначениям;
- защите против недобросовестной конкуренции;
- а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях [4].

В сфере спорта категорию исключительных прав в основном составляют авторские права на произведения исполнительского творчества в спорте. К ним можно отнести:

- права на новые технологии, научные открытия, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, рационализаторские предложения в данной сфере;
- права на наименование спортивной организации, на наименование спортивной команды, на наименование физкультурного или спортивного мероприятия, на спортивную, олимпийскую и паралимпийскую символику, соответствующие товарные знаки и знаки обслуживания;
- права на освещение в средствах массовой информации физкультурных мероприятий или спортивных мероприятий (включая радио- и телевизионные права на физкультурные и спортивные мероприятия);
- права на размещение рекламы товаров, работ и услуг в месте проведения физкультурного или спортивного мероприятия;
- права на определение производителей спортивной экипировки, спортивного оборудования и инвентаря, используемых на физкультурном или спортивном мероприятии;
- права на изображение спортсмена, тренера, деловая репутация спортсмена, тренера или спортивной команды, клуба, и т.д. [5].

Можно выделить некоторые виды спорта, которые предполагают обязательное и явно выраженное наличие спортивно-творческой составляющей, когда спортивный результат достигается при исполнении спортсменом на соревновании оригинального спортивного произведения.

Так, у спортсменов и авторов выступления возникают исключительные права в отношении результатов их интеллектуальной и творческой деятельности. Например, в гимнастике присутствует множество элементов, которые можно отнести к результатам спортивно-творческой деятельности автора: техника выполнения различных упражнений и сами упражнения, хореография, музыкальное сопровождение, экипировка, сам костюм выступающего, оборудование и инвентарь, наименование спортивной команды и символика и т.д.

Таким образом, можно говорить о том, что элементы творческой деятельности могут присутствовать во время проведения различных спортивных мероприятий и соревнований, и в данном случае имеет место создание произведения как объекта авторских прав. Сама творческая деятельность может быть явно выражена или оставаться незаметной для окружающих лиц, однако она имеет место быть и должна получить достаточное внимание и изучение с целью выработки концепций их правового закрепления и надлежащей защиты.

Для того чтобы определить какая творческая деятельность и что вообще может быть отнесено к спортивным произведениям, необходимо рассмотреть данное понятие, выделить его признаки и особенности.

В законодательстве Республики Беларусь отсутствует определение понятия «произведение». В связи с этим выделить его характерные признаки вызывает затруднения, хотя многими авторами и учеными неоднократно поднимался вопрос о необходимости исследования данного понятия и выработки единого подхода к его определению.

Многие авторы в своих работах называют произведение результатом творческой деятельности автора, выраженной в объективной форме [6]. Однако такое определение дает возможность достаточно широкой трактовки понятия произведения.

В статье 6 Закона Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» есть указание, что авторское право распространяется на произведения, являющиеся результатами творческой деятельности, независимо от назначения и достоинства произведений, а также способа их выражения [7]. Таким образом, можно предположить, что любое произведение представляет собой результат творческой деятельности, однако понятие творческой деятельности также является неоднозначным.

Иногда отмечается, что в качестве произведений должны рассматриваться только оригинальные результаты творческой деятельности, но при этом не исключается возможность самостоятельного и независимого создания разными авторами одинаковых произведений.

Проблема состоит в том, что в качестве произведения может рассматриваться любая его часть, представляющая результат творческой деятельности [8]. Бывает очень трудно определить ту грань, за которой часть произведения перестает признаваться произведением.

В зарубежном законодательстве можно выделить Кодекс Франции об интеллектуальной собственности. В соответствии со статьей L. 112-1 положения данного кодекса защищают все творческие произведения независимо от их жанра, формы выражения, ценности или целей. Следующая статья L. 112-2 содержит подробный перечень произведений, которые признаются творческими. Среди них можно выделить хореографические произведения, цирковые номера или выступления, порядок исполнения которых зафиксирован в письменной форме [9]. Такое определение дает возможность достаточно широкой трактовки понятия художественного произведения, в т.ч. возможность рассматривать некоторые виды и формы спортивных выступлений как творческие произведения, если порядок их исполнения предопределен и установлен в письменной форме.

Таким образом, произведение как объект права интеллектуальной собственности представляет собой выраженный в объективной форме результат интеллектуальной деятельности автора в определенной области, отличающийся творческим характером и новизной. При этом следует учитывать коммерческую ценность произведения, т.к. она играет немаловажную роль в повышении его потенциала для получения в дальнейшем прибыли.

Так, спортивное выступление может рассматриваться в качестве спортивного произведения и объекта авторского права в том случае, если оно одновременно удовлетворяет следующим условиям:

- оно является результатом творческой и исполнительской деятельности, которая характеризуется ярко выраженной интеллектуальной природой и имеет целью обеспечение спортивной зрелищности и артистичности;

- при этом оно должно быть выражено в определенной законодательством объективной форме;

– содержит в себе придуманные автором элементы оригинального произведения, т.е. содержит элементы других объектов интеллектуальной собственности, на которые распространяются авторские права.

Применительно к праву интеллектуальной собственности изначально следует рассматривать виды спорта, которые имеют ярко выраженную творческую составляющую. В первую очередь это творческие виды спорта, в которых спортсмен демонстрирует созданное заранее интеллектуальным трудом участников спортивно-творческой деятельности произведение посредством выполнения спортивных элементов. К ним можно отнести танцевальный спорт, фигурное катание, художественную гимнастику и т.д.

В законодательстве Республики Беларусь отсутствует указание на так называемые творческие виды спорта, хотя выделение таких видов спорта будет способствовать развитию защиты авторских прав в сфере спортивной деятельности. Прежде всего, выделение данных видов спорта будет указывать на то, что деятельность спортсмена имеет определенную специфику: на соревнованиях он исполняет спортивное произведение, являющееся результатом интеллектуального труда участников спортивно-творческой деятельности. Также исполняемое спортивное произведение можно рассматривать как объект интеллектуальных прав на результаты исполнительской деятельности, на которые спортсмены обладают исключительными правами.

Важным элементом является правовая регламентация и защита прав интеллектуальной собственности в сфере спорта. В частности, целесообразно выделить и законодательно закрепить творческие виды спорта, в которых предполагается обязательное наличие спортивно-творческой составляющей. Это даст возможность определить сферу спортивной деятельности, в которой создаются спортивные произведения, а в дальнейшем – выделить такое понятие, как «спортивное произведение», его признаки и особенности как произведения, позволит справедливо отнести его к объектам авторского права и применять к его созданию, исполнению и использованию нормы об интеллектуальной собственности.

Список источников

1. Олимпийская хартия Международного Олимпийского Комитета [Электронный ресурс] : [заключена в Швейцарии октябрь 2007 г.] // Режим доступа:

- <http://docplayer.ru/29360197-Olimpiyskaya-hartiya-v-deystvii-s-7-iyulya-2007-g-mezhdunarodnyu-olimpiyskiy-komitet.html>. – Дата доступа: 27.04.2019.
2. О физической культуре и спорте [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 125-З : в ред. Закон Респ. Беларусь от 9 янв. 2018 г. № 92-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 3. Богоненко, В.А. Гражданское право : учеб.-метод. комплекс для студентов спец. 1-24 01 02 «Правоведение». В 2 ч. / В.А. Богоненко. – Новополоцк : ПГУ, 2019. – Ч. 2. – 392 с.
 4. Конвенция учреждающая всемирную организацию интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : [заключена в Стокгольме 14.07.1967 г.] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
 5. Алексеев, С.В. Международное спортивное право : учеб. пособие / С.В. Алексеев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. – 895 с.
 6. Гаврилов, Э.П. Право интеллектуальной собственности. Авторское право и смежные права. XXI век : учеб. пособие / Э.П. Гаврилов. – М. : Юрсервитум, 2019. – 876 с.
 7. Об авторском праве и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 27 апр. 2011 г., №262-З // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 8. Лосев, С.С. Научно-практический комментарий к Закону Республики Беларусь «Об авторском праве и смежных правах» / С.С. Лосев // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
 9. Кодекс интеллектуальной собственности Франции [Электронный ресурс] : 1 июля 1992 г., № 92-597 : с изм. и доп. от 3 янв. 1995 г. // Режим доступа: https://www.copyright.ru/ru/library/zakonodatelstvo/zarubezhnoe_zakonodatelstvo/kodeks_intellektualnoi_sobstvennosti_frantsii/. – Дата доступ: 29.04.2019.

The article announces the problem of identifying a sports work as an object of intellectual property. On the basis of general ideas about intellectual property, the need to distinguish between such a thing as "sports product" is substantiated.

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ИСЧЕРПАНИЯ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Приведены примеры интерпретации понятия исчерпания исключительного права (далее – исчерпание) в отечественной и зарубежной юридической литературе. Описаны подходы, используемые международными организациями. Выделены составляющие исчерпания.

Сегодня теоретические исследования, в которых употребляется понятие «исчерпание», как правило, не дают детальной характеристики исчерпанию, а само понятие употребляется в рамках толкования положений Договора о ЕАЭС и исключительно в отношении исчерпания исключительного права на товарные знаки, хотя исчерпание действует и в отношении иных объектов интеллектуальной собственности.

С учетом того, что исчерпание упоминается в большинстве работ, посвященных праву интеллектуальной собственности, лишь в общем виде полагаем, что тема, выбранная для исследования, является актуальной как с научной, так и с практической точек зрения.

Теоретической основой исчерпания является доктрина исчерпания или доктрина «первой продажи».

В Европе отцом доктрины исчерпания считается немецкий юрист Йозеф Колер (Joseph Kohler), опубликовавший труд по данной проблеме в 1907 году. Но впервые термин «исчерпание» на территории Европейского Сообщества был применен Германским Имперским Верховным Судом еще в 1902 году. В том же году судами было признано, что доктрина исчерпания применима для случаев, когда товар впервые выносится на рынок другой страны. Через четыре года доктрина была подтверждена в отношении авторских прав. В США о «доктрине первой продажи», было заявлено в 1873 году в судебном деле Adams против Burke [1, с. 33–42].

Д.В. Иванова рассматривает исчерпание через ситуацию, когда субъект исключительного права сам или с его согласия другое лицо ввели в гражданский оборот материальный объект, в котором воплощен объект

его прав, и уже получил справедливое вознаграждение за это действие с данной материальной единицей [2, с. 37–41].

В. Китч полагает, что исчерпание права – это не предмет некоего договора, а своего рода доктрина, определяющая пределы прав интеллектуальной собственности, хотя при помощи договора могут быть урезаны пределы сферы исчерпания прав интеллектуальной собственности, например, путем закрепления фиксированной цены перепродажи или территории для продажи [3, с. 57–61].

В интерпретации Е. Шехтман исчерпание прав является необходимым средством для обеспечения баланса интересов владельца товарного знака и потребностей рынка и базируется на принципе свободного перемещения товаров, что важно для функционирования любого рынка [4, с. 10–13].

Отметим мнение М. Дизона, который относит исчерпание к торговле, а не к интеллектуальной собственности, подчеркивая, что исчерпание воздействует на контроль над распространением товара, содержащего объект интеллектуальной собственности, а не на сами эти права [5].

ВОИС исходит из того, что исчерпание – это утрата права в сфере интеллектуальной собственности вследствие законной передачи титула на материальный объект, в котором заключен объект интеллектуальной собственности [6]. Как только продукт, охраняемый правом интеллектуальной собственности, был сбыт на рынке правообладателем, либо другими с его согласия, права интеллектуальной собственности на коммерческую эксплуатацию этого данного продукта не могут более осуществляться, поскольку они «исчерпаны» [7].

Таким образом, значение исчерпания заключается в том, что:

- исчерпание – это один из инструментов права интеллектуальной собственности, регулирующий полномочия владельца соответствующего объекта интеллектуальной собственности;
- с помощью данного инструмента государство имеет возможность ограничивать либо расширять полномочия владельца объекта интеллектуальной собственности в отношении товара, введенного им или с его согласия в гражданский оборот, и содержащего объект интеллектуальной собственности;
- исчерпание позволяет снять или, по меньшей мере, смягчить имеющиеся место противоречия между монопольным характером

исключительного права и принципом свободы перемещения товаров и услуг [8, с. 5–9];

- причиной или основанием исчерпания исключительных прав является введение товаров, содержащих объекты исключительных интеллектуальных прав, в гражданский оборот по воле правообладателя;

- в строго юридическом значении исчерпание – это ограничение исключительных прав; не утрата, а именно ограничение, поскольку субъективные права действуют [9];

- от иных способов прекращения исключительных прав исчерпание прав, отличается отсутствием письменного, выраженного в форме договора (об отчуждении исключительных прав) волеизъявления правообладателя и характеризуется тем, что после определенных действий со стороны последнего исключительные права прекращаются автоматически [10, с. 17–24];

- исчерпание является одним из инструментов разрешения споров о правомерности параллельного импорта;

- но главная функция исчерпания, по нашему мнению, – обеспечение баланса между владельцем прав интеллектуальной собственности и потребителем.

С учетом имеющихся результатов анализа юридической литературы и законодательства мы отмечаем наличие различных подходов к вопросу исчерпания исключительного права.

Вместе с тем можно согласиться с позицией ВОИС, что исчерпание – это утрата права в сфере интеллектуальной собственности вследствие законной передачи титула на материальный объект, в котором заключен объект интеллектуальной собственности.

Исчерпание является инструментом, с помощью которого государство изменяет полномочия владельца товарного знака по контролю за товарами, введенными в гражданский оборот, в целях обеспечения баланса между владельцем прав интеллектуальной собственности и потребителем.

Список источников

1. Драгилева, И.П. Пресечение недобросовестной конкуренции и монополистической деятельности / И.П. Драгилева // Патентное дело. – 2012. – № 6. – С. 33–42.

2. Иванова, Д. Теория исчерпания исключительного права, практика ее применения и введение регионального принципа исчерпания прав на товарные знаки в Республике Беларусь / Д. Иванова // Юстиция Беларуси. – 2012. – № 10. – С. 37–41.
3. Kithch, W. «Exhaustion of Intellectual Property: A Perspective from the United States» / W.Kithch // «Emergent Technologies and Intellectual Property». – CASPIR Series. – 1966. – № 2. – P. 57–61.
4. Шехтман, Е. Исчерпание прав на товарные знаки и параллельный импорт / Е. Шехтман, Е. Сесицкий // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2010. – № 1. – С. 10–13.
5. Dizon, M. Doctrine of Exhaustion of Intellectual Property Rights / M.Dizon // Michael Dizon on Law and IT [Electronic Resource]. – Mode of access: <http://michaeldizon.wordpress.com/2009/01/20/doctrine-of-exhaustion-of-intellectual-property-rights>. – Date of access: 29.03.2019.
6. Interface between exhaustion of intellectual property rights and competition law [Electronic Resource] / World Intellectual Property Organization. – Mode of access: http://www.wipo.int/edocs/mdocs/mdocs/en/cdip_4/cdip_4_4rev_study_inf_2.pdf. – Date of access: 29.03.2019.
7. Международное исчерпание и параллельный импорт [Электронный ресурс] / Всемирная организация интеллектуальной собственности. – Режим доступа: http://www.wipo.int/sme/ru/ip_business/export/international_exhaustion.htm. – Дата доступа: 29.03.2019.
8. Городов, О. К доктрине исчерпания исключительного права / О.Городов // Авторское право и смежные права. – 2013. – № 6. – С. 5–9.
9. Братусь, Д. Свободный рынок и исключительные права [Электронный ресурс] / Д. Братусь. – 2011. – Режим доступа: http://www.lexanalitik.kz/ru/press_center/publications/2011/October/98. – Дата доступа: 29.03. 2019.
10. Богданова, Е. Исчерпание права на товарный знак как особый вид прекращения исключительных прав / Е. Богданова // Интеллектуальная собственность. – 2013. – № 3. – С. 17–24.

Examples of the interpretation of the concept of exhaustion of exclusive rights in the domestic and foreign legal literature are given. The approaches used by official organizations are described. Selected relevant components of exhaustion.

**МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВАЯ РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ
В СФЕРЕ ДОМЕННЫХ ИМЕН:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Анализируется современное состояние международно-правовой регламентации отношений в сфере доменных имен. Обосновывается необходимость признания доменного имени объектом права интеллектуальной собственности.

В современном информационном обществе значение доменных имен существенно возросло. Однако вопрос их правовой охраны в большинстве государств остается нерешенным. Более того, не возникает сомнений, что, поскольку доменные имена функционируют в сети Интернет, а последняя является глобальной сетью, вопросы, связанные с использованием доменных имен, нуждаются в унифицированном регулировании в рамках всего мирового сообщества. Вот почему особое значение имеют анализ шагов, предпринятых в данном направлении, и определение перспектив международно-правовой регламентации отношений в сфере доменных имен.

Что касается попыток регламентировать отношения в данной сфере, следует отметить Декларацию принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» от 12.12.2003, а также Тунисское обязательство от 15.11.2005 и Тунисскую программу для информационного общества от 18.11.2005. В данных документах подтверждается стремление построить открытое, направленное на развитие информационное общество [1, п. 2], провозглашаются его основные принципы [2, п. 19–64]. Что касается непосредственно регулирования отношений в сфере доменных имен, в Тунисской программе для информационного общества подчеркивается необходимость развития процесса введения многоязычных доменных имен и развития программ, которые предусматривают наличие таких доменных имен [3, п. 53]. Кроме того, отмечается, что «странам не следует вмешиваться в принятие решений, касающихся

ccTLD какой-либо другой страны», и признается необходимость «дальнейшего развития и укрепления сотрудничества между заинтересованными сторонами в вопросах государственной политики в области наименования общих доменов высшего уровня (gTLDs)» [3, п. 63–64]. Однако, поскольку вышеуказанные документы посвящены информационному обществу в целом, иных положений о доменных именах в них не содержится.

Не ставится вопрос о правовой природе доменного имени и в Рекомендации ЮНЕСКО о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству от 15.10.2003, где подчеркивается, в частности, что «государствам-членам и международным организациям следует содействовать установлению соответствующих партнерских отношений в области управления доменными именами, включая многоязычные доменные имена» [4, п. 14].

Что касается актов, призванных регулировать вопросы использования доменных имен, стоит отметить «Единую политику разрешения споров о доменных именах» (Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy, UDRP), разработанную Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС) и принятую Интернет-корпорацией по присвоению имен и номеров (ICANN) 24.10.1999 [5]. UDRP содержит положения, направленные на разрешение доменных споров. Так, этот документ признает нарушением недобросовестную регистрацию и использование доменного имени и содержит критерии определения добросовестности/недобросовестности в данной сфере. Однако будучи утвержденной ICANN (международной неправительственной организацией), UDRP не является международным договором и не имеет общеобязательного характера. Положения UDRP применяются при рассмотрении споров в арбитражных органах, уполномоченных ICANN. Кроме того, в самом документе прямо подчеркивается, что «требования обязательной административной процедуры ... не препятствуют ... передать спор в суд компетентной юрисдикции ... до начала обязательного административного рассмотрения или после его завершения». [5, п. 4 (k)].

В связи с недостаточностью правовой регламентации отношений в сфере доменных имен отдельного внимания заслуживает вопрос о возможности передачи функций управления Интернетом Международному союзу электросвязи (МСЭ) и установлении государственного регулирования

национальных сегментов Интернета. Такая возможность была предметом рассмотрения на Всемирной конференции по международным телекоммуникациям (World Conference on International Telecommunications 2012, WCIT-12) [6].

Так, вопросы по администрированию доменов высшего уровня находятся в ведении ICANN. Но данная организация имеет статус международной неправительственной, и ее документы не носят общеобязательный характер. Кроме того, ICANN в своей работе в определенной мере зависима от правительства США [6]. Такое положение вещей и побудило ряд стран (Россия, Китай, Таджикистан, Нигерия, Сирия и другие) поднять вопрос о передаче руководства Интернетом МСЭ [6].

Однако дискуссия в рамках WCIT-12 показала, что мировое сообщество в целом не поддерживает идею государственного регулирования Интернета. В качестве главного аргумента против этого выступает то, что Глобальная сеть – самоорганизованная структура, которая должна быть максимально свободна от государственного вмешательства. Таким образом, сегодня ключевая роль в администрировании доменов высшего уровня остается за ICANN. И, хотя такое положение дел является предметом дискуссий, консенсуса относительно альтернативных возможностей руководства Интернетом мировое сообщество еще не достигло.

С нашей точки зрения, следует разделить вопрос о так называемом «государственном руководстве» Интернетом и о государственном регулировании отношений, которые возникают в связи с использованием Сети. Касательно первого – современное состояние самоорганизованной структуры Интернета вполне актуально и функции по техническому обеспечению успешно выполняет ICANN. Касательно второго – как свидетельствует практика, ICANN не способна решать всецело правовые вопросы, т.к. не компетентна принимать общеобязательные нормы. Вопросы же о признании доменного имени объектом права интеллектуальной собственности и регулировании отношений, которые возникают по поводу использования такого объекта, – именно правовые. Ввиду этого поиски их решения должны осуществляться в рамках законодательной деятельности государств и межгосударственного диалога, причем на международной арене ведущую роль следует отвести ВОИС. Ведь, как указано в Конвенции, учреждающей ВОИС, от 14.07.1967, данная организация «способствует

заключению международных соглашений, призванных содействовать охране интеллектуальной собственности» [7, п. 4 ст. 4]. К тому же именно ВОИС разработала UDRP, которая является весьма удачной моделью разрешения доменных споров, а Центр арбитража и медиации ВОИС рассмотрел уже более 42 тысяч таких споров [8], что свидетельствует о наличии достаточной практики для того, чтобы ВОИС смогла предложить мировому сообществу документ, в котором доменное имя было бы признано объектом права интеллектуальной собственности и был бы отражен эффективный подход к разрешению доменных споров.

Таким образом, следует констатировать, что развитие доменных имен существенно опережает правовую регламентацию отношений в данной сфере. Решение этой проблемы должно осуществляться в рамках законодательной деятельности государств и межгосударственного диалога при ведущей роли ВОИС. Признание доменного имени объектом права интеллектуальной собственности – задача и необходимость, продиктованная современными реалиями.

Список источников

1. Тунисское обязательство [Электронный ресурс] : Документ WSIS-05/TUNIS/DOC/7-R от 18.11.2005. – Режим доступа: <http://www.itu.int/net/wsis/docs2/tunis/off/7-ru.pdf>. – Дата доступа: 18.03.2019.
2. Декларация принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» [Электронный ресурс] : Документ WSIS-03/GENEVA/DOC/4-R от 12.12.2003. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/dec_wsis.pdf. – Дата доступа: 18.03.2019.
3. Тунисская программа для информационного общества [Электронный ресурс] : Документ WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R от 18.11.2005. – Режим доступа: <http://www.itu.int/net/wsis/docs2/tunis/off/6rev1-ru.pdf>. – Дата доступа: 18.03.2019.
4. Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству [Электронный ресурс] : рекомендация ЮНЕСКО от 15.10.2003. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/multilingualism_recommendation.shtml. – Дата доступа: 18.03.2019.

5. Uniform Domain Name Dispute Resolution Policy [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.icann.org/resources/pages/policy-2012-02-25-en>. – Date of access: 18.03.2019.
6. Попытки внедрения международного контроля за деятельностью в Интернете под эгидой ООН: новые возможности реализации Украиной информационного суверенитета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.niss.gov.ua/articles/1093/#_ftn2. – Дата доступа: 18.03.2019.
7. Конвенция, учреждающая Всемирную организацию интеллектуальной собственности [Электронный ресурс] : Конвенция от 14.07.1967. – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/283837>. – Дата доступа: 18.03.2019.
8. Domain Name Dispute Resolution [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.wipo.int/amc/en/domains>. – Date of access: 18.03.2019.

The current state of international-legal regulation of the relations in a domain name sphere is analysed in the work. The necessity of the recognition of a domain name as an intellectual property right's object is substantiated.

ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СЕМПЛИРОВАНИЯ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ НА ПРИМЕРЕ СУДЕБНОГО ДЕЛА КРАФТВЕРК

Судебный спор Крафтверк поднимает актуальную для цифровой эпохи проблему определения семплирования и его правовых ограничений. Семплирование было рассмотрено через призму пиратства и свободы искусств. Были представлены некоторые способы законодательного ограничения семплирования: «механические» лицензии и минимальный порог.

Семплирование в авторском праве является актуальной проблемой в цифровую эпоху. Судебное дело Крафтверк подняло этот вопрос в начале двухтысячных, но до сих пор его не закрыло. Особенность данного дела заключается в том, что не композиция, а запись является предметом спора. Участники группы «Крафтверк» вызвали в суд продюсера Моза Пелхама из-за семплирования 2-секундного ритма в его произведении «Nur Mir» из песни группы «Metall auf Metall». Суд Германии признал нарушение, после отменил решение, ставя короткость заимствования в пределы минимального порога. В 2017 году во время повторного рассмотрения дела суд Германии обратился с запросом в суд ЕС с целью получения предварительного заключения (дело С 476/17). Мнение Генерального адвоката Шпунара может повлиять на заключение. В данной статье будут рассмотрены некоторые из возможных определений семплирования и их правовые ограничения.

Согласно мнению Генерального адвоката, семплирование может быть определено как «прямое и постоянное воспроизведение». В данном определении доминируют смежные права и не учитывается возможность повторного создания мелодии. Суд Германии разрешил спор в пользу Крафтверк в 2012 году и постановил, что семпл без правовой очистки допускается только в случае, «если такой же эффект не может быть воспроизведен новым артистом самостоятельно». На сегодняшний день почти любое повторное создание мелодии возможно. Следовательно, если придерживаться мнения Генерального адвоката, почти все семплы без правовой очистки недопустимы. Вот почему услуги повторного воспроизведения,

например, предоставляемые компанией SCORCCIО, пользуются сейчас большим спросом. Данная услуга позволяет избежать правовой очистки полностью или частично. Успех такой услуги говорит о трудностях, которую испытывают артисты, сталкиваясь с проблемой правовой очистки. Данная услуга популярна в связи с тем, что в большинстве случаев повторное воспроизведение дешевле правовой очистки. Данная ситуация поднимает вопрос о соразмерности инвестиции производителя фонограммы: его затрат и его прибыли. Понимание производства фонограмм в качестве инвестиции в семплирование третьими лицами не является целесообразным, так как производитель не может рассчитать, какие части и сколько частей фонограммы (если таковые имеются) будут семплированы и какой будут приносить доход (если он будет иметь место). Основная цель инвестиции в форме производства фонограмм – их последующее копирование и/или распространение, данная цель защищена директивами 2001/29 и 2006/115. Также всплывает вопрос справедливого вознаграждения в случае получения прибыли от результатов художественного творчества третьего лица исключительно по причине записи результата художественного творчества другого лица. В данном случае первостепенную роль играет авторское, а не смежное право.

Семпл не может быть рассмотрен как воспроизведение, т.к. он становится частью другого независимого произведения. Данный факт очевиден в рассматриваемом деле, где два противопоставленных произведения принадлежат к разным жанрам музыки: электронная музыка и хип-хоп. Термин «воспроизведение» является одним из синонимов «копирования». Мнение Генерального адвоката склонно не признавать семплирование копированием даже при определении семпла как «воспроизведение». Генеральный адвокат ссылался на «угрозу пиратства», упомянутую в директиве 2006/115, которая рассматривается им как основной источник ограничения практики семплирования. Однако никакой «угрозы семплирования» не упоминается в данном правовом акте. Следовательно, такое понимание практики семплирования косвенно приравнивает его к практике пиратства (которое подразумевает в т.ч. незаконное копирование) и накладывает непропорциональные ограничения. Исходя из того, что семплирование не является копированием, оно не может приравниваться к цитате или пародии.

Понимание семплирования как «добросовестное использование» произведения в культурном диалоге позволит установить более гибкие правовые ограничения данной практике. Данное понимание отвязывает

семпл от смежных прав, оставляя некоторые права за создателем первоначального произведения. В данной ситуации уместно говорить о «механической лицензии», практике, используемой в США, начиная с дела 1908 года *White-Smith Music Publishing Co. v. Apollo Co*, в котором можно провести параллель между объемом прав производителей нотных листов, с которых играли музыку, и производителей фонограмм.

Второе возможное решение – это установление минимального порога (также практика США). Данный подход был также рассмотрен Генеральным адвокатом, однако не был принят как имеющий вес вследствие различия американской и европейской правовой среды и вследствие технических ограничений. Первый аргумент является абстрактным, не решающим. Вторым аргументом имеет место быть, т.к. принципы определения данного порога не могут быть универсально точными. Однако Конституционный суд Германии совершил попытку установления таких критериев: «художественная и временная дистанция, значение заимствованной последовательности и экономический ущерб создателя первоначального произведения, а также его значение». Данные критерии должны рассматриваться в гибком ключе для поддержания уровня свободы искусств, в особенности в жанрах, в которых семплирование является неотъемлемой частью.

Основание для гибкости интерпретации опирается на основное право свободы искусств. Аргумент Генерального адвоката, утверждающий подрыв эффективности права ЕС, не является уместным по причине того, что законодательство ЕС эксплицитно не запрещает семплирование. Право свободы искусств закреплено во многих конституциях стран-участниц ЕС, которые также являются правовым источником законодательства ЕС. К тому же Хартия Европейского Союза об основных правах (утверждающая данное право в Статье 13) имеет такую же юридическую силу, что и соглашения о Европейском союзе, с даты заключения Лиссабонского договора. Рассмотрение данного источника как *ultima ratio*, предложенное Генеральным адвокатом, неприемлемо вследствие принадлежности данного ограничительного принципа к уголовному праву.

Практика семплирования не может быть ограничена интересами производителей фонограмм. Инвестиция в творчество третьего лица таким способом невозможна. Анализ семплирования через призму смежных прав приравнивает данную практику к пиратству, что существенно ее ограничивает. Неоправданное ограничение творческого процесса нарушает

принцип свободы искусств. Определение семплирования как «добросовестное использование» или установка гибких ограничений в форме механических лицензий или минимального порога (интерпретируемого в пользу принципа свободы искусств) является альтернативой. Правовые ограничения зависят от концепции свободы искусств в цифровой эпохе.

Список источников

1. Правовой Интернет-портал ЕС [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/>. – Дата доступа: 24.03.2019.
2. Правовой Интернет-портал Cornell Law School [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.law.cornell.edu/supremecourt/text/209/1>. – Дата доступа: 24.03.2019.
3. Правовой Интернет-портал Justia US Law [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/13-57104/13-57104-2016-06-02.html>. – Дата доступа: 24.03.2019.
4. Правовой Интернет-портал Конституционного суда Германии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bundesverfassungsgericht.de/SharedDocs/Pressemitteilungen/EN/2016/bvg16-029.html>. – Дата доступа: 24.03.2019.
5. Правовой Интернет-портал АОП [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://fra.europa.eu/en/charterpedia/article/13-freedom-arts-and-sciences>. – Дата доступа: 24.03.2019.

The sampling cannot be limited by interests of phonogram producers since it is impossible for them to invest into a creative work of any third party. An act of sampling cannot fall into the restrictive legal limits of an act of piracy, which is considerably disproportionate, especially regarding the fundamental right of artistic freedom. The definition of sampling as a "fair use" in the context of artistic dialogue, or the establishing of its flexible legal limits in a form of a mechanical license or a de minimis threshold (interpreted in favor of the artistic freedom) can be an alternative. The legal limits of sampling depend on the concept of artistic freedom in the digital age.

ЗАЩИТА СРЕДСТВ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ В СЕТЯХ ИНТЕРНЕТ ПОСРЕДСТВОМ ДОМЕННЫХ ИМЕН

Рассмотрена гражданско-правовая защита объектов интеллектуальной собственности в сетях Интернет посредством доменных имен. Проанализировано Положение о порядке регистрации и пользования доменными именами в домене «UZ». Определено, что доменное имя способно выполнять функции, аналогичные средствам индивидуализации производителей, товаров и услуг. Рассмотрены различия между доменным именем и товарным знаком. Проанализировано правовое регулирование вопросов регистрации, администрирования доменов.

В Республике Узбекистан гражданско-правовая защита объектов интеллектуальной собственности в глобальных информационных сетях осуществляется в т.ч. и в виде защиты средств индивидуализации в сетях Интернет посредством доменных имен. Отношения по использованию доменных имен законодательством Республики Узбекистан четко не урегулированы. Основным документом по регулированию доменных вопросов является Положение о порядке регистрации и пользования доменными именами в домене «UZ» [1], в котором урегулированы вопросы регистрации и администрирования доменных имен; типов доменных имен и условия их использования; защиты прав на доменное имя и других прав, затронутых использованием доменных имен. В Положении определен механизм защиты прав интеллектуальной собственности, который обеспечивает порядок и стабильное развитие в доменном пространстве UZ. Правила об «Интеллектуальном доменном имени» защищают владельца прав интеллектуальной собственности, не ущемляя при этом добросовестного владельца доменного имени.

На практике использование фирменного наименования в качестве доменного имени, если это происходит без разрешения правообладателя на фирменное наименование, может считаться нарушением права [2].

Однако статья 11 Закона Республики Узбекистан «О фирменных наименованиях» устанавливает, что нарушением не является использование фирменного наименования в доменном имени, если доменное имя зарегистрировано раньше фирменного наименования.

В законодательстве Республики Узбекистан доменные имена не относятся законодательством к объектам интеллектуальной собственности. Однако с заменой цифрового IP-адреса на удобные символьные обозначения адресов сетевых ресурсов стало очевидно, что доменное имя помимо своей технической функции по адресации ресурса в рамках сети способно выполнять функции, аналогичные средствам индивидуализации производителей, товаров и услуг (фирменным наименованиям и товарным знакам). С расширением сфер информационных отношений в Сети у сетевых информационных ресурсов появились новые рыночные функции: распространение рекламы, электронная торговля, предоставление услуг. Но чтобы конечный потребитель узнал о предлагаемой информации, услугах или товарах, необходимо, чтобы он обратился к конкретному ресурсу. Указывая в доменном имени известный товарный знак можно предполагать значительное количество обращений к данному ресурсу. Поэтому доменные имена достаточно быстро были противопоставлены традиционным средствам индивидуализации. Ввиду отсутствия установленной законом охраны доменное имя де юре не является объектом интеллектуальной собственности. Предоставление доменных имен узбекистанской зоны Сети осуществляется на основании договора оказания услуг, заключаемого между организацией, предоставляющей услуги по регистрации доменных имен (исполнитель), и владельцем доменного имени (заказчик). По такому договору заказчику представляется право на администрирование домена (регистрацию доменов следующего уровня в рамках домена).

Доменные имена фактически стали средством индивидуализации сетевых информационных ресурсов, и на практике права владельцев доменных имен, предоставляемые им по договорам с администраторами доменов, столкнулись с правами владельцев товарных знаков и фирменных наименований. Правообладатель имеет право только запретить использование товарного знака в доменном имени в отношении товаров,

для индивидуализации которых товарный знак зарегистрирован, или в отношении однородных товаров. Если доменное имя не используется вообще или используется в отношении неоднородных товаров, то запретить или добиться прекращения регистрации домена нельзя. Предоставленное владельцу исключительных прав на товарный знак право запретить использование сходного обозначения в доменном имени дает ему возможность зарегистрировать домен на общих основаниях. В настоящее время многие владельцы доменных имен прибегают к регистрации наименований доменов в качестве товарных знаков с целью избежать возможного «захвата» домена. Однако различия между доменным именем и товарным знаком как средством индивидуализации настолько существенны, что не позволяют защитить доменное имя в рамках режима правовой охраны, предоставляемой товарному знаку.

Необходимо защитить права владельца доменного имени. Создание информационного ресурса, развитие и привлечение аудитории (пользователей Сети) требуют значительных вложений средств их создателей. Поэтому владельцы известных сетевых ресурсов заинтересованы как в охране прав на используемые домены, так и в защите от недобросовестной конкуренции. И хотя «продажа доменных имен» осуществляется посредством замены стороны в обязательстве с регистратором, передача такого права имеет самостоятельную экономическую ценность, не обусловленную правами и обязанностями по договору о предоставлении услуг по регистрации доменного имени. Участие продукта в рыночных отношениях требует закрепления абсолютного права, которое предполагает четкое обособление каждого объекта, его индивидуализацию. Для того чтобы объект стал охраняемым, необходимо специальное указание закона как об объеме охраны, так и о порядке ее предоставления. Любой нематериальный объект может свободно использоваться, кроме случаев, установленных законом. Установление такого исключения из общего правила и означает введение специальной охраны.

В Узбекистане на сегодняшний момент возникла необходимость как во введении правового института охраны доменных имен, так и в правовом регулировании вопросов регистрации, администрирования доменов. Право на доменное имя служит средством индивидуализации сетевого

ресурса; оно уникально, обладает самостоятельным информационным содержанием; нематериально, но обладает рядом свойств, позволяющих его обособить. Введение специального института охраны доменных имен позволит выделить группу доменов, которые соответствуют признакам объекта интеллектуальной собственности. Предоставление охраны доменным именам должно быть построено на тех же принципах, на которых охрана предоставляется товарным знакам, отдельным видом которых должно стать доменное имя.

Необходимо разделить сам факт регистрации доменного имени как адреса сетевого ресурса в глобальной сети Интернет и государственный акт по предоставлению доменному имени правовой охраны как средству индивидуализации сетевого ресурса в глобальных информационных сетях. Требуется специального регулирования порядок предоставления доменных имен.

Также необходимо признать доменное имя средством индивидуализации информационного ресурса юридического или физического лица в сети Интернет, правовая охрана которого должна предоставляться на основании его государственной регистрации в установленном законом порядке. В настоящее время доменное имя является неохраняемым средством индивидуализации информационного ресурса в сети Интернет. Это символическое обозначение, предназначенное для идентификации информационного ресурса в сети Интернет, зарегистрированное в реестре доменных имен в соответствии с правилами, установленными организацией Internet Corporation For Assigned Names and Numbers (ICANN). В соответствии с действующим законодательством, доменное имя не является объектом гражданских прав. Объектом гражданского оборота является право администрирования (использования) доменного имени, которое принадлежит лицу на основании договора об оказании услуг, предоставляемых регистратором доменных имен.

Список источников

1. Положение о порядке регистрации и пользования доменными именами в домене «UZ» // Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2008. – № 26-27. – С. 255.

2. О фирменных наименованиях : Закон Респ. Узбекистан № ЗРУ-51 от 18.09.2006 г. // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – 2006. – № 9.

The article discusses the civil legal protection of intellectual property on the Internet through domain names. Analyzed the Regulation on the procedure for registration and use of domain names in the domain "UZ". It is determined that the domain name is able to perform functions similar to the means of individualization of producers, goods and services. The differences between the domain name and the trademark are discussed. Analyzed the legal regulation of registration and administration of domains.

**НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ
ПРИ ВЫПЛАТЕ ВОЗНАГРАЖДЕНИЯ
ЗА СОЗДАНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ
ОБЪЕКТОВ ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

Рассмотрены некоторые проблемы стимулирования деятельности по созданию и использованию объектов промышленной собственности через призму системы мер повышения материальной заинтересованности юридических и физических лиц.

Программой социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 15 декабря 2016 г. № 466, предусмотрена реализация развития информационного общества и широкое внедрение информационно-коммуникационных технологий. В связи этим программой запланировано усовершенствование системы охраны прав интеллектуальной собственности, которая является ключевой составляющей стратегии инновационного развития страны [1].

В юридической литературе отмечено, что в современных условиях развития глобальной экономики, когда знания и информация становятся мощным ресурсом и ключевым фактором ее развития, все большее значение приобретает оптимизация системы управления интеллектуальной собственностью. Освещая иерархическую систему управления интеллектуальной собственностью, автором отдельно рассмотрен корпоративный уровень управления интеллектуальной деятельностью, чем подчеркнута пристальное внимание к указанному правовому пространству, и не только в гражданско-правовой доктрине, но и в правоприменительной деятельности [2].

Пунктом 3 статьи 6 Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» от 16 декабря 2002 г. № 160-3 предусмотрено право автора объекта промышленной собственности на вознаграждение, если наниматель получит патент на служебное

изобретение, полезную модель, промышленный образец либо примет решение о сохранении их в тайне или о передаче права на получение патента другому лицу, либо не получит патент по поданной им заявке по зависящим от него причинам. Вознаграждение выплачивается в размере и на условиях, определяемых соглашением между работником и нанимателем. В случае отсутствия соглашения между сторонами о размере и порядке выплаты вознаграждения спор рассматривается в судебном порядке. Порядок и условия выплаты вознаграждения, а также минимальный размер вознаграждения определяются Советом Министров Республики Беларусь [3]. Из смысла содержания указанной нормы вытекает, что законодатель, предусмотрев заключение договора с автором изобретения, не предусмотрел заключение какого-либо договора с лицами, содействующими созданию и использованию объекта промышленной собственности, тем самым не урегулировал соответствующие отношения.

В развитие названного положения Закона Республики Беларусь «О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы» от 16 декабря 2002 г. № 160-З постановлением Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Положения о порядке и условиях государственного стимулирования создания и использования объектов промышленной собственности» от 6 марта 1998 г. № 368 определен порядок и условия государственного стимулирования создания и использования объектов права промышленной собственности (далее – Положение) [4].

Положением под государственным стимулированием создания и использования объектов права промышленной собственности понимается система мер, имеющих экономическое содержание, основанное на повышении материальной заинтересованности юридических и физических лиц в создании и использовании объектов права промышленной собственности, и включающих выплату вознаграждения или компенсации автору (соавторам), а также лицам, содействующим созданию и использованию таких объектов [4].

Статьей 6 Закона Республики Беларусь «О нормативных правовых актах» от 17 июля 2018 г. № 130-З предусмотрен принцип стабильности правового регулирования общественных отношений. Пунктом 10 названной нормы обусловлено, что принцип стабильности правового регулирования общественных отношений обеспечивается принятием нормотворческими

органами (должностными лицами), иными субъектами нормотворческой деятельности не только мер по обеспечению надлежащего качества нормативных правовых актов, полноты и эффективности правового регулирования общественных отношений, но и по ограничению частых корректировок нормативных правовых актов [5].

Положения постановления Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Положения о порядке и условиях государственного стимулирования создания и использования объектов промышленной собственности» от 6 марта 1998 г. № 368 с 1998 года изменялись 11 раз: в 1999, 2002 – дважды, 2003, 2005, в 2011 – дважды, в 2013, 2015 и в 2018 году. При этом в большинстве случаев изменения касались размера выплат за создание и использование объекта права промышленной собственности авторам и лицам, содействующим его созданию и использованию, изменялся процент от прибыли, приходящейся на объект права промышленной собственности, условия и сроки выплаты вознаграждения и др.

Зачастую размер выплаты вознаграждения авторам и лицам, содействующим его созданию и использованию, является «камнем преткновения» для нанимателя, что не способствует целям и задачам государственного стимулирования создания и использования объектов права промышленной собственности.

Показательным примером является решение судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь по делу № 12-01\18-2017 от 20.02.2017. Истец, являющийся автором изобретения «Состав таблетки валерианы», охраняемого в Республике Беларусь патентом, просил взыскать с РУБ «Б» в соответствии с договором вознаграждение за использование изобретения 15% от годовой прибыли от реализации, выпущенной с использованием изобретения продукции, не согласившись с осуществленной выплатой ответчика в размере 30 базовых величин.

Ответчиком подан встречный иск, по которому РУП «Б» просило признать изобретение служебным объектом промышленной собственности, а также признать недействительным договор об уступке права на получение патента на изобретение, являющегося основанием для выплаты вознаграждения. Встречные требования истцом по встречному иску обосновывались п. 1 ст. 180 Гражданского кодекса Республики Беларусь. По мнению

истца договор «заключен неуполномоченным лицом на крайне невыгодных для предприятия условиях и вопреки его интересам в результате злонамеренного соглашения лица, подписавшего договор от имени предприятия, с авторами, занимавшими на момент подписания договора на предприятии руководящие должности, с целью получения ими при отсутствии экономического обоснования вознаграждения в размере, превышающем размер, установленный законодательством» [6].

Рассматривая дело, судебная коллегия пришла к выводу, что все необходимые исследования, предшествовавшие созданию изобретения, в т.ч. лабораторные, отработка технологии и выпуск опытных серий, осуществлялись работниками РУП «Б» на оборудовании, производственных площадях и за счет средств предприятия. Учитывая, что изобретение относилось к области деятельности РУП «Б», создано работниками данного предприятия в рамках выполнения служебных обязанностей по заданию нанимателя с использованием опыта, оборудования и средств предприятия, судебная коллегия пришла к выводу, что данное изобретение является служебным объектом промышленной собственности и удовлетворила требование по встречному иску РУП «Б».

Проанализировав условия и обстоятельства заключения оспариваемого договора, судебная коллегия пришла к выводу о наличии злонамеренного соглашения между заместителем генерального директора (ответчиком по встречному иску) Г., подписавшим договор от имени предприятия, и авторами, указанными в договоре, повлекшего неблагоприятные последствия для РУП «Б». При таких обстоятельствах коллегия решила, что встречный иск о признании договора от 19 января 2001 г. об уступке права на получение патента недействительным является обоснованным и подлежит удовлетворению. Поскольку основанием для взыскания вознаграждения и пени по иску П. являлся договор и требования о признании его недействительным удовлетворены, судебная коллегия в иске автору изобретения отказала.

В обоснование принятия решения судебная коллегия указала, что «критически оценивает показания свидетеля С. в части правомерного установления вознаграждения в размере 15% прибыли со ссылкой на приказ от 23 октября 1998г. генерального директора Ц., т.к. из данного приказа следует, что он был издан во исполнение постановления Совета

Министров Республики Беларусь от 06 марта 1998г. № 368, утвердившего Положение о порядке и условиях государственного стимулирования создания и использования объектов промышленной собственности, допускавшего выплату авторского вознаграждения за использование служебного объекта промышленной собственности в размере не менее 5 процентов годовой прибыли, получаемой патентообладателем от его использования» [6].

Не давая оценку обстоятельствам по делу и фактам, имеющим значение для правильного разрешения описанного спора, выскажу мнение, что решение судебной коллегии принято не в соответствии с основными началами гражданского законодательства, под которыми понимается система принципов, определяющих и регламентирующих гражданские отношения. В частности, гражданское законодательство основывается на принципе свободы договора. Согласно ст. 290 Гражданского кодекса Республики Беларусь обязательства должны исполняться надлежащим образом в соответствии с условиями обязательства и требованиями законодательства, а при отсутствии таких условий и требований – в соответствии с обычно предъявляемыми требованиями. Односторонний отказ от исполнения обязательства и одностороннее изменение его условий не допускаются, если иное не вытекает из законодательства или договора [7].

Возвращаясь к изменениям в постановление Совета Министров Республики Беларусь «Об утверждении Положения о порядке и условиях государственного стимулирования создания и использования объектов промышленной собственности» от 6 марта 1998 г. № 368 следует отметить, что в правоприменительной деятельности возникла проблема по периоду выплаты вознаграждения лицам, содействующим использованию объекта промышленной собственности. Ранее выплата вознаграждения за использование объекта промышленной собственности лицам, содействующим его использованию, предусматривалась в течение трех лет с даты начала использования объекта промышленной собственности, в месячный срок после выплаты вознаграждения автору (соавторам). Однако постановлением Совета Министров Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь» от 5 июля 2018 г. № 523 в пункте 11 абзац третий части четвертой изложен в следующей редакции: «лицам, содействующим его исполь-

зованию, – в месячный срок после выплаты вознаграждения автору (соавторам)».

Таким образом, изменением от 6 марта 2018 года исключено положение, согласно которому вознаграждения лицам, содействующим использованию объекта промышленной собственности, выплачивалось в течение трех лет с даты начала использования объекта промышленной собственности. В связи с этим возникла правовая неопределенность по ранее полученным патентам. Поскольку постановлением Совета Министров Республики Беларусь установлены минимальные гарантии как для авторов, так и для лиц, содействующих его использованию, то указанные лица вправе претендовать на соответствующие выплаты, в т.ч. и наследники указанных лиц.

В заключение проведенного в настоящей статье анализа некоторых проблем отметим, что в последнее время все чаще патентообладатели служебных объектов промышленной собственности осуществляют выплаты авторам и лицам, содействовавшим созданию и использованию объекта права промышленной собственности, в минимальном размере, определенном правительством.

Различные юридические факты порождают многоаспектность и сложность в установлении правового режима выплат вознаграждения автору (соавторам) и лицам, содействующим созданию и использованию объектов интеллектуальной собственности. Это необходимо учитывать в каждом случае закрепления соответствующих прав в договорах (соглашениях) как нанимателем, так и автором (соавторами), лицами, содействующими созданию и использованию объекта права промышленной собственности.

Список источников

1. Программ социально-экономического развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь от 15.12.2016 № 466 : с изм. и доп. от 30.11.2017 № 428 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Право интеллектуальной собственности : учеб.-метод. комплекс / В.А. Богоненко [и др.] ; под ред. В.А. Богоненко. – Минск : Витпостер, 2016. – С. 34–36.

3. О патентах на изобретения, полезные модели, промышленные образцы [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 16.12.2002 № 160-З : с изм. и доп. от 22 дек. 2011 г. № 328-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
4. Положение о порядке и условиях государственного стимулирования создания и использования объектов права промышленной собственности [Электронный ресурс] : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 06.03.1998 № 368 : с изм. и доп. от 05 июля 2018 г. № 523 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
5. О нормативных правовых актах [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
6. Решение судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь по делу № 12-01\18-2017 от 20.02.2017 [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. – Режим доступа: http://www.court.gov.by/ru/justice_rb/practice/intell/invent/d56443a0bfb7240c6/. – Дата доступа: 06.04.2019.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-З. : принят Палатой представителей 28 октября 1998 года : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 янв. 2017 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.

In the article some problems of stimulation in creation and use of objects of industrial property through a prism of system of measures of increase of material interest of legal entities and physical persons are considered.

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРАВОВОГО СТАТУСА
НОВЫХ СОРТОВ РАСТЕНИЙ И ПОРОД ЖИВОТНЫХ
КАК ОБЪЕКТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

Рассмотрены проблемы определения правового статуса новых сортов растений и пород животных как объектов интеллектуальной собственности на основе норм законодательства Республики Узбекистан. Проанализированы два подхода в понимании селекционных достижений. Предложено научное определение селекционных достижений. Рассмотрены схожие признаки и определенные отличия достижений генной инженерии и селекционных достижений как объектов интеллектуальной собственности по правовой природе и статусу.

Место результатов интеллектуальной деятельности в экономическом развитии государства связано не только с созданием и внедрением в производство изобретений, полезных моделей, промышленных образцов, новых технологий и производственной техники, но и с достижением высокой урожайности в сельском хозяйстве, продуктивности мясо-молочных продуктов, вследствие чего повышается экономический доход, а также с созданием и внедрением в сельское хозяйство производства новых сортов и пород для полного удовлетворения потребности населения в продуктах питания и источниках биотоплива. Развитие экономических отношений в сельском хозяйстве и улучшение механизма их правового регулирования считаются одними из факторов экономического процветания Республики Узбекистан. Кроме того, перед современной наукой гражданского права стоят вопросы определения правового статуса новых сортов и растений как объектов интеллектуальной собственности, установление отличительных черт научно-исследовательских способов создания новых сортов и пород, таких как селекция, генная инженерия, клонирование, а также определение

особенностей созданных на их основе новых сортов и растений, повышение эффективности правового регулирования этих видов деятельности и являющихся их результатами новых сортов растений и пород. Эти моменты устанавливают актуальность определения правового статуса новых сортов и пород как нетрадиционных объектов интеллектуальной собственности. Можно утверждать, что новый сорт и порода как особые объекты интеллектуальной собственности отличаются от обычных вещей и имущества рядом особенностей – новый сорт и порода являются результатом творческой деятельности, соответственно предусматривается их неповторимость, постоянная взаимосвязь процесса их создания с природно-климатическими условиями, а созданный объект охраняется нормами не авторского права, а нормами исключительных прав.

Хотя в теории гражданского права и высказано очень много идей о правовом статусе нового сорта и породы, о легальном и доктринальном определении их понятия, их места в системе объектов интеллектуальной собственности, требованиях к их новизне, в последние годы с учетом использования новых биологических, генетических, физиологических, зоологических и иных разнообразных способов создания нового сорта и породы, возможно определение правового статуса созданного нового сорта и породы с точки зрения обеспечения правовой охраны нового объекта, а также защиты интересов автора, работодателя и заказчика.

В настоящее время с развитием научно-технического прогресса возникло много способов создания новых сортов и пород, и поэтому нельзя связывать новый сорт и породу только с понятием «селекционное достижение». Изучение мнений ученых-генетиков (Т.Э. Остонакулов, И.Т. Эргашев, К.К. Шермухамедов, Б.А. Норматов) о способах создания нового сорта и породы, а также мнений ученых-правоведов (А.П. Сергеев, О. Окюлов, Т.Е. Каудыров) о различных способах создания нового сорта и породы, позволило прийти к выводу, что с помощью еще не изведенных человечеством способов в результате научно-исследовательской деятельности могут быть созданы сорта и породы, которые будут отвечать требованиям законодательства, предъявляемым к уже созданным новым сортам и породам. При этом применение термина «селекционное достижение» по отношению к новым сортам и породам может привести к ограничению

нормами закона развития научно-исследовательской деятельности». Поэтому целесообразно внести некоторые дополнения в законодательство, регулирующие селекционные достижения. В частности, в статье 2 Закона Республики Узбекистан «О селекционных достижениях» положение о «стойкой передаваемости по наследству» [1] в определении сорта не имеет правовой основы и потому целесообразно заменить это определение понятием «независимо от возможности правовой охраны». Целесообразным является и конкретизация правовой сущности новой породы, являющейся особым результатом интеллектуальной деятельности. По нашему мнению, новая порода – результат научных исследований в племенном деле, и требуется, чтобы она, отличаясь от иных групп животных своими генетическими особенностями, зоологическими и морфологическими признаками, сохранила общие признаки присущности к соответствующему виду.

Нужно признать, что в настоящее время нет единого подхода к пониманию селекционных достижений как в правовой литературе, так и в международном законодательстве, а также в национальном законодательстве различных стран. Существуют два подхода в понимании селекционных достижений. Представители первого подхода (А.П. Сергеев, О. Оқюлов) оценивают селекционное достижение как новый сорт и новую породу. Такое положение наблюдается в законодательстве Узбекистана. Представители второго подхода (К. Всеволожский, В. Пирогова) рассматривают селекционное достижение не на основе его объекта, а исходя из особенностей и нетрадиционности в процессе создания нового сорта и породы. На наш взгляд, при определении селекционных достижений и оценке результатов данного вида деятельности как особой сферы биологических исследований основное внимание должно быть обращено не на сам объект, а на процесс его создания, и при этом исходя из требований актов законодательства целесообразно обратить внимание на новизну созданного сорта и породы. Основываясь на этом и исходя из способов осуществления научных исследований по созданию нового сорта и породы, в настоящее время можно считать обоснованными доводы представителей второго подхода к определению селекционного достижения. Можно предложить следующее научное определение

селекционных достижений: селекционное достижение – это новые сорта растений и новые породы животных, созданные в результате научных исследований с использованием естественных свойств биологических объектов.

Генная инженерия является сравнительно новым направлением научно-исследовательской деятельности, в настоящее время возрастает ее роль в решении продовольственной проблемы, поэтому определение правового статуса достижений генной инженерии с теоретической точки зрения приобретает особое значение. Анализируя идеи ученых-генетиков и ученых-правоведов о понятии генной инженерии, можно заключить, что генная инженерия является самостоятельной отраслью научно-исследовательской деятельности, а ее результаты – объектом интеллектуальной собственности. Несмотря на наличие определенных схожих признаков у достижений генной инженерии и селекционных достижений как объектов интеллектуальной собственности, они имеют и определенные отличия по правовой природе и статусу. В качестве таких отличий можно назвать следующие: если селекционными достижениями считаются только научные исследования над растениями и животными, то объекты исследований генной инженерии намного шире; если при создании селекционного достижения используются традиционные способы и средства, то в основе генной инженерии лежит изменение гена живого существа, а также иные способы воздействия на него; в отличие от селекционных достижений результаты генной инженерии могут быть опасны для здоровья человека и окружающей природной среды; процесс получения результата генной инженерии не может длиться долгий срок, а также в отличие от селекционных достижений на создание нового сорта и породы не расходуются лишние средства.

При определении правового статуса нового сорта или породы, с учетом общих черт их законодательного регулирования, не должны быть оставлены без внимания и особенности, свойственные им. А это, в свою очередь, также может быть оценено в качестве проблемы современной цивилистики при самостоятельной разработке норм законов, определяющих статус нового сорта, условий его правовой охраны и признания объектом интеллектуальной собственности.

Список источников

1. О селекционных достижениях : новая редакция : Закон Респ. Узбекистан // Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – 2002. – № 9. – С. 156 ; Собрание законодательства Республики Узбекистан. – 2011. – № 52. – С. 555 ; 2017. – № 37. – С. 978 ; Национальная база данных законодательства, 24.07.2018 г., № 03/18/486/1559; 09.01.2019 г., №03/19/512/2435.

The article deals with the problems of determining the legal status of new varieties of plants and animal breeds as objects of intellectual property based on the norms of the legislation of the Republic of Uzbekistan. Two approaches are analyzed in understanding breeding achievements. The author proposed a scientific definition of breeding achievements. Similar signs and certain differences in the achievements of genetic engineering and selection achievements as objects of intellectual property by legal nature and status are considered.

ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: ОПЫТ ИНОСТРАННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ

Рассмотрены подходы зарубежных университетов к разработке политики в области интеллектуальной собственности. Выделены основные составляющие элементы данных политик, а также отмечены основные концептуальные подходы к их реализации. Сделан вывод о целесообразности разработки схожих политик для университетов Беларуси.

Национальная инновационная система Республики Беларусь в настоящий момент находится в процессе становления и включает широкий перечень элементов, среди которых особая роль принадлежит университетам – они обеспечивают подготовку кадров для инновационной экономики и являются одними из основных генераторов новшеств. При этом эффективность деятельности университетов в рамках Национальной инновационной системы во многом определяется принятыми подходами к управлению интеллектуальной собственностью (далее – ИС), что обуславливает важность вопросов создания, правовой охраны, введения в гражданский оборот и защиты объектов интеллектуальной собственности (далее – ОИС).

Как показывает мировой опыт, для эффективного управления ИС в любой организации необходимо наличие организационной структуры управления и соответствующего нормативно-правового обеспечения [1]. При этом среди ведущих университетов мира широкое распространение получила практика разработки и внедрения политики в области ИС как цельного документа, в котором отражены все организационные и правовые вопросы, связанные с управлением и использованием ИС [2].

Данная практика активно поддерживается Всемирной организацией интеллектуальной собственности, которая в последние годы организовала и провела серию региональных семинаров для стран бывшего СССР («Регламенты по интеллектуальной собственности в университетах и научно-исследовательских институтах», Москва, Российская Федерация, 9-10 ноября 2016 г.; «Политика в области интеллектуальной собственности в универси-

татах и научно-исследовательских институтах», Бишкек, Кыргызская Республика, 14-15 ноября 2017 г.; «Политика в области интеллектуальной собственности для университетов и научно-исследовательских учреждений», Полоцк, Республика Беларусь, 26-27 апреля 2018 г., и др.), целью которых являлась инициация разработки методических подходов для выработки единой политики университетов и научных организаций региона в области ИС. В настоящий момент данная практика пока не имеет распространения среди университетов Республики Беларусь, что ограничивает возможности использования ИС в качестве ресурса инновационного развития.

В связи с вышеизложенным целесообразным является рассмотрение мирового опыта в данной сфере.

В качестве примера рассмотрим следующие университеты, которые по данным индикатора QS World University Rankings 2019 имеют наиболее высокий уровень исследовательской активности при осуществлении научной и образовательной деятельности по широкому перечню направлений науки и техники, а также входят в перечень ведущих университетов на национальном уровне [3]:

- Массачусетский технологический институт (США);
- Стэнфордский университет (США);
- Гарвардский университет (США);
- Калифорнийский технологический институт (США);
- Чикагский университет (США);
- Принстонский университет (США);
- Корнеллский университет (США);
- Йельский университет (США);
- Колумбийский университет (США);
- Пенсильванский университет (США);
- Австралийский национальный университет (Австралия);
- Мюнхенский технический университет (Германия);
- Университет Кюсю (Япония).

Политики в области ИС рассмотренных университетов могут включать следующие основные элементы (положения) [2, 4, 5]:

- цель политики;
- принципы реализации политики и управления ИС;
- определение правообладателей;
- наличие соглашения с авторами;

- права студентов на ИС;
- распределение поступлений от использования ОИС;
- порядок сохранения конфиденциальности;
- разрешение споров;
- организационная структура, обеспечивающая реализацию политики;
- использование ИС при создании спин-офф и старт-ап компаний;
- управление конфликтом интересов.

Указанные положения политик могут уточняться и дополняться в различных регламентирующих документах, разработку и внедрение которых осуществляет организационная структура, обеспечивающая реализацию политики в сфере ИС.

Как правило, университетами в рамках данных политик регулируется использование материальных результатов исследований и разработок, что позволяет дополнительно защитить свои права и расширить возможности для сотрудничества как с другими научными организациями, так и с промышленными предприятиями.

Стоит отметить, что широкое распространение в практике университетов США получило введение отдельных политик для ОПС и объектов авторского права, что определяется различиями в сущности данных объектов и возможными направлениями их дальнейшего использования.

Университеты, как правило, являются правообладателями ОИС в трех случаях:

1. ОИС создан в рамках выполнения служебных обязанностей;
2. ОИС создан в рамках работ, финансируемых университетом либо третьей стороной, но работы выполняются на базе университета;
3. ОИС создан при существенном использовании имущества университета (к данной категории, как правило, не относятся использование библиотечных фондов, офисных помещений и оборудования, иных сервисов, предоставляемых университетом широкому кругу пользователей).

Существует индивидуальный подход каждого университета к материальному стимулированию создателей ОИС. Однако стимулирование осуществляется лишь в случае использования ОИС, а не факта его создания. Практика материального стимулирования авторов в случае создания ОИС наиболее широко распространена у университетов Японии.

В целях исключения конфликта интересов, обеспечения исполнения прав и обязательств, касающихся создания и использования ОИС, широкое распространение получила практика заключения университетом соответствующих соглашений с сотрудниками и студентами.

В заключение стоит отметить, что внедрение практики разработки политики в области интеллектуальной собственности может позволить университетам Беларуси регламентировать процесс управления ИС, содействовать обеспечению прав и обязанностей университета, сотрудников и студентов и при грамотном подходе будет способствовать внедрению достижений университетской науки в реальный сектор экономики за счет разработки и последующей реализации взвешенной стратегии в области ИС.

Список источников

1. Кудашов, В.И. Интеллектуальная собственность: экономические и организационно-правовые механизмы управления : моногр. / В.И. Кудашов, Ю.В. Нечепуренко. – Минск : Амалфея ; Мисанта, 2013. – 192 с.
2. Калинин, А. Политика университета в области интеллектуальной собственности: зарубежный опыт / А. Калинин, Ю. Нечепуренко // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2018. – № 3 (79). – С. 16–22.
3. University Rankings [Electronic resource] : QS World University Rankings. – Mode of access: <https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2019>. – Date of access: 15.03.2019.
4. Калинин, А. Политика в области интеллектуальной собственности: опыт университетов США / А. Калинин, Ю. Нечепуренко // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2018. – № 4 (80). – С. 38–40.
5. Калинин, А. Политика в области интеллектуальной собственности: опыт университетов США / А. Калинин, Ю. Нечепуренко // Интеллектуальная собственность в Беларуси. – 2019. – № 1 (81). – С. 8–16.

The article compares the development and implementation of intellectual property policy in leading foreign universities from different regions of the world. The main components of the policies in the field of IP as a unitary document are identified. Conclusions are made about the advisability of developing IP policy for the universities of Belarus as a single document in order to increase the efficiency of the creation and use of the results of intellectual activity.

К АКТУАЛЬНЫМ ПРОБЛЕМАМ АВТОРСКОГО ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

Актуальность темы исследования обусловлена тем фактором, что огромное количество исков по поводу авторского права в цифровую эпоху регулируется Digital Millennium Copyright Act, что повлекло за собой обострение научных и практических интересов к анализу данного закона.

Целью данного исследования является анализ закона Digital Millennium Copyright Act и рассмотрение его практического применения.

Одной из самых актуальных проблем в цифровую эпоху является соблюдение авторских прав на интеллектуальную собственность. Доступ к музыке, фильмам, книгам, научным разработкам и т.п. на просторах сети Интернет часто связан с нарушением прав их создателей и владельцев. Ярким примером борьбы с такого рода нарушениями является закон США «Об авторском праве в цифровую эпоху» (Digital Millennium Copyright Act – DMCA).

Digital Millennium Copyright Act был принят двадцать лет назад в качестве законодательного акта, регламентирующего применение положений международного договора Всемирной организации по охране интеллектуальной собственности (WIPO) на территории Соединенных Штатов. Голливуду этот закон был нужен для того, чтобы остановить вал незаконного тиражирования его продукции, вырастающий до угрожающих масштабов. Благодаря DMCA в США сложилась такая законодательная практика, которая до сих пор не позволяет потребителям пренебрегать механизмами защиты от копирования [1].

Неоспоримым преимуществом DMCA является то, что для правообладателей он предусматривает простой и недорогой способ удаления материалов, нарушающих авторские права, в Интернете. Традиционно вам нужно было бы нанять адвоката для защиты своих нарушенных прав и начать судиться с людьми. Это довольно затратный процесс как в плане

финансов, так и времени. DMCA предоставляет решение этой проблемы. Владельцу авторских прав достаточно уведомить сайт, где находится материал, нарушающий его права, а владельцу сайта ничего не остается, как убрать материал из публичного доступа, если он не желает быть втянутым в иск об авторском праве. Материал удаляется, что в свою очередь позволяет избежать судебных издержек.

В то же время закон защищает провайдеров и владельцев сайтов от ответственности за нарушения, совершенные их пользователями, при условии, что провайдер или владелец сайта соблюдают требования, изложенные в пункте 512 DMCA. В случае, если правообладатель подает претензию о нарушении авторских прав в соответствии с DMCA, известную как «уведомление об удалении», владелец сайта обязан «безотлагательно» удалить контент из публичного доступа. Удалив материал, владелец сайта не несет какой-либо ответственности, и правообладатель не может подать на него в суд за нарушение авторских прав [2].

Но помимо тех положений, которые демонстрируют положительные качества Digital Millennium Copyright Act, существуют и положения, которые вызывают неоднозначные вопросы.

Негативные аспекты DMCA стали очевидны вскоре после того, как Билл Клинтон подписал закон в 1998 году. Злоупотребление авторским правом является огромным негативным аспектом DMCA. Оно действует как форма цензуры и, без сомнения, является значительной проблемой этого закона. Отдельные лица или крупные компании могут использовать положения DMCA, касающиеся удаления материала, как молоток против любого, кто публикует их контент, даже если для этого есть правовая основа.

В разделе 512 (с) (3) Закона о защите авторских прав в цифровую эпоху (DMCA) говорится, что сторона, подающая жалобу о нарушении авторских прав, не должна отправлять необоснованные уведомления о нарушении авторских прав. Раздел 512 (f) гласит, что любое лицо, которое сознательно искажает информацию о том, что материал нарушает авторские права, будет нести ответственность за ущерб, «включая издержки и гонорары адвокатов, понесенные предполагаемым нарушителем, любым владельцем авторских прав или уполномоченным владельцем авторских прав, или поставщиком услуг, который пострадал в результате такого искажения». Казалось бы, что эти санкции должны остановить правообладателей

от злоупотребления своими правам, но как показывает практика, это не так [3].

Одним из примеров такого рода злоупотребления является широко освещенный инцидент компании GoPro и сайта DigitalRev. Компания GoPro отправила уведомление DMCA к DigitalRev, обосновав это тем, что последние включили в свой обзор слова «GoPro» и «Hero», сравнивающие камеру GoPro Hero 3 с Sony HDR-AS15. В письме говорилось, что у них было «добросовестное убеждение», что DigitalRev нарушил их права на товарный знак, используя название компании в своем обзоре [4].

В этом уведомлении есть пара серьезных ошибок. Во-первых, использование названия продукта для проверки этого продукта не нарушает закон об авторском праве и в соответствии с DMCA полностью подпадает под исключение добросовестного использования для комментариев и критики. Во-вторых, DMCA регулирует положения об авторском праве, а не о товарных знаках.

Еще одно положение, вызывающее вопросы, на котором я хотел бы остановиться отдельно, – это пункт 512 (m) DMCA, согласно которому поставщики онлайн-услуг не обязаны активно отслеживать нарушения и, следовательно, могут просто упускать из виду вопиющие злоупотребления авторским правом, вследствие чего такие гиганты, как Google, имеют возможность получения огромных доходов от рекламы, которая прикрепляется к такому роду контента.

В деле Viacom International Inc. против YouTube Inc. Окружной суд США для Южного Округа Нью-Йорк постановил, что в соответствии с пунктом 512 (m) DMCA YouTube не несет ответственности за 79 000 незаконно загруженных клипов Viacom. Несмотря на то, что YouTube мог легко найти материалы, нарушающие авторские права, судья постановил, что «знание о распространении нарушающей деятельности и ее приветствие само по себе не отменяет правило безопасной гавани». Однако, одобряя поведение поставщиков онлайн-услуг, которые знают о наличии материала, нарушающего авторские права, и при этом бездействуют, DMCA несправедливо защищает украденный пользователями контент, а не права действительных владельцев контента [5].

Подводя итог, следует отметить, что в настоящее время Digital Millennium Copyright Act испытывает потребность в реформировании,

направленном на соответствие правовых норм общественным отношениям. Данное обстоятельство обуславливает необходимость решения этих проблем с обязательным учетом прав и законных интересов всех категорий субъектов авторских правоотношений.

Список источников

1. 10 YEARS LATER, MISUNDERSTOOD DMCA IS THE LAW THAT SAVED THE WEB. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.wired.com/2008/10/ten-years-later/>. – Дата доступа: 25.03.2019.
2. Закон о защите авторских прав в цифровую эпоху: как не попасть под санкции от Google?. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://arto.agency/dmca/>. – Дата доступа: 29.03.2019.
3. Digital Millennium Copyright Act [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.congress.gov/bill/105th-congress/house-bill/2281/text/enr>. – Дата доступа: 25.03.2019.
4. GoPro doesn't like their Hero 3 compared to Sony's AS15? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://store.digitalrev.com/article/gopro-doesn-t-like-their/ODUyNjU2ODc_A. – Дата доступа: 30.03.2019.
5. YouTube Stays Safe under DMCA «Safe Harbor» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdas.com/youtube-stays-safe-under-dmca-safe-harbor-2/>. – Дата доступа: 30.03.2019.

The relevance of the research topic is due to the fact that a huge number of lawsuits regarding copyright in the digital age are governed by the Digital Millennium Copyright Act, which led to greater scientific and practical interest in its analysis.

The purpose of this study is to analyze the Digital Millennium Copyright Act law and to consider its practical application.

ОСОБЕННОСТИ ПРИЗНАНИЯ ДЕЙСТВИЙ КОНКУРЕНТА ПО РЕГИСТРАЦИИ ТОВАРНОГО ЗНАКА АКТОМ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

С позиции законодательства Республики Беларусь исследуются вопросы признания действий по регистрации товарного знака актом недобросовестной конкуренции. Выявлены особенности такого признания в судебном и в административном порядке. Делается вывод о причинах большей востребованности на практике административного способа защиты прав.

Законодательство Республики Беларусь не запрещает регистрацию в качестве товарных знаков обозначений, используемых другими лицами и при этом не имеющих правовой охраны на территории Беларуси. Такое положение дел создает для недобросовестных лиц возможность зарегистрировать на свое имя в качестве товарного знака обозначение, которое продолжительное время использовалось другими лицами в качестве обозначения на своих товарах, и в последующем запрещать всем другим лицам использовать данное обозначение.

Зачастую подобная недобросовестная регистрация осуществляется в целях вытеснения конкурирующих субъектов хозяйствования с рынка соответствующей продукции либо для последующей уступки исключительного права на товарный знак лицу, фактически использующему идентичное обозначение. Как противостоять подобным действиям? Как защититься от таких актов недобросовестной конкуренции?

В соответствии с подп. 1.3 п. 1 ст. 25 Закона Республики Беларусь от 5 февраля 1993 г. № 2181-XII «О товарных знаках и знаках обслуживания» (далее – Закон о товарных знаках) предоставление правовой охраны товарному знаку может быть признано недействительным полностью или частично в течение срока действия правовой охраны, **если связанные**

с регистрацией действия владельца товарного знака признаны антимонопольным органом или судом недобросовестной конкуренцией. На основании решения указанных органов заинтересованные лица в соответствии с п. 3 ст. 25 Закона о товарных знаках могут обратиться в Апелляционный совет при Национальном центре интеллектуальной собственности Республики Беларусь, который вправе принять решение о признании предоставленной правовой охраны товарному знаку недействительным полностью или частично в течение срока действия правовой охраны [1]. Таким образом, действия, связанные с регистрацией исключительного права на товарный знак, могут быть признаны актом недобросовестной конкуренции, как **в судебном**, так и **в административном** порядке. Рассмотрим особенности этих двух вариантов.

1. Судебный порядок предполагает необходимость обращения заинтересованного лица в суд с иском о признании действий хозяйствующего субъекта актом недобросовестной конкуренции. В данном случае необходимо учитывать следующее.

Во-первых, согласно ч. 2 ст. 10 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) «до обращения в суд с иском по спорам, возникающим между юридическими лицами и (или) индивидуальными предпринимателями, обязательным является предъявление претензии (письменного предложения о добровольном урегулировании спора)» [2]. То есть, перед обращением в суд необходимо будет соблюсти претензионный порядок урегулирования спора.

Во-вторых, если эта мера не даст положительного результата и все-таки придется обращаться в суд, за рассмотрение искового заявления судом необходимо будет уплатить государственную пошлину. Размер ее значителен. Так, согласно п. 1.2 Приложения 14 к Налоговому кодексу Республики Беларусь за рассмотрение судом исковых заявлений по данной категории споров юридическим лицам придется уплатить 50 базовых величин, физическим лицам – 20 базовых величин [3].

В-третьих, поскольку судебная коллегия по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь (далее – Судебная коллегия) является единственной судебной инстанцией, которой подсудны эти категории дел, следовательно, и обращаться с иском придется по месту нахождения данной коллегии – в Минске. Это повлечет

дополнительные расходы для истцов, которые проживают (находятся) не в Минске.

В-четвертых, срок рассмотрения Судебной коллегией гражданского дела, возбужденного по такому иску, составляет два месяца со дня поступления искового заявления (ч.1 ст. 158 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК)); для дел с участием иностранных граждан, проживающих за границей, и иностранных юридических лиц – один год (ч. 3 ст. 158 ГПК) [4].

В-пятых, решение Судебной коллегии вступает в законную силу немедленно, согласно ч. 4 ст. 399 ГПК апелляции обжалованию и опротестованию не подлежит [4], но может быть обжаловано в порядке надзора.

2. Административный порядок признания действий, связанных с регистрацией товарного знака, актом недобросовестной конкуренции предполагает обращение заинтересованного лица в государственный антимонопольный орган с заявлением о нарушении антимонопольного законодательства. С 2016 года в Министерстве антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь (далее – МАРТ) создана постоянная **Комиссия по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства** (далее – Комиссия) [5], уполномоченная рассматривать такие заявления.

В отличие от судебной формы защиты прав, обращение в Комиссию: во-первых, не требует соблюдения предварительного претензионного порядка, во-вторых, – уплаты госпошлины. В-третьих, заявление о нарушении антимонопольного законодательства может быть подано заинтересованным лицом непосредственно в МАРТ (как в письменной, так и в электронной форме), так и в один из территориальных органов МАРТ, которыми являются главные управления торговли и услуг областных исполнительных комитетов. Территориальные органы в последующем передают материалы по заявлению в МАРТ для последующего их рассмотрения на заседании Комиссии. Такой порядок существенно облегчает возможность обращения заинтересованных лиц в этот государственный орган.

В-четвертых, срок рассмотрения заявления Комиссией несколько продолжительнее, чем срок рассмотрения искового заявления судом, и составляет не более трех месяцев со дня его поступления заявления

(ч. 2 ст. 40 Закона Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (далее – Закон о конкуренции)) [6]. При этом более продолжительного срока рассмотрения заявления, поступившего от иностранных заявителей, как это имеет место при судебном порядке рассмотрения иска, не предусмотрено. В-пятых, есть возможность обжалования решения Комиссии в Судебную коллегию. Таким образом, очевидно, что в сравнении с судебным порядком административный порядок признания действий конкурента по регистрации товарного знака актом недобросовестной конкуренции более прост и оперативен. Вероятно, поэтому в большинстве случаев заинтересованные лица прибегают именно к этому способу решения проблемы недобросовестной регистрации товарного знака, а не к судебной форме защиты нарушенных прав. До 2016 года иски о признании действий, связанных с регистрацией и использованием товарного знака недобросовестной конкуренцией, не поступали. В 2017 году Судебной коллегией было рассмотрено 4 подобных дела, в 2018 году – 2 [7]. В то же время Комиссия в среднем рассматривает около 10 заявлений в год [8].

Полагаем, главными причинами того, что судебная форма защиты прав путем заявления требования о признании действий по регистрации товарного знака актом недобросовестной конкуренции остается менее востребованной, чем внесудебная, является территориальная недоступность и размер ставки государственной пошлины. Вероятно, уменьшения этого размера хотя бы вдвое способствовало бы тому, что заинтересованные лица чаще могли бы обращаться в суд за получением квалифицированной помощи в разрешении возникшего спора.

Список источников

1. О товарных знаках и знаках обслуживания [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 февр. 1993 г., № 2181-XII; с изм. и доп. : Закон Респ. Беларусь, 5 янв. 2016 г., № 352-3 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Респ. Беларусь от 7 дек. 1998 г. № 218-3; с изм. и доп. : Закон Респ. Беларусь, 17 июля 2018 г., № 135-3 // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.

3. Налоговый кодекс Республики Беларусь. Особенная часть [Электронный ресурс] : Кодекс Республики Беларусь от 29 дек. 2009 г. № 71-З ; с изм. и доп. : Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2018 г., № 159-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Кодекс Республики Беларусь от 11 янв. 1999 г. № 238-З ; с изм. и доп. : Закон Респ. Беларусь, 8 нояб. 2018 г., № 142-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
5. Комиссия по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. Официальный сайт. – 2019. – Режим доступа: <https://mart.gov.by/sites/mart/home/activities/komission.html>. – Дата доступа: 30.03.2019.
6. О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З ; с изм. и доп. : Закон Респ. Беларусь, 8 янв. 2018 г. № 98-З // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.
7. Сведения о работе судебной коллегии по делам интеллектуальной собственности Верховного Суда Республики Беларусь [Электронный ресурс] // Верховный Суд Республики Беларусь. Официальный сайт. – 2019. – Режим доступа: http://court.gov.by/ru/sup_court/int_prop/itogy/. – Дата доступа: 29.03.2019.
8. Решения Комиссии по установлению факта наличия (отсутствия) нарушения антимонопольного законодательства [Электронный ресурс] // Министерство антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь. Официальный сайт. – 2019. – Режим доступа: https://mart.gov.by/sites/mart/home/activities/komission/nedobrosovestnaya_konkurenciya.html. – Дата доступа: 29.03.2019.

The article is devoted to a research of questions of recognition of actions for registration of the trademark by the act of unfair competition. Features of such recognition in judicial and administrative orders are revealed. The conclusion about the reasons of bigger demand in practice of an administrative way of protection of the rights is drawn.

**ФИРМЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ:
ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ СНГ**

Рассматриваются вопросы правовой природы, раскрывается понятие и характерные черты фирменного наименования как объекта интеллектуальной собственности. Выделяется его роль и наиболее существенные признаки как объекта интеллектуальной собственности.

Так, в Беларуси, в ст. 1013 Гражданского кодекса закреплено, что «юридическое лицо имеет исключительное право использовать фирменное наименование на товарах, их упаковке, в рекламе, вывесках, проспектах, счетах, печатных изданиях, официальных бланках и иной документации, связанной с его деятельностью, а также при демонстрации товаров на выставках и ярмарках, которые проводятся на территории Республики Беларусь» [1]. Таким образом, понятие здесь не раскрывается, а указывается, каким образом правообладатель вправе его использовать.

Следует отметить, что, например, в Российской Федерации, фирменные наименования – атрибут индивидуализации исключительно коммерческих юридических лиц; некоммерческие юридические лица его иметь не вправе, даже если они осуществляют разрешенную для них законом предпринимательскую деятельность [2, с. 150].

Лишь некоторым некоммерческим организациям в России разрешено осуществлять деятельность, связанную с извлечением прибыли для целей своей деятельности, так почему же не распространить действие норм о защите фирменного наименования коммерческих организаций еще и на некоммерческие?

В некоторых странах СНГ придерживаются той же точки зрения, что не все юридические лица имеют фирменное наименование. К примеру, в Республике Татарстан все юридические лица должны иметь свое наименование, а фирменное наименование, как правило, обязаны иметь только коммерческие организации [3, с. 98–99].

Модельный закон СНГ «О фирменных наименованиях» [4] фирменным наименованием называет «обозначение юридического лица, которое дает возможность отличить это лицо от других и не вводит потребителей в заблуждение относительно настоящей его деятельности».

На доктринальном уровне П.П. Цитович [5] определял фирменное наименование как имя, под которым ведется торговля данного лица. В свою очередь, а А.И. Каминка [6] определял фирменное наименование как название торгового предприятия и как обозначение собственника торгового предприятия и пришел к выводу о том, что не имеет смысла признавать фирму предприятием, т.к. такое признание с необходимостью привело бы нас к запрету переносить фирму на другое предприятие того же лица или вести под одной и той же фирмой несколько различных предприятий [5, с. 147].

Тем не менее, фирменное наименование можно отнести не только к объектам интеллектуальной собственности. Так, оно имеет и гражданско-правовой аспект, поскольку тесно связано с субъектами хозяйствования. Это проявляется и в том, что фирменное наименование подлежит закреплению в учредительных документах организации, т.е. без него она не может быть зарегистрирована.

Если рассматривать фирменное наименование в контексте отдельно взятой организации, оно служит для ее индивидуализации (отличию от иных организаций той же организационно-правовой формы и характера деятельности) как основной цели всех объектов промышленной собственности. Фирменное наименование должно быть таким, чтобы препятствовать введению в заблуждение относительно деятельности данного лица.

Как и товарный знак, фирменное наименование должно придерживаться ряда правил, запрещающих использовать те или иные названия (например, официальное название государства, названия, противоречащие нравственности и морали, и др.).

Организация, как правило, вправе выбрать любое фирменное наименование, лишь бы оно не совпадало с уже существующими наименованиями других лиц и не включало в себя запрещенные обозначения.

Фирменное наименование несет в себе представление об организационно-правовой форме организации, в том числе коммерческая она или некоммерческая, каким образом она подлежит ответственности.

Как и в отношении товарных знаков, владелец фирменного наименования имеет исключительное право его использования, т.е. никто другой не наделен таким правом в отношении этого фирменного наименования. Исключительное право подтверждается государственной регистрацией организации путем указания наименования юридического лица в соответствующих документах.

По большому счету, фирменное наименование выступает как имя организации. Под ним она выступает в гражданском обороте, несет ответственность при возникновении спорной ситуации в суде.

Это важнейший интеллектуальный элемент организации и как объект промышленной собственности выполняет основную функцию – индивидуализация, отличие одного предприятия от другого, чтобы не производить смешение производимой продукции, деловой репутации на рынке, не создавать ложного впечатления об организации в силу заблуждения потребителей и контрагентов относительно осуществляемой ею деятельности.

Обобщив все вышеизложенное, обратим внимание на наиболее существенные положения о фирменном наименовании, назвав их отличительными чертами рассматриваемого объекта:

1. Обязательность государственной регистрации. Этот признак, хоть и присущ всем средствам индивидуализации, является одним из важнейших, т.к. посредством регистрации обеспечивается правовая охрана от разнообразных негативных факторов, в т.ч. недобросовестной конкуренции.

2. Основная цель фирменного наименования – индивидуализация предприятия (отличие от других предприятий, в т.ч. оказывающих однородные услуги).

3. Возможность использования любого незапрещенного законом наименования и не сходного до степени смешения с уже зарегистрированным наименованием.

4. Фирменное наименование может быть использовано в принадлежащем зарегистрировавшему его лицу товарном знаке, т.к. наименование индивидуализирует организацию, а товарный знак – выпускаемую им продукцию.

5. По окончании процесса государственной регистрации наименование вносится в Единый государственный реестр юридических лиц и инди-

видуальных предпринимателей и содержит информацию обо всех зарегистрированных организациях.

6. Право на него возникает с момента государственной регистрации, а прекращается при ликвидации предприятия.

7. Одно фирменное наименование может индивидуализировать лишь одну организацию, а не несколько.

Список источников

1. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой Представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Колганов, Н.М. Фирменное наименование как средство индивидуализации юридических лиц / Н.М. Колганов // Юриспруденция. – 2010. – № 6. – С. 147–153.
3. Бобоев, Дж. Фирменное наименование и товарный знак как объекты договора коммерческой концессии / Дж. Бобоев // Ленинградский юридический журнал. – 2008. – № 3. – С. 98–105.
4. О модельном законе «О фирменных наименованиях» [Электронный ресурс] : Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, 29 нояб. 2013 г., № 39-13 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2019.
5. Цитович, П.П. Очерк основных понятий торгового права / П.П. Цитович. – М., 2001. – С. 95.
6. Каминка, А.И. Очерки торгового права / А.И. Каминка. – М., 2002. – С. 183–184.

The questions of legal nature are considered, the concept and characteristic features of the brand name as an object of intellectual property are revealed. Its role and the most significant features as an object of intellectual property are highlighted.

**ОСОБЛИВОСТІ ДОПИТУ СВІДКІВ ПІД ЧАС РОЗСЛІДУВАННЯ
НЕЗАКОННОГО РОЗПОВСЮДЖЕННЯ МЕДІЙНОГО КОНТЕНТУ
В МЕРЕЖАХ ПРОВАЙДЕРІВ ПРОГРАМНОЇ ПОСЛУГИ
ТА ІНТЕРНЕТ-ПРОВАЙДЕРІВ МЕРЕЖІ ІНТЕРНЕТ**

Сучасний медіапростір характеризується стрімким розвитком, появою нових способів поширення інформації, необмеженим доступом до останньої, що, в свою чергу, не могло не позначитись на сфері регулювання цього простору. Технологічний прогрес, що відбувається сьогодні має чимало позитиву, проте, на жаль, Інтернет та інший віртуальний простір став ще одним способом вчинення різноманітних злочинів. Саме незаконне розповсюдження медійного контенту є способом вчинення злочинів, що посягають на різні об'єкти, які знаходяться під кримінально-правовою охороною. Найпоширенішими видами порушень в мережі Інтернет є: незаконне відтворення і копіювання музичних, художніх, літературних творів чи комп'ютерних програм без попереднього надання на це згоди автором чи правовласником, тобто порушення авторських та суміжних прав (ст. 176 КК України), а також несанкціоноване втручання в роботу електронно-обчислювальних машин (комп'ютерів), автоматизованих систем, комп'ютерних мереж чи мереж електрозв'язку, що призвело до спотворення процесу обробки інформації та до порушення встановленого порядку її маршрутизації та незаконне відтворення, розповсюдження програм мовлення (ст. 361 КК України). Особливості розслідування яких, в частині тактики слідчих (розшукових) дій, потребують вдосконалення.

Серед вітчизняних дослідників, котрі досліджували проблематику кіберзлочинності, можна відзначити таких фахівців як П. Біленчук, Д. Дубов, С. Кавун, В. Носов, О. Манжай та інші.

Під медіаконтентом розуміють різного роду фото-, відеозображення, тексти, написи, малюнки, програми тощо, що має містити незаконну інформацію, прямі заклики до визначених законом як протиправних дій, або ж пропагувати такі дії.

Ухвалюючи рішення про допит конкретної особи як свідка, слідчий повинен заздалегідь прогнозувати, яку інформацію (насамперед технічного характеру) він може одержати від допитуваного. Зважаючи на це, необхідно ретельно підготувати комплекс питань, які слід задавати свідку під час допиту. Так, під час розслідування незаконного розповсюдження медійного контенту в мережах провайдерів програмної послуги та інтернет-провайдерів мережі Інтернет, свідками можуть бути:

1) особи, які отримували або яким відомий факт незаконного розповсюдження медійного контенту в мережах провайдерів програмної послуги та Інтернет-провайдерів мережі Інтернет;

2) оператори мереж; програмісти; співробітник, що відповідає за інформаційну безпеку, чи адміністратори мережі; співробітники, що займаються технічним обслуговуванням мережі; керівники теле-, радіоцентру та інші;

3) особи, які отримували незаконний медіаконтент;

4) особи, які брали участь у проведенні перевірок чи процесуальних дій (наприклад, проводили документування факту незаконного розповсюдження медійного контенту, залучалися до проведення процесуальних дій).

Під час допиту свідків перелік питань, що з'ясовуються, буде варіюватися залежно від конкретної особи, її посади та способу вчинення злочину.

Свідкам, які могли знати про обставини незаконного розповсюдження медійного контенту, можуть бути поставлені наступні питання: чи було їм відомо про незаконне розповсюдження медійного контенту і яку роль вони виконували при цьому, якими були їхні обов'язки і чи робили якісь заходи для припинення такої діяльності; хто був їхнім керівником, чиї вказівки вони виконували; яким чином будувалася діяльність їх підприємства, яка його структура, технічне оснащення, хто і які обов'язки виконував; звідки надходив медійний контент; кому, куди і в яких обсягах, яким чином розповсюджувався медійний контент; проводились чи на їхньому «підприємстві» перевірки контролюючих органів і який їхній результат; вівся чи на «підприємстві» бухгалтерський облік, в тому числі і неофіційний, і де знаходиться документація; яким чином розподілялися доходи «підприємства», хто керував цим процесом.

Також у цієї категорії свідків додатково з'ясовується: що конкретно йому відомо з приводу події, яка відбулася; чи часто трапляються подібні випадки в цій установі (підприємстві, організації, фірмі, компанії); де під час здійснення зазначених випадків знаходився свідок; який саме медіа-контент розповсюджувався; чи мав він доступ до нього, якщо так, то як часто; чи відома йому особа підозрюваного, та в який він із ним відносинах перебуває; чи здогадується він, яку має мету підозрюваний; чи міг підозрюваний для вчинення злочину використовувати своє службове становище; чи відомі особи, що мають доступ до інформації (скопійованої, знищеної, заблокованої, модифікованої) підозрюваним; чи відомі особи, здатні надати безпосередню допомогу підозрюваному і в акті незаконного розповсюдження медійного контенту в мережах провайдерів програмної послуги та Інтернет-провайдерів мережі Інтернет, і в реалізації подальших планів, а також обізнані про діяльність підозрюваного; кому можуть бути вигідні дії підозрюваного; який характер змін інформації, що виникли після дій підозрюваного; хто конкретно постраждав від дій підозрюваного; хто є власником (чи законним користувачем) інформації (скопійованої, знищеної, заблокованої, модифікованої) підозрюваним; чи можливе вчинення подібних дій внаслідок необережного поводження людини або випадково; чи здогадується він як підозрюваний міг використовувати інформацію, отриману ним у результаті неправомірного доступу до неї; чи розповідав підозрюваний, скільки разів і за яких обставин він учиняв подібні дії; чи відомо, де можуть зберігатися зроблені підозрюваним копії інформації тощо.

У процесі допитів свідків другої класифікаційної групи, з'ясовується: перелік використовуваного програмного забезпечення в установі, щодо якої було вчинено злочин, його класифікація (ліцензійне чи власного виробництва); паролі захисту програм, окремих пристроїв комп'ютера, частота їхніх змін; технічні характеристики комп'ютерної мережі (у разі її наявності), хто є адміністратором мережі; порядок придбання та супроводу програмного забезпечення; існування ідентифікаційних програм, наявність у робочих програмах спеціальних файлів протоколів, що реєструють входження у комп'ютер користувачів, який їхній зміст тощо.

Свідкам, що отримували незаконний медійний контент, можна допитати з приводу того, чи відомо їм про факт незаконного розповсюдження

медійного контенту; чи повідомляв розповсюджувач про те що контент є незаконно розповсюдженим та яким чином здійснювалося його розповсюдження; скільки часу відбувалася діяльність з розповсюдження медійного контенту; хто є керівником організації, що займалася розповсюдженням медійного контенту; чи відомі їм факти перевірки діяльності організації, що займалася розповсюдженням медійного контенту і яким був їхній результат.

Підсумовуючи викладене слід відзначити, що особливості проведення слідчих (розшукових) дій під час досудового розслідування незаконного розповсюдження медійного контенту в мережах провайдерів програмної послуги та інтернет-провайдерів мережі Інтернет є важливим елементом методики розслідування цього виду кримінального правопорушення, а дослідження та вдосконалення тактики проведення допиту свідків є невід'ємною її частиною.

**К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
ОБ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ**

Рассмотрены ключевые теоретические проблемы, связанные с определением направлений развития законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности. Автор приходит к выводу о необходимости разработки и утверждения концепции развития законодательства в данной сфере, а также систематизации законодательства в форме его кодификации.

Целью настоящего доклада является обоснование необходимости разработки и принятия **концепции** развития законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности, а также определение ее ключевых положений.

Право интеллектуальной собственности является наиболее активно развивающейся подотраслью гражданского права [1, с. 20]. Факторами, влияющими на активное развитие законодательства в данной области, являются развитие экономических отношений и переход к инновационной модели экономики, приведение национального законодательства в соответствие с международными стандартами, процессы гармонизации национальных законодательств государств-членов ЕАЭС, влияние информационных технологий на использование объектов интеллектуальной собственности, активно формирующаяся правоприменительная практика. В то же время основной программный документ – стратегия Республики Беларусь в сфере интеллектуальной собственности на 2012-2020 годы – не содержит системных положений, определяющих стратегические направления развития законодательства. В этой связи особое значение приобретает **разработка концептуальной основы**, определяющей направление, цели и задачи развития законодательства об интеллектуальной собственности.

По своему содержанию концепция совершенствования любой отрасли права и законодательства предполагает всесторонний анализ и общую оценку состояния действующей системы правовых норм, определение основного вектора развития законодательства на достаточно определенную перспективу, разработку программы развития законодательства, построенной на этом основном векторе, и содержащей ответ на вопрос о том, какие законодательные акты требуют принятия, а также ответ на вопрос о том, какие меры следует предпринимать по отношению к имеющемуся массиву нормативных правовых актов в целях его систематизации.

Системный анализ законодательства и практики его применения, изучение положений правовой доктрины позволяет обозначить **основные теоретические проблемы**, требующие решения в рамках разработки концепции развития законодательства об интеллектуальной собственности. К ним в первую очередь следует отнести: определение правовой природы исключительного права как самостоятельного вида гражданских прав; определение и закрепление в законодательстве справедливого баланса интересов правообладателей и общества; создание условий для вовлечения прав интеллектуальной собственности в экономический оборот; разработка эффективного механизма защиты прав интеллектуальной собственности; систематизация законодательства.

Как отмечал профессор А.Л. Маковский, **исключительное право** на результаты интеллектуальной деятельности, а также на средства индивидуализации товаров, работ, услуг, предприятий и юридических лиц, его объекты и субъекты, содержание этого права, его ограничения и пределы, особенности, отличающие исключительное право от субъективных гражданских прав других типов, его понятие и виды, сроки и сфера действия – решение этих вопросов в правовых нормах в совокупности образует и почти исчерпывает ту отрасль объективного гражданского права, которую принято называть правом интеллектуальной собственности [2]. Поэтому разработка **теории исключительного права** является основой для разработки упомянутой концепции. В свою очередь, это требует решения ряда вопросов: о месте исключительных прав в системе гражданских прав; о структуре исключительного права и содержании исключительных прав на отдельные объекты интеллектуальной собственности;

о пределах осуществления и допускаемых ограничениях исключительных прав; о системе договоров, применяемых для оформления отношений, связанных с созданием объектов интеллектуальной собственности и распоряжением правами на эти объекты; об особенностях гражданско-правовой защиты исключительных прав и ответственности за их нарушение; о перспективах систематизации и кодификации законодательства Республики Беларусь в области интеллектуальной собственности.

Исследователи определяют проблему ограничений исключительного права в качестве одной из наиболее важных в системе права интеллектуальной собственности [3, с. 235]; необходимо определение справедливого **баланса интересов** обладателей прав интеллектуальной собственности и общества, заинтересованного в получении максимально возможного свободного доступа к достижениям науки, культуры и технического прогресса, в том числе охраняемым как объекты интеллектуальной собственности.

Действующее законодательство не предусматривает систематизированного подхода к определению форм и способов оборота исключительных прав. В то же время договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами в доктрине определяют как договоры **самостоятельного класса** наряду с договорами о передаче имущества, выполнении работ, оказании услуг [4, с. 8].

Серьезной теоретической проблемой, требующей разработки в рамках разработки упомянутой концепции, является создание эффективного **механизма гражданско-правовой защиты** прав в отношении объектов интеллектуальной собственности, а также мер ответственности, применяемых в отношении нарушителей этих прав. В числе специальных способов защиты и одновременно мер гражданско-правовой ответственности особое место занимают компенсация, взыскиваемая с нарушителя исключительного права вместо возмещения убытков, и изъятие (конфискация) контрафактной продукции, правовая природа которых требует серьезного научного осмысления.

В Концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь [5] отмечается, что отличительной чертой законодательства республики является стремление к активной кодификации и консолидации нормативных правовых актов, при этом главный путь развития системы

законодательства состоит в кодификации, позволяющей достичь единого, юридически цельного регулирования в отраслях и определенных институтах права. В этой связи стратегическим направлением дальнейшего развития права интеллектуальной собственности Беларуси видится именно **кодификация** составляющих его правовых норм. Как представляется, при кодификации существующие правовые нормы, посвященные охране интеллектуальной собственности, должны быть объединены в одном законодательном акте, а положения, применимые ко всем объектам интеллектуальной собственности, выделены в качестве общих положений. Это позволит не только исключить дублирование в правовом регулировании, но и детально раскрыть общие положения об исключительном праве, особенностях его оборота и защиты.

Активное развитие права интеллектуальной собственности требуют научно обоснованной концептуальной основы, определяющей направление, цели и задачи совершенствования законодательства. В связи с этим приобретает актуальность разработка и утверждение **концепции развития законодательства Республики Беларусь об интеллектуальной собственности**. Данный документ, отражающий анализ действующего законодательства и практики его применения, сравнительно-правовой анализ зарубежного законодательства и норм международного права, использующий положения правовой доктрины, определит основные направления развития национального законодательства в области интеллектуальной собственности на ближайшую и долгосрочную перспективы. При этом стратегическим направлением развития права интеллектуальной собственности Беларуси видится именно кодификация составляющих его правовых норм.

Список источников

1. Сергеев, А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации : учеб. / А.П. Сергеев. – М. : Проспект, 2007. – 752 с.
2. Маковский, А.Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса [Электронный ресурс] / А.Л. Маковский // Консультант Плюс: Россия / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.

3. Судариков, С.А. Авторское право / С.А. Судариков. – М. : Проспект, 2015. – 368 с.
4. Рузакова, О.А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / О.А. Рузакова. – М., 2007. – 497 л.
5. О концепции совершенствования законодательства Республики Беларусь : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 апр. 2002 г., № 205 // Консультант Плюс: Беларусь [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2019.

The article is devoted to the study of key theoretical problems associated with determining the directions of development of the legislation of the Republic of Belarus on intellectual property. The author comes to the conclusion that it is necessary to develop and approve the conception of developing legislation in this field, as well as systematization of legislation in the form of its codification.

COORDINATION OF INTELLECTUAL PROPERTY PROTECTION IN EUROPEAN COUNTRIES

European countries avoid direct government intervention in the regulation of intellectual property rights, with the exception of the legitimation of these rights in regulatory acts and the creation of conditions for their judicial protection. Meanwhile, the majority of issues arising in state practice are not solved by "direct" regulation, but by means of mechanisms of legal coordination, as the most "soft" method of state and legal influence. It is this kind of flexible legal regulation that contributes both to the best protection of intellectual rights and to avoids excessive government interference in the field of intellectual property.

The last decade has seen increased interest as representatives of science and practitioners to the category of "coordination". Such attention is not accidental. It is the phenomenon of coordination allows us to solve seemingly intractable problems, to mitigate the significant contradictions objectively arise between people in the course of their daily activities [1, p. 87]. Coordination is now a science about management as an important means of increasing the efficiency of any organization [2, p. 220], part of its strategy [3, p. 102]. In modern economic theory to the study of cross-functional coordination in a particular structure is given much effort and money [4, p. 22], because coordination is seen by economists as an element of tactics [5, p. 44–47], and as a way of implementation of the strategy at the macroeconomic level [6, p. 44].

Today coordination norms and mechanisms are increasingly being used in law [7, p. 138]. The authors believe that by coordinating the right faster and easier achieved positive results [8, p. 31]. The same applies to intellectual property law.

Coordination is the appropriate ratio of any actions, phenomena. To coordinate means to agree, to arrange, to set the appropriate ratio between any actions, events, compliance with anything.

That is, one entity has the authority to agree among themselves (or with their action) the actions of other subjects of law, including, in the absence of them rigid system of command.

Coordination is the principle of legal influence on social relations. In the theory of law under the principles of law is commonly understood principles, key ideas of law defining and expressing its essence [9, p. 267-291]. In essence, the principle is a fundamental principle of law, original, starting position of legal regulation. It should be remembered that the principles of law are not the result of subjective discretion of legislators, legal practitioners or scientists, theorists, and represent objective properties of the right, reflecting the patterns of social development, a kind of needs of the society [10, p. 41]. Acting on public relations law seeks primarily to coordinate the activities of social actors and only if it is impossible for such coordination raises the question about the measures of state coercion. So, coordination is not first contemplated in the law. However, previously it was about the coordination of activities of state bodies [11, p. 29].

We believe that their coordination possibilities – only derived quantities from the coordination rules, and fix their powers. So have any interest in addressing the coordination norms, their strengths and weaknesses in the legislation developed European state. The issue in European legal literature illuminated for the first time.

In the course of the study, we found that in Europe there is no unified approach to the application of coordination norms in the field of intellectual rights.

Meanwhile, the whole variety of approaches can be reduced to three main ones. Firstly, the rules of intellectual property law often provide for restriction of state intervention in this area, as, for example, in the French Code of Intellectual Property [12], or indicate self-regulation of a given area of public relations, which occurs most often. As an example, you can point to Italy. Important coordination standards in the field of intellectual property law are contained in such an act as Law Concerning Patents for Inventions Solely Intended for the Sightless [13].

Secondly, in some countries, as, in particular, in Slovenia, the state coordinates only the sphere of legal usages in the field of intellectual law, thus legalizing these legal customs in any areas. As an example, we point out the Act regulating customs measures relating to the violation of intellectual property rights [14], where issues of customs coordination are considered.

Thirdly, states – new members of the European Union - often create coordinating bodies for “soft” and phased transfer of their legislation to the “European track”. Let us take Romania as an example. Based on such a document as «Measures for the management of cross-sectoral issues in the current negotiations at the level of the EU Council and in the context of the preparation of the Romanian Presidency of the Council» [15], today, the Government has approved via Memorandum the setting up of inter-institutional working groups that will manage cross-sectoral issues in the current EU negotiations, in terms of ensuring consistency in establishing and endorsing national positions, and of proper preparation of Romania’s agenda and priorities to the Presidency of the EU Council in the first semester of 2019. These working groups will operate on the basis of an internal inter-institutional dialogue mechanism and by defining at institutional level the national coordinators on the respective issues.

According to the Memorandum adopted today, the following working groups have been set up at national level: the Working Party on Personal Data Protection will be coordinated by the Ministry of Justice. The group will be composed of representatives of the Ministry of Justice, Ministry of Internal Affairs, Ministry of Foreign Affairs, Ministry of Communications and Information Society and representatives of the National Supervisory Authority for Personal Data Processing); Working Group on Intellectual Property – observing the enforcement of intellectual property rights will be coordinated by the Ministry of Economy through the State Office for Inventions and Trademarks. The group will be composed of representatives of the Ministry of Economy, the Ministry of Culture and National Identity, the Romanian Copyright Office, the State Office for Inventions and Trademarks and representatives of the Ministry of Justice.

In Europe, the coordination method of legal regulation is widely used, including in the field of intellectual property protection. This is typical for most countries. This method is more flexible and allows you to achieve greater efficiency of legal regulation with, at the same time, less government influence. In practice, this method is implemented in various ways, reducible to the three

main ones. First, the rules of law on intellectual property often provide for only a restriction of government intervention in this area, or indicate self-regulation in this area of public relations. Secondly, in some countries, the state coordinates only the sphere of legal practices in the field of intellectual law, thus legalizing these legal practices in all areas. Thirdly, states - new members of the European Union - often create coordinating bodies for "soft" and phased transfer of their legislation to the "European track". We believe that such approaches are possible in the European states of the former USSR, including in Belarus, Russia, Ukraine.

Reference

1. People and Performance. The Besi of Peter Drucker on Manadgement. – New York, 2012. –87 p.
2. Drucker, P.F. The Practice of Manadgement / P.F. Drucker. – New York, 2015. – 220 p.
3. Ansoff, H. Igor Strategic Menegement / H. Ansoff. – New York : Wiley, 2009. – P. 102.
4. Kuhl, J. Motivational and functional helplessness: The moderating effect of state versus action orientation / J. Kuhl // J. of Pers. and Soc. Psychology. – 2011. – V. 40. – P. 22.
5. Paskovski, M. Cheeking in at Checkerboard Square / M. Paskovski, P. Ellis-Simons // Marceing and Media Dessisions. – 2014. – № 20, March. – P. 44–47.
6. Fayol, H. Administration industrielie et generaie / H. Fayol. – Paris, 2015. – P. 44.
7. Aubert, J.L. Introduction au droit / J.L. Aubert. – Paris, 2004. – P. 138.
8. Rensis Likert New Patterns of Manadgement. – New York, 2015. – P. 31.
9. Weidlich, W. Synergetic Modelling Concepts for Sociodinamics with Applications to Collectiv Political Oppinion Formation / W. Weidlich // Jornal of Matematical Sociology. – 2014. – Vol. 18, № 4. – P. 267–291.
10. Bachrach, Baratz M. Power and Poverty. Theory and Practice / Baratz M. Bachrach. – N.Y. ; L. ; Toronto, 2014. – P. 41.
11. Pritt D.N. The apparatus of the law : Book 2 / D.N. Pritt. – L., 2013. – P. 29.
12. Кодекс об интеллектуальной собственности Франции. – Режим доступа: https://www.legifrance.gouv.fr/Traductions/Catalogue-des-traductions_
13. Law Concerning Patents for Inventions Solely Intended for the Sightless. – Mode of access: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=128234.

14. Act regulating customs measures relating to the violation of intellectual property rights. – Mode of access: http://www.wipo.int/wipolex/ru/text.jsp?file_id=180808.
15. Measures for the management of cross-sectoral issues in the current negotiations at the level of the EU Council and in the context of the preparation of the Romanian Presidency of the Council. – Mode of access: <http://gov.ro/en/news/measures-for-the-management-of-cross-sectoral-issues-in-the-current-negotiations-at-the-level-of-the-eu-council-and-in-the-context-of-the-preparation-of-the-romanian-presidency-of-the-council>.

Европейские страны избегают прямого вмешательства государства в регулирование прав интеллектуальной собственности, за исключением закрепления этих прав в нормативных актах и создания условий для их судебной защиты. Между тем большинство вопросов, возникающих в государственной практике, решаются не «прямым» регулированием, а с помощью механизмов правовой координации, как наиболее «мягкого» метода государственно-правового воздействия. Именно такое гибкое правовое регулирование способствует как наилучшей защите интеллектуальных прав, так и избеганию чрезмерного вмешательства государства в сферу интеллектуальной собственности.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Проанализированы вопросы искусственного интеллекта как объекта интеллектуальной собственности. Изучаются категории применимые к объектам интеллектуальной собственности, субъективные права создателей и правообладателей искусственного интеллекта, особенности искусственного интеллекта как объекта права интеллектуальной собственности. В заключении автор дает свои предложения по совершенствованию правовой регламентации отношений, связанных с искусственным интеллектом.

С развитием науки и техники в разных сферах нашей жизни все чаще используются информационные технологии. Почти не осталось отраслей жизнедеятельности человека, которые бы их не применяли. Искусственный интеллект (ИИ) является своего рода более продвинутой информационной технологией, нежели компьютерные программы, и требует определения правового режима как объекта интеллектуальной собственности.

Человек издревле хотел облегчить свой труд. С появлением ИИ был достигнут определенный прогресс. ИИ дает большие возможности использовать время и ресурсы для других работ: на семейный очаг, воспитание детей, продолжение человеческого рода, творить, саморазвиваться и др. Ведь некоторых из этих сфер может достичь и ИИ посредством адаптации, улучшения, саморазвития и будет определенного рода конкурентом для человека во всех сферах жизни: работа, творчество (сочинение музыки, песен по определенным правилам) и др.

Искусственный интеллект, являясь новым объектом интеллектуальной собственности, четко не регламентирован в национальном законодательстве. Некоторые черты и фрагменты ИИ имеются в подзаконных актах. Так, согласно Концепции внедрения технологий «Умный город», в Республике Узбекистан предусмотрено внедрение технологических ре-

шений «Умное образование», подразумевающие образовательные системы на базе ИИ.

Кроме того, в настоящее время в Республике Узбекистан введен проект «E-sud», направленный на цифровизацию судебного процесса. Порядок работы в системе «E-sud» для судей (автоматическая подготовка судебных документов и решений на основе разработанных образцов и шаблонов, автоматическое распределение гражданских дел среди судей, поиск в базе, автоматизация единой базы данных судебных документов, составление судебных отчетов по утвержденной форме) включает аспекты ИИ.

В материалах Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) даны определенные сферы деятельности на предмет использования ИИ. В частности, автоматическая классификация патентов и товаров/услуг, патентный поиск, экспертиза и проверка соблюдения формальных требований для товарных знаков и патентов, автоматический ответ клиенту, машинный перевод, лингвистические инструменты и терминология, анализ данных для экономических исследований.

Так, в 2016 году по всему миру было подано примерно 3,1 млн патентных заявок, около 7 млн заявок на товарные знаки и 963 тыс. заявок на регистрацию промышленных образцов, причем самих образцов еще больше – 1,2 млн. Человеческим трудом невозможно просеивать миллионы ежегодно поступающих заявок на товарные знаки и образцы, чтобы определить критерии регистрации данного конкретного знака или образца. Поэтому для товарных знаков ВОИС разработала инструмент поиска изображений на основе ИИ. В Республике Узбекистан такие базы данных также внедряются и идет процесс интеграции национальных баз по объектам интеллектуальной собственности с базами данных ВОИС.

Некоторые эксперты отмечают, что на данном этапе развития ИИ основные дискуссии идут по вопросам исключительного права, авторства на сгенерированный контент, авторства объекта интеллектуальной собственности [1, с. 66–69]. Данный процесс прослеживается не только в отношении ИИ, но и в других сферах общественной жизни. Например, в сферах киноиндустрии, шоу-бизнеса и т.п.

Другие ученые отмечают специфические особенности ИИ. Так, О. Окюлов рассматривает ИИ не как субъект права, а как объект права,

так как ИИ не имеет своей воли, интересов и независимого разума [2, с. 14, 36]. Ронал Чандра и Йога Приастомо отмечают, что искусственный интеллект можно рассматривать как область изучения и разработки компьютерных программ, которые действуют интеллектуально, что во многом является конечной целью компьютерного программирования [3, с. 1]. И.В. Понкин и А.И. Редькина считают, что ИИ обладает способностями самореферентно адаптировать свое собственное поведение, автономно глубинно самообучаться (для решения задач определенного класса или более широко), осуществлять омологацию себя и своих подсистем [4, с. 94–95].

П.М. Морхат предлагает следующие варианты режимов правового регулирования прав интеллектуальной собственности на результаты интеллектуальной деятельности, произведенные с участием искусственного интеллекта: 1) полный отказ от наделения юнита искусственного интеллекта какими-либо правами интеллектуальной собственности; 2) произведения искусственного интеллекта презюмируются как служебные произведения; 3) гибридное наделение правами искусственного интеллекта и человека, создавшего этот ИИ; 4) наделение искусственного интеллекта определенным объемом прав [5, с. 238–240].

По мнению О.В. Понкиной и А.И. Редькина, общемировой сегодня является проблема практически полного отсутствия нормативного правового регулирования и нормативного технического регулирования основ, условий и особенностей разработки, запуска в работу, функционирования и деятельности, интеграции в другие системы и контроля применения технологий ИИ. Лишь отдельные государства понемногу начинают заполнять нормативным материалом отдельные каверны этого, в целом проблемного, поля, но рассматриваемая проблема не связана рамками национального государства. Поэтому и стандартизация в этой сфере должна быть осуществлена, прежде всего, на глобальном уровне [6, с. 93].

Что же касается международно-правовых актов по вопросам ИИ, то они пока находятся в процессе формирования. В США в декабре 2017 г. был разработан и внесен в Конгресс проект закона «Об основополагающем понимании применимости и реалистичной эволюции искусственного интеллекта» (Закон о будущем искусственного интеллекта – (H.R.4625 – Future of artificial intelligence act) от 2017 г. [7].

Подпункт 1 п. «а» ст. 3 данного проекта нормативного правового акта предусматривает, что понятие «искусственный интеллект» включает в себя любые искусственные системы, выполняющие задачи в изменяющихся и непредсказуемых условиях без значительного контроля со стороны человека либо способные учиться на своем опыте и повышать свою производительность; системы, думающие как люди, такие как когнитивные архитектуры и нейронные сети и др.

В 2017 г. Европейский парламент в своей резолюции вместе с рекомендациями Комиссии «Нормы гражданского права о робототехнике» обозначил необходимость определения особого правового статуса для роботов в долгосрочной перспективе таким образом, чтобы хотя бы наиболее сложные автономные роботы могли быть наделены статусом электронных лиц, которые несут ответственность за свои действия и могут принимать независимые решения или иным образом независимо взаимодействовать с третьими лицами [8].

На сегодняшний день в отношении ИИ, как объекта интеллектуальной собственности, применяются правила касательно аналогии. Так, если ИИ будет представлять какую-то опасность, то должны применяться правила о страховании, согласно которым производитель, собственник или иной владелец (арендатор, пользователь) обязан страховать производимые им ИИ. Если же ИИ будет иметь особые отличительные свойства, то к нему следует применить систему регистрации, схожей с регистрацией автотранспортных средств, воздушных судов и т.п.

Следует отметить, что в отношении генной инженерии, клонирования во многих странах введен запрет, исходя из принципов безопасности и морали. В отношении же ИИ пока идет процесс изучения и применения в разных сферах общественной жизни – начиная с игрушек до признания ИИ гражданином определенного государства. Необходимо обеспечить правовую регламентацию ИИ как объекта интеллектуальной собственности, чтобы она гарантировала безопасность и стабильность в гражданском правоотношении.

По нашему мнению, следует определить особенности ИИ как объекта интеллектуальной собственности. ИИ является новым объектом интеллектуальной собственности, тесно связан с другими объектами интеллектуальной собственности, такими как промышленные образцы, объекты

авторских прав и др., имеет свои специфические особенности (до признания субъектом), а также возможности саморазвития, что невозможно у других объектов интеллектуальной собственности.

Исходя из вышеизложенного следует закрепить понятие искусственного интеллекта в нормативно-правовых актах следующим образом: «искусственный интеллект – это комплекс программного обеспечения и аппаратных систем (электронная, биоэлектронная или гибридная), который связан с другими объектами интеллектуальной собственности, имеющий возможности демонстрировать интеллектуальное поведение подобное человеку, обладающей функциональными возможностями, свойствами вездесущей субстанции, автономности, а также функцией имеющей тенденцию совершенствования (нейронные сети)».

Это позволит более четко определить ИИ и даст возможность открыть основные цели и задачи, назначение ИИ. Также, данное определение исходит из сегодняшних реалий гражданско-правового регулирования отношений, связанных с ИИ. А на вопрос «В будущем такое же определение или правовой режим ИИ будет ли соответствовать...?» невозможно дать однозначного ответа. Однако отметим, что законодательное регулирование отношений, связанных с ИИ не должно отставать от практики применения.

Список источников

1. Амбариян, Е.Г. Робототехника, искусственный интеллект и интеллектуальные права / Е.Г. Амбариян, Т.Ж. Чубарова // Юный ученый. – 2018. – № 3. – С. 66–69. – Режим доступа: <http://yun.moluch.ru/archive/17/1253/>. – Дата доступа: 04.03.2019.
2. Окюлов, О. Правовой статус интеллектуальной собственности : дис. ... д-ра юрид. наук / О. Окюлов. – Т. : ТГЮИ, 2000. – С. 14, 36.
3. Chandra, R. Artificial Intelligence Definition: A Review [Electronic resource] / R. Chandra, Y. Prihastomo // Semantic Scholar. – 3 p. – P.1. – Mode of access: <https://pdfs.semanticscholar.org/d959>.
4. Понкин, И.В. Искусственный интеллект и право интеллектуальной собственности / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2018. – № 2. – С. 35–44; 37–38.

5. Морхат, П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук / П.М. Морхат. – М., 2018. – Л. 238–240.
6. Понкин, И.В. Искусственный интеллект с точки зрения права / И.В. Понкин, А.И. Редькина // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – Т. 22. – № 1. – С. 91–109.
7. H.R. 4625 – Future of Artificial Intelligence Act of 2017, 115th Congress (2017–2018). //www.congress.gov/bill/115th-congress/housebill/4625/text.
8. The Commission on Civil Law Rules on Robotics (2015/2103(INL)).www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRe

The article analyzes the issues of artificial intelligence as an object of intellectual property. We study the categories applicable to intellectual property, the subjective rights of the creators and copyright holders of artificial intelligence, features of artificial intelligence as an object of intellectual property rights. In conclusion, the author gives his suggestions for improving the legal regulation of relations related to artificial intelligence.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОХРАНЫ КОММЕРЧЕСКОЙ ТАЙНЫ В ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАХ

Прибыль коммерческой организации в значительной мере зависит от производственных и рыночных факторов. Обеспечение сохранности коммерческой тайны создает предпосылки для эффективных действий в конкретной сфере бизнеса, является своеобразным преимуществом в экономическом соперничестве.

Большая часть информации, которая охраняется в режиме коммерческой тайны, отражает специфику взаимодействия ее владельца и контрагента – второй стороны гражданско-правового договора (за исключением лиц, состоящих в трудовых отношениях с владельцем коммерческой тайны), в которой владелец коммерческой тайны предоставляет доступ к сведениям, составляющим коммерческую тайну. Так, в сфере производства товара сокрытие от вероятных конкурентов коммерчески значимой информации затрудняет их действия, предоставляет субъекту хозяйствования экономические преимущества. Таким образом, институт коммерческой тайны приобретает особую значимость в осуществлении хозяйствующими субъектами экономической деятельности.

Законодательством Республики Беларусь коммерческая тайна определяется как сведения любого характера (технического, производственного, организационного, коммерческого, финансового и иного), в т.ч. секреты производства (ноу-хау), соответствующие требованиям Закона Республики Беларусь «О коммерческой тайне» (далее – Закон о КТ), в отношении которых установлен режим коммерческой тайны. Режим коммерческой тайны представляет собой правовые, организационные, технические и иные меры, принимаемые в целях обеспечения конфиденциальности составляющих ее сведений [1].

В практике зарубежных стран (стран Евросоюза, США) сведения, составляющие коммерческую тайну, передаваемые партнеру в силу деловых

вого сотрудничества по договору, дополнительно защищены отдельным актом, который чаще всего называется Соглашением о конфиденциальности или о неразглашении (англ. Non-Disclosure Agreements) [2].

Законом о КТ с 2013 года изменено регулирование отношений, связанных с охраной коммерчески ценной информации в договорных отношениях, и также введена новая договорная конструкция – соглашение о конфиденциальности как способ охраны сведений, составляющих коммерческую тайну.

Однако зачастую уже на стадии заключения гражданско-правового договора во время деловой встречи партнеры, как правило, обмениваются письменной или устной информацией о коммерческой деятельности организации. Например, могут представляться сведения о профиле фирмы, ассортименте выпускаемых товаров, отличительных особенностях продукции, краткие данные об особенностях производства и т.д. Этому может предшествовать заключение коммерческих соглашений по передаче лицензий, договоров купли-продажи товаров и т.п.

В связи с этим в соответствии со ст. 14 Закона о КТ соглашение о конфиденциальности с контрагентом может быть оформлено в виде отдельного документа или раздела (пунктов) в ином гражданско-правовом договоре. Данная договоренность обязывает контрагента не разглашать полученную информацию третьим лицам и соблюдать достаточную степень секретности, позволяющую избежать утечки информации по различным каналам.

Такое соглашение может оформляться:

- до заключения гражданско-правового договора в самостоятельном соглашении о конфиденциальности;
- в отдельных положениях заключаемого гражданско-правового договора в целях обеспечения конфиденциальности сведений, составляющих коммерческую тайну и относящихся к предмету заключаемого договора.

Некоторые авторы, например, С. Овсейко, считают, что владельцу коммерческой тайны в качестве организационной меры по установлению режима коммерческой тайны достаточно включения в договоры с контрагентами обязательного условия о принятии контрагентом мер по охране

коммерческой тайны партнера, даже если коммерчески значимая информация передается частично [2].

Напротив, другие авторы считают заключение с контрагентом соглашения о конфиденциальности коммерчески значимой информации обязательным, а не диспозитивным условием в установлении режима коммерческой тайны.

Например, по мнению С.С. Лосева, заключение отдельного соглашения о конфиденциальности является вынужденно необходимым *во всех случаях*, когда владелец коммерческой тайны передает сведения, составляющие коммерческую тайну, другому лицу [3, с. 15]. Данный вывод автор делает, исходя из содержания ст. 10 Закона о КТ, которая обязывает владельца коммерческой тайны принимать меры, *необходимые и достаточные* для обеспечения конфиденциальности составляющих ее сведений, в том числе требовать от лиц, получивших доступ к коммерческой тайне, исполнения предусмотренных Законом о КТ и (или) договором обязательств по соблюдению конфиденциальности этих сведений.

Однако норма, закрепленная в статье 10 Закона о КТ, указывает на диспозитивность этого условия, важности применения *необходимых и достаточных мер* для обеспечения конфиденциальности информации. Эти два критерия определяются в каждом случае владельцем коммерческой тайны индивидуально.

Разглашение коммерчески значимой информации наносит экономический ущерб предприятию вследствие снижения конкурентоспособности его товаров (услуг). Как показывает практика, особое внимание по обеспечению защиты коммерческих интересов владельцам коммерческой тайны следует уделять при передаче партнерам своих технологий, научной продукции и управленческого опыта [4, с. 23].

В Республике Беларусь порядок защиты коммерческой тайны в договорных отношениях между владельцем коммерческой тайны и контрагентом регулируется Гражданским кодексом Республики Беларусь, Законом о КТ и договором. Причем условие о неразглашении коммерческой информации контрагентом может включаться как в условия гражданско-правового договора, так и оформляться отдельным договором (соглашением о конфиденциальности). В странах Евросоюза, США сведения, составляющие коммерческую тайну, передаваемые контрагенту по догово-

ру, в обязательном порядке дополнительно защищены Соглашением о конфиденциальности или о неразглашении. Таким образом, в нашей стране решение о применении необходимых и достаточных мер для обеспечения конфиденциальности информации принимается ее владельцем, т.е. данное решение зависит только от установления режима коммерческой тайны для определенной информации, объема и коммерческой ценности передаваемой контрагенту коммерческой тайны.

Список источников

1. О коммерческой тайне: Закон Республики Беларусь, 05.01.2013, № 16-З : в ред. Закона от 17 июля 2018 г. № 132-З // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
2. Овсейко, С. Соглашения о конфиденциальности: понятие и использование [Электронный ресурс] : [по состоянию на 24.04.2014] / С. Овсейко // Консультант Плюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Национальный Центр правовой информации Республики Беларусь. – Минск, 2019.
3. Лосев, С.С. Договорные отношения, связанные с коммерческой тайной. Гражданско-правовая ответственность / С.С. Лосев // Промышленно-торговое право. – 2013. – № 5. – С. 15–18.
4. Бердашкевич, А. Правовая охрана коммерческой тайны / А. Бердашкевич // Интеллектуальная собственность. Промышленная собственность. – 2003. – № 5. – С. 22–27.

The work is devoted to the study of a number of theoretical and practical problems related to the application of commercial secret institution. The author conducted research of statutory and legal acts regulating the commercial secret mode and protection. Particularly, special attention is focused on the specifics of establishment of commercial secret mode, ensuring protection of commercial secret in contractual relations with contractors.

**ПРАВОВАЯ ОХРАНА ОБЪЕКТОВ
ПРОМЫШЛЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ
БЕЛОРУССКИМИ ЗАЯВИТЕЛЯМИ НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ**

Представлены результаты исследования правовой охраны всех видов объектов промышленной собственности в 1992–2018 гг. резидентами Республики Беларусь в Российской Федерации, которая является основным торговым партнером на протяжении всего периода существования независимой Беларуси. Сделан вывод, что белорусские заявители активно используют оборонительную стратегию по правовой охране своей продукции преимущественно в части изобретений, полезных моделей и топологий интегральных микросхем, а также продвигают товары и услуги под национальными брендами и оригинальными знаками на российском рынке.

Исследование правовой охраны объектов промышленной собственности (ОПС) резидентами Республики Беларусь в Российской Федерации в 1992–2018 гг. представляет особый интерес, поскольку по данным Национального статистического комитета Республики Беларусь экспорт товаров в 2000–2018 гг. из Беларуси в Россию составил 36,9% от общего объема экспорта и 69,7% от экспорта в страны СНГ [1]. Это предъявляет к предприятиям-экспортерам жесткие требования по правовой охране своей продукции на обширном российском рынке.

В таблице приведены сводные данные о количестве выданных национальным заявителям охранных документов (патентов и свидетельств) в 1992–2018 гг. В исследуемый период белорусскими заявителями по национальной процедуре был получен 3191 патент на изобретение или 0,47% от общего количества выданных Роспатентом патентов. На протяжении исследуемого периода наблюдалась неравномерная изобретательская активность национальных заявителей на территории России. Примерно половина патентов была выдана в 1993–1997 гг., что обусловлено большим количеством заявок на изобретения, созданные в последние го-

ды существования СССР, и наличием относительно длительного переходного периода, в течение которого заявки на выдачу авторских свидетельств и патентов СССР могли быть переоформлены в заявки на выдачу патентов Российской Федерации.

Таблица

Количество выданных резидентам Беларуси охранных документов на объекты промышленной собственности в Российской Федерации в 1992–2018 гг.

Вид объекта промышленной собственности	Количество охранных документов
Евразийские патенты на изобретения	1128
Изобретения	3191
Полезные модели	1389
Промышленные образцы	652
Сорта растений	50
Породы животных	3
Топологии интегральных микросхем	324
Регистрации товарных знаков по национальной процедуре	2589
Регистрации товарных знаков по Мадридской процедуре	1290

Экономический кризис 1998 г. на территории Союзного государства привел к значительному снижению патентной активности в течение последующих 4–5 лет. В начале первого десятилетия нового века усилиями организаций и предприятий Министерства промышленности, Национальной академии наук Беларуси, Государственного военно-промышленного комитета и концерна «Белнефтехим» удалось выйти на уровень ста изобретений в год. В последние годы наметилась тенденция снижения количества получаемых по национальной процедуре патентов в связи с расширением масштабов деятельности национальных субъектов хозяйствования по получению евразийских патентов, действие которых распространяется и на территорию Российской Федерации. По состоянию на 31 декабря 2018 г. было выдано 1128 евразийских патентов, из них более половины – физическим лицам, университетам и научным организациям, что свидетельствует о стремлении последних реализовать патентно-

лицензионную стратегию либо продать результаты своей научно-технической деятельности инвесторам. Переход от национальной к региональной процедуре получения патентов на изобретения является общемировой тенденцией.

В исследуемый период белорусские заявители получили 1389 патентов на полезные модели или 0,75% от общего количества выданных патентов. Резиденты Республики Беларусь в 2010–2018 гг. занимали вторую-четвертую строчку в рейтинге среди иностранных заявителей по количеству выданных охранных документов на данный вид ОПС [2]. Следует отметить, что масштабы правовой охраны полезных моделей белорусскими заявителями в Российской Федерации в 2001–2018 гг. сопоставимы с изобретениями.

В 1994–2018 гг. белорусские заявители получили 652 патента на промышленные образцы или 0,87% от общего количества выданных патентов. Резиденты Беларуси в 2011 г. занимали десятую, а в 2014 г., 2017 г. и в 2018 г. – пятнадцатую строчку в рейтинге среди иностранных заявителей по количеству поданных заявок на выдачу охранных документов на данный вид ОПС [2].

Доминирующее положение в сфере правовой охраны изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, полученных по национальной процедуре в Российской Федерации, занимал государственный сектор, на долю которого приходилось более 60% от общего числа выданных патентов. Около трети патентов на изобретения и полезные модели и более 10% патентов на промышленные образцы выдано физическим лицам – преимущественно авторам, а более 3% патентов на изобретения и более 7% патентов на полезные модели и промышленные образцы находятся в совместной собственности двух и более правообладателей.

В исследуемый период в Государственном реестре охраняемых селекционных достижений содержится информация о том, что белорусские заявители получили 50 патентов на сорта растений и 3 патента на породы животных, из них все охранные документы, за исключением одного патента на сорт растения, выданы организациям Национальной академии наук Беларуси. Более половины патентов (54 %) получено на новые сорта картофеля. На российском рынке правовая охрана была предоставлена также некоторым сортам зерновых культур, яблони, груши, вишни, сливы,

черешни, смородины и алычи. Три патента получено на новые породы свиней.

В таблице приведены сводные данные о количестве выданных национальным заявителям охранных документов Российской Федерации на топологии интегральных микросхем по дате регистрации в Государственном реестре. В исследуемый период белорусские заявители получили 324 свидетельства о регистрации топологий интегральных микросхем, что составило 17,3% от общего количества регистраций в Российской Федерации. Все регистрации принадлежат предприятиям, входящим в настоящее время в состав ведущего в Беларуси объединения микроэлектронной промышленности: ОАО «ИНТЕГРАЛ» – управляющая компания холдинга «ИНТЕГРАЛ».

На территории Российской Федерации после распада СССР по состоянию на 31 декабря 1992 г. продолжало действовать 1773 товарных знака, зарегистрированных в СССР, а на 31 декабря 2018 г. – 18 знаков, принадлежащих ведущим белорусским производителям товарной продукции. Всего в исследуемый период на имя резидентов Беларуси зарегистрировано еще 2589 новых знаков по национальной процедуре, что составило 0,45% от общего количества регистраций Роспатентом, и 1290 знаков – по Мадридской процедуре (решения, принятые Роспатентом и опубликованные на портале Всемирной организации интеллектуальной собственности по состоянию на 1 марта 2019 г.), при этом по каждой пятой международной заявке с указанием Российской Федерации Роспатентом было принято решение об окончательном отказе в регистрации знаков.

Проведенное исследование показало, что резиденты Республики Беларусь активно используют оборонительную стратегию по правовой охране своей продукции преимущественно в части изобретений, полезных моделей и топологий интегральных микросхем, а также продвигают товары и услуги под национальными брендами и оригинальными знаками на российском рынке. Их доля в общем количестве выданных охранных документов составляет: для изобретений – 0,47%, для полезных моделей – 0,75%, для промышленных образцов – 0,87%, для топологий интегральных микросхем – 17,3%, для товарных знаков – 0,45%.

На долю предприятий государственной собственности или имеющих долю госсобственности, приходится 100% охранных документов на се-

лекционные достижения и топологии интегральных микросхем, более 60% от общего числа выданных патентов на изобретения, полезные модели и промышленные образцы, а также 40% всех регистраций товарных знаков.

Список источников

1. Национальный статистический комитет Республики Беларусь : Экспорт товаров из Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/realny-sector-ekonomiki/statistika-vneshneekonomicheskoy-deyatelnosti/vneshnyaya-torgovlya-tovarami/godovye-dannye/>. – Дата доступа: 15.03.2019.
2. Годовые отчеты Роспатента [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rupto.ru/ru/about/reports>. – Дата доступа: 23.02.2019.

The publication reviews the results of the study of the legal protection of all types of industrial property objects in 1992–2018 by residents of the Republic of Belarus in the Russian Federation, which is the main trading partner. It was concluded that Belarusian applicants actively use a defensive strategy for the legal protection of their products, mainly in terms of inventions, utility models and topologies of integrated microcircuits, as well as promoting products and services under national brands and original signs on the Russian market.

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ВИРТУАЛЬНЫХ ЭКСКУРСИЙ

В статье рассматриваются понятие и правовая природа виртуальных экскурсий, изучен процесс их создания. Автором проанализированы и систематизированы теоретические положения по теме исследования, рассмотрен вопрос о возможности отнесения виртуальных экскурсий к числу мультимедийны произведений.

Интенсивное развитие мультимедийных технологий и появление новых инструментов визуализации данных способствует расширению границ доступности музея. В настоящее время в практике музеев широкое распространение получили виртуальные экскурсии. При помощи персонального компьютера, ноутбука, планшета или мобильного телефона пользователь из любой точки мира может посетить виртуальную экскурсию, подробно изучить представленные в ней предметы, получить информацию о них, а также осмотреть интерьер.

Так, например, подобная экскурсия создана по залам Лувра, Эрмитажа, Британской Национальной Галереи, Национального Музея естественной истории в Вашингтоне, музею восковых фигур Мадам Тюссо в Лондоне, музею Белого Дома и др.

Виртуальные экскурсии становились предметом диссертационных исследований специалистов в области музееведения, которые изучали особенности внедрение новых информационных технологий в практическую деятельность музеев. В частности, обозначенная тема была рассмотрена в работах М.Н. Чесноковой [1], Л.С. Именновой [2], И.И. Макаровой [3], М.Ю. Кряжевских [4], В.А. Саркисова [5].

Отдельные вопросы правового режима виртуальных экскурсий были проанализированы Е.С. Гринь [6]. Комплексные теоретико-правовые исследования по данной теме в российской и белорусской юридической науке отсутствуют.

В законодательстве Республике Беларусь не содержится упоминание о виртуальных экскурсиях. В Российской Федерации в Технических рекомендациях по созданию виртуальных музеев, приводится лаконичное определение – «экскурсия по виртуальной экспозиции» [7].

И.А. Меньшиков рассматривает виртуальную экскурсию как комбинацию панорамных фотографий (сферических или цилиндрических), выстроенных по определенному маршруту [8]. Схожее определение предлагает Д.В. Земляков: совокупность нескольких сферических виртуальных панорам, которые представляет собой фотореалистический способ демонстрации объемного пространства [9, с. 9]. Предложенные определения представляются очень узкими, поскольку виртуальная экскурсия помимо сферических панорам может включать в себя дополнительный контент: текст, музыку, аудиогид, видео и др.

Для уточнения понятия и определения отличительных признаков исследуемого объекта рассмотрим процесс создания виртуальной экскурсии.

На первом этапе производится фотосъемка объектов, которые войдут в состав виртуальной экскурсии. Далее с помощью специальных программ осуществляется обработка полученных изображений, на основе которых создаются 3D-панорамы [10, с. 245].

На заключительном этапе виртуальные панорамы объединяют в виртуальные туры, встраивают дополнительный контент, добавляют элементы интерактивности.

Для перемещения между панорамами, а также для получения доступа к дополнительному контенту (видео, фотографии, текстовые блоки, анимация и т.д.) в панораму встраиваются «точки перехода».

Таким образом, виртуальная экскурсия – это результат творческой деятельности, представленный в электронной (цифровой) форме, посредством сферических или цилиндрических панорам, основанный на интерактивном взаимодействии пользователя с виртуальной средой посредством компьютерной программы.

Правовой режим виртуальной экскурсии не определен белорусским законодателем. В Законе Республики Беларусь от 17 мая 2011 года № 262-З «Об авторском праве и смежных правах» отсутствует упоминание о виртуальных экскурсиях как объекте авторского права. Е.С. Гринь

предлагает рассматривать виртуальные экскурсии как вид мультимедийного произведения [6, с. 60]. Для изучения вопроса о возможности отнесения виртуальной экскурсии к числу мультимедийных произведений, проанализируем исследуемый объект на наличие ключевых признаков мультимедийного произведения (присутствие в структуре нескольких охраняемых результатов интеллектуальной деятельности, являющихся самостоятельными объектами авторских прав; существование в электронной (цифровой форме); функционирование в процессе взаимодействия с пользователем (интерактивность); имитации объективной реальности или отображение вымышленного автором мира с помощью компьютерных технологий (виртуальность); наличие в структуре компьютерной программы).

1. Виртуальная экскурсия может содержать в своей структуре разнообразные объекты интеллектуальной собственности, выраженные в электронной (цифровой) форме:

- произведения, являющиеся объектом авторского права (произведения науки, литературы и искусства; музыкальные произведения с текстом и без текста; аудиовизуальные произведения; фотографические произведения; компьютерные программы; производные произведения; составные произведения; иные произведения);

- объекты смежных прав (исполнения, фонограммы, передачи организаций эфирного и кабельного вещания);

- секреты производства (ноу-хау);

- средства индивидуализации участников гражданского оборота, товаров, работ или услуг (фирменные наименования; товарные знаки и знаки обслуживания; географические указания;

- другие объекты интеллектуальной собственности.

В дополнении виртуальная экскурсия может содержать произведения, не являющиеся объектами авторского права (официальные документы, государственные символы Республики Беларусь, произведения народного творчества, авторы которых неизвестны).

В зависимости от вида и сложности виртуальной экскурсии может варьироваться перечень объектов, включенных в ее состав.

Функционирование виртуальной экскурсии и взаимодействие с пользователем обеспечивается посредством компьютерной программы.

2. Виртуальная экскурсия представлена в электронной (цифровой) форме.

3. В основе функционирования виртуальных экскурсий лежит имитация физических законов и их визуальная демонстрация. При открытии такой экскурсии на устройстве пользователя отображается фрагмент панорамы с угловым размером в 360° в горизонтальной плоскости, который соответствует нормальному углу зрения человека. В экскурсии данного вида пользователь погружается в виртуальное пространство музея, в котором представлены цифровые копии реальных объектов, входящих в состав музейной экспозиции.

4. В виртуальных экскурсиях максимально реализованы возможности интерактивного взаимодействия с пользователем. Так, при просмотре отдельной виртуальной панорамы, пользователь может перемещаться по ней и исследовать представленные в музее экспонаты, управляя клавишами на экране, устройстве или посредством компьютерной мыши. Пользователь может приблизить или отдалить экспонат, осмотреться вокруг, изучить экспонат под желаемым углом.

Перемещение между панорамами, а также переход по активным точкам к дополнительному контенту (видео, аудиогид, историческая справка и т.д.) позволяет реализовать интерактивное взаимодействие с посетителем виртуальной экскурсии.

Развитие компьютерных технологий привело к появлению разнообразных виртуальных экскурсий. Часто в сети Интернет в отношении различных объектов используется термин «виртуальная экскурсия». Однако к числу мультимедийных произведений могут быть отнесены только те экскурсии, которые обладают совокупностью всех выше обозначенных признаков.

Список источников

1. Чеснокова, М.Н. Эволюция музейной экспозиции как знаковой системы: дис. ... канд. культурологии : 24.00.03 / М.Н. Чеснокова. – СПб., 2010. – 163 с.
2. Именнова, Л.С. Социально-педагогическая деятельность краеведческого музея (История, теория, методика) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Л.С. Именнова. – М., 2004. – 200 с.

3. Макарова, И.И. Российский художественный музей в современном социокультурном пространстве: стратегии коммуникации : дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / И.И. Макарова. – М., 2011. – 207 с.
4. Кряжевских, М.Ю. Коммуникационное пространство музея: формирование культурного дискурса: дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / М.Ю. Кряжевских. – Челябинск, 2012. – 129 с.
5. Саркисов, В.А. Художественный музей в культурной политике региона: дис. ... канд. культурологии : 24.00.01 / В.А. Саркисов. – Краснодар, 2012. – 196 с.
6. Гринь, Е.С. Авторские права на мультимедийный продукт / Е.С. Гринь. – М. : Проспект, 2013. – 123с.
7. Технические рекомендации по созданию виртуальных музеев [Электронный ресурс]. – М-во культуры РФ. – Режим доступа: <http://mkrf.ru>. – Дата доступа: 07.02.2019.
8. Меньшиков, И.А. Современные средства визуализации: создание виртуальных экскурсий на основе технологии 3D-панорамной съемки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/4372/1217.pdf?sequence=1>. – Дата доступа: 07.02.2019.
9. Виртуальные музеи: используемые технологии и анализ передового опыта разработки / Земляков, Д.В. [и др.] // Грани познания. – 2013. – №. 2. – С. 9–12.
10. Морозова, Е.С., Лавров, В.В. Технология создания виртуальных интерактивных туров // Теплотехника и информатика в образовании, науке и производстве (ТИМ'2012). – Екатеринбург, 2012. – С. 244–246.

The research deals with the current issues related to the legal regime of virtual tours and their characteristics. In the article the concept of virtual tour is studied and the process of its creation is being analyzed. The article analyzes such features of a virtual tour as an electronic (digital) form; interactivity; virtuality; the presence of a computer program in the structure and others.

ГРАЖДАНСКИЙ КОДЕКС РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН В НОВОЙ РЕДАКЦИИ: КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ IV РАЗДЕЛ

В данной статье освещаются вопросы совершенствования гражданского законодательства в аспекте принятия Гражданского кодекса Республики Узбекистан в новой редакции. Автором исследуются различные подходы регулирования отношений по интеллектуальной собственности: в некоторых странах гражданские кодексы (ГК) не регулирует отношения по интеллектуальной собственности; в некоторых странах в ГК предусмотрен специальный раздел, посвященный интеллектуальной собственности, который в свою очередь дифференцирует общие положения, положения по отдельным объектам интеллектуальной собственности. В Российской Федерации все гражданско-правовые отношения по интеллектуальной собственности регулируются только Гражданским кодексом. В работе обосновывается точка зрения о том, что в ГК должны содержаться только общие положения по интеллектуальной собственности, а правовой режим отдельных объектов должен быть определен специальными законами.

В Республике Узбекистан в последние годы проводятся радикальные преобразования в экономической и в социальной жизни. В этом процессе право играет значительную роль, как регулятор общественных отношений, как созидательная сила. Следует констатировать, что новая реальность в стране постоянно требует обновления национальной системы права по форме и содержанию. Новые явления и вызовы требуют использования адекватного механизма правового регулирования. В связи с этим в аспекте экономических реформ, аспекте развития гражданского общества, аспекте обогащения и расширения гражданских прав и свобод и аспекте ускорения научно-технического прогресса решение насущных проблем связывает необходимость пересмотра доктрины гражданского права, разработку концепции совершенствования гражданского законодательства и принятие ГК в новой редакции в Республике Узбекистан. При

этом самое удивительное, что в обсуждении данного вопроса участвуют и зарубежные цивилисты-эксперты, и даже политические деятели соседних стран [1].

Особенно оживленные дискуссии вызывают разделы ГК, посвященные интеллектуальной собственности. Некоторые ученые считают, что в новом ГК нет необходимости предусматривать специальный раздел, посвященный ИС. Следует также иметь виду, что есть особый подход Российской Федерации к данному вопросу: в нем специальные законы об отдельных объектах интеллектуальной собственности полностью включены в IV раздел ГК и нормально функционируют в правовом пространстве. Думается, что в новом ГК должны быть обязательно представлены нормы по интеллектуальной собственности. Упоминания о них в общей части ГК в перечне объектов явно недостаточно (такой подход имеет место в гражданских кодексах некоторых стран СНГ).

В соответствии с Конвенцией об учреждении Всемирной организации интеллектуальной собственности 1967 г. перечень объектов интеллектуальной собственности является открытым, что обусловливается постоянным появлением новых объектов ИС [2, с. 4]. Большинство стран СНГ придерживается в законодательстве такого подхода. В ГК Российской Федерации используется несколько иной подход, основанный на установлении замкнутого перечня объектов интеллектуальной собственности, по которому сразу не получает легальный режим, что замедляет их ввод в гражданский оборот.

Требуется критического осмысления IV раздел ГК Республики Узбекистан, посвященный интеллектуальной собственности. В настоящее время в Республике Узбекистан сложились в этой сфере двухуровневые законы (ГК, законы о товарных знаках, законы об изобретениях и т.п.), а в некоторых случаях трехуровневые законы (ГК, закон об охране программ для ЭВМ и базы данных, закон о топологии интегральных микросхем). Это заметно ослабило непосредственно регулирующее значение ГК. Параграфы IV раздела, посвященные отдельным объектам интеллектуальной собственности, в правоприменительной и судебной практике почти нагрузки не имеют. Они стали бутафорно-декларативными частями ГК.

В ином ракурсе следует оценить параграф IV раздела ГК, посвященный «Общим положениям». Эта часть имеет значимость в двух аспектах:

– во-первых, она станет своеобразным рамочным стандартом для новых законов, которые будут приняты в перспективе;

– во-вторых, появятся новые объекты интеллектуальной собственности, до принятия специального закона, определяющего ее правовой режим. А эта часть ГК регулирует отношения по их использованию и правовой охране.

Однако это не означает, что Общие положения IV раздела ГК следует оставить как есть. Наоборот, исходя из возлагаемых задач, их следует обогатить и совершенствовать с учетом опыта развитых стран.

Прежде всего, следует закрепить охраняемые результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в более детальном и расширенном перечне с учетом современных реалий.

Было целесообразно выделить специальные виды прав – интеллектуальные права. Эти права состоят из исключительных и неисключительных прав, личных неимущественных прав, а также иных прав (права следования, доступа и т.п.). Следует сохранить нормы о соотношении интеллектуальной собственности и права собственности. Здесь следует более точно указать особенности применения нормы права собственности в отношении интеллектуальных прав, правообладатели должны иметь максимальные возможности по защите своих прав и интересов, используя юридический арсенал охраны права собственности.

Следует ввести новую статью, определяющую особый правовой статус автора интеллектуальной деятельности.

Целесообразно более основательно и углубленно разработать расширенную конструкцию исключительных прав.

Кроме того, следует фиксировать основания ограничения исключительных прав с оговоркой, что это перечень закрытый и расширительно-му толкованию не подлежит.

Само собой разумеется, что имеют свои особенности действия исключительных прав во времени и пространстве. Эти особенности должны быть сконструированы в виде отдельной статьи.

Более тщательно и подробно следует урегулировать особенности реализации правомочия правообладателя распоряжением исключительным правом. При этом должна быть закреплена норма о том, что к договорам о распоряжении исключительных прав на результаты интеллек-

туальной деятельности или на средства индивидуализации, в том числе к договорам об отчуждении исключительного права к лицензионным (сублицензионным) договорам применяются общие положения об обязательствах и договорах, поскольку иное не установлено правилами IV раздела ГК и не вытекает из содержания или характера исключительных прав.

Следует в виде отдельной нормы определить форму, содержание, порядок заключения договора об отчуждении исключительного права.

В действующем ГК очень скупы нормы, регулирующие заключение и исполнение лицензионных договоров. В правоприменительной практике эти вопросы решаются на основе фрагментарных подзаконных актов, заимствования опыта правоприменительной практики зарубежных стран. Поэтому в процессе модернизации ГК этот пробел должен быть восполнен. В частности, форма и основные условия лицензионных договоров, в виде лицензионных договоров (исключительная лицензия, неисключительная лицензия) особенности исполнения лицензионных договоров, содержание лицензий, специфика сублицензионных договоров, основание выдачи судом принудительных лицензий должны быть более подробно зафиксированы в данной части ГК.

В общих положениях также должны найти свое отражение особенности использования результата интеллектуальной деятельности в составе сложного объекта, т.е. включающего в себя несколько охраняемых результатов интеллектуальной деятельности.

Следует предусмотреть в общих положениях особенности использования результатов интеллектуальной деятельности в составе единой технологии. В общих положениях должна быть предусмотрена система правовых мер по охране прав на объекты интеллектуальной собственности, в частности, защита интеллектуальных прав, защита личных неимущественных прав, защита исключительных прав, особенности ответственности информационного посредника, особенности защиты прав лицензиата.

Список источников

1. Кажегельдин, А. Без нового Гражданского кодекса инвесторы в Узбекистан не придут [Электронный ресурс] / А. Кажегельдин // Режим доступа:

- <http://fergana.agency>. – Дата доступа: 01.02.2019) ; Р. Книпер. О концепции развития гражданского законодательства Республики Узбекистан [Электронный ресурс] // URL: <http://www.gazeta.uz> (дата обращения: 20.03.2019);
2. Право интеллектуальной собственности // под ред. проф. И.А. Близнеца. – М. : Проспект, 2010. – С. 4.

This article covers the issues of improving civil legislation on the example of adopting new edition of Civil Code of the Republic of Uzbekistan. The author explores various approaches to regulating relations on IP: Civil code does not regulate relations on IP in some countries, however in some countries Civil code provides for a special section on IP which in turn differentiates general provisions, provisions for individual objects of IP. In the Russian Federation all civil and legal relations on IP are regulated only by the Civil Code of the Russian Federation. The paper substantiates the point of view that Civil code should contain only general provisions on IP and the legal regime of individual objects of IP should be determined by special laws.

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ НАРУШЕНИЯ АВТОРСКИХ ПРАВ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

В статье рассматриваются актуальные вопросы нарушения авторских прав в сети Интернет. Автор исследует наиболее распространенные способы нарушения авторских прав в сети Интернет и делает вывод о необходимости эффективного законодательного регулирования правоотношений в рассматриваемой сфере.

В случае если охраняемые авторским правом результаты интеллектуальной деятельности используются умышленно, не получив на это разрешение авторов или правообладателей, либо в результате нарушаются условия договора об использовании таких произведений, что наносит вред личности и обществу, то можно говорить о нарушении авторского права.

По мнению С.П. Гришаева, нарушение имущественных авторских прав в сети Интернет является правонарушением, состоящим в копировании и распространении произведений науки, литературы, искусства, которые находятся под охраной авторского права, без соответствующего согласия авторов (правообладателей) третьим лицам, с коммерческой целью [1, с. 126].

Следовательно, нарушение авторских прав в сети Интернет – это незаконное использование или присвоение авторства оцифрованного материала, защищенного авторским правом, такого как программное обеспечение, музыкальные композиции, фильмы, книги, компьютерные игры.

Среди основных способов нарушения авторских прав в сети Интернет основное место отводится созданию копий авторского произведения и продаже данных копий, передаче их третьим лицам либо перепродаже приобретенной копии. Однако существует такая точка зрения, что современный подход к защите интеллектуальной собственности в сети Интернет должен основываться на свободном использовании объектов авторского права, при отсутствии заявления правообладателя об ином.

Одним из нарушений авторских прав является контрафакция или пиратство. Следует отметить, что понятие контрафактного экземпляра не

совсем удачно применять в отношении цифровой среды. По общему правилу, формой контрафактного экземпляра является материальный носитель (сервер или жесткий диск), содержащий также и законную информацию. Поэтому арестовывать контрафактные экземпляры в данном случае неуместно, поскольку при аресте накопителей информации будут нарушаться права третьих лиц, не совершивших незаконные действия. По этой причине рассмотрим более широкий подход к определению контрафактного экземпляра в цифровой среде.

Авторские права в цифровой среде нарушаются посредством совершения следующих видов интернет-пиратства: видеопиратства; аудиопиратства; нелегального использования программного обеспечения, нелегального использования литературных, научных произведений, текстов, графиков, рисунков и др.

Видеопиратство представляется в виде нелегального распространения копий фильмов, телепередач в сети Интернет, главной целью чего является получение прибыли. Для фильмов как объектов авторского права в сети Интернет характерны некоторые особенности, не раз упоминавшиеся многими аналитиками [2, с. 99].

Главной особенностью видеопродукции является возможность принесения прибыли в первые дни после выхода в прокат. Для того чтобы авторские права не были нарушены, в данный период не должны быть распространены в сети Интернет нелегальные копии. Учитывая данный факт, законодатель предложил оперативно блокировать интернет-ресурс, незаконно разместивший нелегальные копии видеопродукции. Согласно утверждениям многих экспертов, защита других видов произведений не зависит от времени появления нелегальной копии произведения [3, с. 33].

Учеными были высказаны предложения о направлении перед блокированием лицами, разместившими информацию, своих возражений интернет-провайдеру [4, с. 14]. Посредством данной меры учитывались бы все интересы, однако увеличивался бы срок наложения обеспечительных мер.

Нелегальное копирование музыкальных произведений в сети Интернет может осуществляться путем копирования, распространения и продажи музыкальных альбомов третьим лицам. В свою очередь, распространение музыкальных произведений возможно не только в сети Интернет, но и посредством компакт-дисков. Аудиопиратством является и использование нелегальных копий музыкальных произведений радиостанциями и пиринговыми сетями.

Литературным произведениям уделяется главное место среди объектов правонарушений в сети Интернет. Одним из таких нарушений является предоставление электронными библиотеками бесплатного доступа к копиям произведений без разрешения авторов и правообладателей [5].

Незаконное использование программного обеспечения также осуществляется в больших объемах. Ассоциация производителей программного обеспечения провела исследования, в соответствии с которыми нелегальное программное обеспечение в нашей стране используется в 63% случаев. В Японии данный показатель достигает 21%, в США – 19% [5].

Чтобы нелегально распространять программное обеспечение, необходимо снять разнообразные программные защиты с помощью специальных инструментов, к которым относятся редакторы, отладчики, распаковщики. Однако бывают случаи, когда правообладатели поощряют нелегальное распространение программы. В частности, разработчики программы Майкрософт еще в 2007 году распространяли свободное использование программы, в том числе нелегальное, ссылаясь на то, что пользователи, привыкнув пользоваться программой, будут вынуждены покупать ее.

Нелегальному распространению компьютерных игр также свойственна своя специфика, заключающаяся в специфических видах защиты, привязывающих копию игры к носителю (CD или DVD-диску). Однако эксперты утверждают, что защитой от копирования, установленной на CD/DVD-дисках, нарушается законодательство большинства стран, в том числе и Республики Беларусь, поскольку законодательством не запрещено изготавливать резервную копию CD/DVD-диска, который был легально приобретен. Однако издателями, устанавливающими защиту, технические копии не предоставляются пользователям [6, с. 234].

Проблеме интернет-пиратства присваивается международный характер. Каждое государство придерживается своих правовых способов борьбы с нарушением авторских прав в сети Интернет. К примеру, США применяет к иностранным гражданам, нарушающим авторские права, экстрадицию, состоящую в выдворении за пределы государства без права на возврат, причем не важно, где размещаются серверы правонарушителей.

Интернет-пиратство в Республике Беларусь не настолько впечатляет, как в других странах. Лидерами в нелегальном использовании объектов авторского права в сети Интернет являются Англия, США и Италия.

Исходя из анализа основных видов пиратства в сети Интернет и тенденций развития нарушений в сфере авторского права в данной среде, многие исследователи предупреждают, что может нарушиться существующий баланс между интересами потребителей и применением правовых мер воздействия на нарушителя. При заключении нарушителем договора возмездного оказания услуг с провайдером, он получает услугу в меньшем объеме или не получает вообще.

Таким образом, основными способами нарушения авторских прав в сети Интернет являются создание копий авторского произведения, продажа данных копий, передача их третьим лицам, перепродажа приобретенной копии и контрафакция (интернет-пиратство).

Современный подход к защите авторских прав в сети Интернет должен основываться на свободном использовании объектов авторского права при отсутствии заявления правообладателя об ином. Кроме того, законодательные меры должны играть главную роль в борьбе с нарушением авторских прав в сети Интернет.

Список источников

1. Гришаев, С.П. Защита авторских прав. Интеллектуальная собственность : учеб. пособие / С.П. Гришаев. – М. : Юрист, 2004. – 238 с.
2. Бабкин, С. А. Интеллектуальная собственность в Интернет / С.А. Бабкин. – М. : Центр ЮрИнфоР, 2005. – 215 с.
3. Исаенко, В.Н. Правовые проблемы борьбы с пиратством в России / В.Н. Исаенко, Б.Д. Завидов // Право и экономика. – 2000. – № 4. – С. 72–89.
4. Симкин, Л. Как остановить компьютерное пиратство? / Л. Симкин // Российская юстиция. – 1996. – № 10. – С. 37–39.
5. Новая «антипиратская» инициатива : окажутся ли под защитой все объекты авторских прав [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.garant.ru/article/501059/#ixzz2uS2n9vU7>. – Дата доступа: 20.03.2018.
6. Дашян, М.С. Авторское право: абсурд и гениальность / М.С. Дашян. – М. : Wolters Kluwer Russia, 2011. – 632 с.

The article deals with topical issues of copyright infringement on the Internet. The author investigates the most common ways of copyright infringement on the Internet and concludes about the need for effective legislative regulation of legal relations in this area.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА АВТОРСКИХ ПРАВ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: УРОВНИ, ИСТОЧНИКИ, СРЕДСТВА

Рассмотрены особенности правовой охраны авторских прав в странах Европейского Союза, обусловленные спецификой правового регулирования соответствующих общественных отношений в Европейском Союзе. Автором исследуются особенности средств правовой охраны авторских прав исходя из трех уровней правового регулирования: национального, регионального и международного. На национальном уровне – автором анализируются внутренние нормативно-правовые акты, которые касаются правовой охраны авторского права стран Европейского Союза; на региональном уровне – Директивы Европейского Союза, которые касаются правовой охраны авторского права стран Европейского Союза; на международном уровне – международные договоры и конвенции в указанной сфере.

Правовая охрана авторских прав в странах Европейского Союза (далее – ЕС) осуществляется на трех уровнях: национальном, региональном и международном [1].

Исследование правовой охраны авторских прав на национальном уровне целесообразно рассматривать на примерах внутреннего законодательства разных правовых систем. Так, на национальном уровне, Законом ФРГ «Об авторском праве и смежных правах» от 09.09.1965 г. (Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte) предусмотрены следующие средства правовой охраны авторских прав: право на обращение в суд с целью защиты нарушенного права; возможность создания обществ по охране авторских прав, которые управляют по требованию авторов их правами на определенных условиях; возможность устанавливать ограничения на копирование и скачивание данных для некоммерческих целей; возможность устанавливать на CD- и DVD-диски специальной программы защиты [2]. Во Франции Кодексом Интеллектуальной собственности от

1.07.1992 г. (Code de la Propriété Intellectuelle) предусмотрены следующие средства правовой охраны авторских прав: право на изъятие экземпляров произведения из обращения в случае, если автор не желает дальнейшего распространения; надзор за законностью в сфере интеллектуальной собственности Генеральной дирекцией по конкурентоспособности, промышленности и услугам [3]. В Великобритании, кроме традиционных видов правовой охраны, Законом «Об авторском праве, промышленных образцах и патентах от 1.08.1989 г. (Copyright, Designs and Patent Acts) предусмотрены «технические средства защиты» авторских прав. Так, ст. 296ZF содержит следующее определение технических средств защиты: техническим средством является любая технология, устройство или его элемент, которые предназначены при нормальном ходе выполнения их работы для защиты авторских прав на произведения, исключая компьютерные программы [4].

Исходя из анализа внутреннего законодательства ФРГ, Франции и Великобритании, можно выделить следующие средства правовой охраны: право на обращение в суд с целью защиты нарушенного права; возможность создания обществ по охране авторских прав, которые управляют по требованию авторов их правами на определенных условиях; возможность устанавливать ограничения на копирование и скачивание данных для некоммерческих целей; возможность устанавливать на CD- и DVD-диски специальной программы защиты; право на изъятие экземпляров произведения из обращения в случае, если автор не желает дальнейшего распространения; надзор за законностью в сфере интеллектуальной собственности Генеральной дирекцией по конкурентоспособности, промышленности и услугам; «технические средства защиты» авторских прав.

На региональном уровне правовая охрана авторских прав осуществляется на основании Директив. Так, Директива 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС «О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе» от 22.05.2001 г. предусматривает право установления государствами-членами запретов «на производство, импорт, распространение, продажу, аренду, рекламу с целью продажи или аренды, а также запреты на владение в коммерческих целях устройствами, продуктами, деталями и запрет на

предоставление услуг» в случае нарушения авторских прав [5, гл. 3, ст. 6]. Директива 2004/48/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС «Об обеспечении прав на интеллектуальную собственность» от 29.04.2004 г. в разделе 4 предусматривает «временные и предупредительные меры», согласно которым заявитель, права которого были нарушены, по решению суда, имеет право: «а) налагать на предполагаемого нарушителя судебный запрет, рассчитанный на предотвращение любого неизбежного нарушения прав на интеллектуальную собственность либо запрещать на временной основе и при условии периодических штрафных платежей в предусмотренных национальным правом случаях продолжение заявленных нарушений данного права, либо пролонгировать срок предоставления гарантий, направленных на обеспечение предоставления компенсации правообладателю; б) определить порядок изъятия или передачи сомнительных товаров, которые могут нарушать право на интеллектуальную собственность с тем, чтобы предотвратить их поступление в каналы торговли или движение по ним» [6, ст. 9].

Такие меры являются «экстренными», достаточно эффективными, «срочными», поскольку предоставляют возможность срочно, безотлагательно отреагировать на совершенное правонарушение, и тем самым предотвратить наступление тяжких необратимых последствий.

Кроме того, 26 марта 2019 года Европарламентом был одобрен Проект Директивы «Об авторском праве на Едином цифровом рынке», который предусматривает принципиально новые средства правовой охраны в цифровом поле. Статьей 11 предусмотрен «налог на ссылки», которым устанавливается право получения лицензий для ссылок на новостные статьи от веб-сайтов [7]. Статья 13 «обязательная фильтрация» требует использования технологий анализа контента, который не способен идентифицировать добросовестное использование, например пародию [7].

Следует отметить, что такие средства правовой охраны авторских прав значительно ограничивают право автора на обнародование произведения, а также такие права на использования произведения, как право на воспроизведение, цитирование, переработку произведения.

К третьему уровню регулирования относятся международные договоры и конвенции. Так, Бернской конвенцией по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. предусмотрены

следующие средства правовой охраны авторских прав: 50-летний минимальный срок охраны авторского права после смерти автора, если в той иной стране не установлен более длительный срок; исключительное право автора на перевод своих произведений, тиражирование их, публичное исполнение, переделки, запись механическим способом и т.п. [8]. Всемирная конвенция об авторском праве, заключенная в Женеве 6 сентября 1952 г, устанавливает следующие средства правовой охраны: 25-летний минимальный срок охраны авторских прав после смерти автора; размещение на охраняемом произведении знака авторского права («copyright»); особенно выделена охрана исключительного права автора на перевод и переиздание своего произведения; нельзя издавать в другой стране произведение без разрешения того издательства, которое впервые его издало, и без уплаты соответствующего вознаграждения; охрана прав граждан стран-не членов Всемирной конвенции предоставляется для опубликованных произведений, независимо от того, где они были впервые опубликованы [9]. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по авторскому праву, принятый в Женеве 20 декабря 1996 года, устанавливает такие основные средства правовой охраны авторских прав, как «информация об управлении правами» и электронная подпись. Наличие таких стандартов позволяет безоговорочно идентифицировать автора произведения. Также статьей 12 предусмотрено, что страны-участники обязаны принять необходимые меры против лиц, которые без разрешения удаляют или изменяют такую информацию либо распространяют, импортируют в целях распространения, сообщают для всеобщего сведения и т.д. [10, с. 205].

Следует отметить, что в исследуемых международных конвенциях и договорах установлены основные положения касательно правовой охраны авторских прав, которые должны быть имплементированы в национальное законодательство стран ЕС.

Таким образом, можно выделить систему средств правовой охраны авторских прав стран ЕС, построенную на трех уровнях регулирования:

1) на национальном уровне – судебная защита, создание специальных органов по надзору за соблюдением прав в сфере интеллектуальной собственности, ограничение на копирование и скачивание данных для некоммерческих целей, технические средства защиты;

2) на региональном уровне – «экстренные меры», «налог на ссылки», «обязательная фильтрация»;

3) на международном уровне – минимальный срок охраны авторского права после смерти автора, исключительное право автора на перевод своих произведений, тиражирование их, публичное исполнение, переделки, запись механическим способом и т.п.

Список источников

1. Геращенко, А. Объять необъятное. О лекциях Аксея Метцгера «Авторское право в цифровую эпоху: модель Европейского Союза» [Электронный ресурс] / А. Геращенко. – Режим доступа: <https://www.hse.ru/ba/law/news/206365600.html>. – Дата доступа 30.03.2019.
2. Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (Urheberrechtsgesetz, geändert durch das Gesetz vom 01. September 2017) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/462250>. – Дата доступа 30.03.2019.
3. Code de la Propriété Intellectuelle (version consolidée au 1 octobre 2010) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/47>. – Дата доступа 30.03.2019.
4. Copyright, Designs and Patent Acts 1988 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1988/48/contents>. – Дата доступа 30.03.2019.
5. Директива 2001/29/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС «О гармонизации некоторых аспектов авторского права и смежных прав в информационном обществе» от 22.05.2001 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.pravo.ru/document/view/27031649/>.
6. Директива 2004/48/ЕС Европейского парламента и Совета ЕС «Об обеспечении прав на интеллектуальную собственность» от 29.04.2004 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/994_b39. – Дата доступа 30.03.2019.
7. Проект Директивы Об авторском праве на Едином цифровом рынке от 26.03.2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.beuc.eu/publications/beuc-x-2017-081_eu_copyright_reform.pdf. – Дата доступа 30.03.2019.
8. Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений, принятая 9 сентября 1886 года [Электронный ресурс]. – Режим досту-

- па: https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/treaties/ru/berne/trt_berne_001ru.pdf. – Дата доступа 30.03.2019.
9. Всемирная конвенция об авторском праве, заключенная в Женеве 6 сентября 1952 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/copyright.pdf. – Дата доступа 30.03.2019.
 10. Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС) по авторскому праву, принятый в Женеве 20 декабря 1996 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.copyright.ru/ru/library/megdunarodnie_akti/copyright/vois/.
 11. Law of June 30, 1994, on Copyright and Neighboring Rights (as amended by the Law of April 3, 1995) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wipolex.wipo.int/ru/text/490482>.

In article the author considers the features of legal protection of copyright in the countries of the European Union caused by specifics of legal regulation of the corresponding public relations in the European Union. The author investigates features of means of legal protection of copyright proceeding from three levels of legal regulation: national, regional and international. At the national level – the author analyzes internal normative legal acts which concern legal protection of copyright of the countries of the European Union; at the regional level – Directives of the European Union which concern legal protection of copyright of the countries of the European Union; at the international level – the international contracts and conventions in the specified sphere.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОМЕНА / ДОМЕННОГО ИМЕНИ ВЕРХНЕГО УРОВНЯ «.ЕА»

В настоящей статье определена правовая природа домена / доменного имени верхнего уровня «.ЕА». Обосновано, что домен / доменное имя верхнего уровня «.ЕА» не является объектом гражданского права, в отличие от доменных имен второго и последующих уровней, которые могут быть зарегистрированы в евразийской доменной зоне.

Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) может получить собственный единый интернет-домен верхнего уровня — «.ЕА». Эксперты считают, что о создании суверенного Интернета речь не идет, но допускают, что в правилах доменной зоны может быть оговорено размещение серверов исключительно на территории союза [1]. Тем не менее регистрирует домены верхнего уровня Корпорация интернета по распределению имен и адресов (ICANN). Для регистрации евразийского домена нужно согласие всех стран — участников союза и определение оператора доменной зоны.

Интеграционные процессы не могут проходить без единого информационного пространства. Поскольку Интернет сегодня является крупнейшим информационным ресурсом, то логично развивать информационную интеграцию именно с электронного сегмента. Кроме того, сам домен будет являться своеобразным брендом Евразийского экономического союза (можно сравнить с узнаваемым европейским доменом «EU»). Это, хоть и косвенно, но тоже скажется на усилении культурного и социального взаимодействия населения стран ЕАЭС.

Переход к новому домену «.ЕА» будет способствовать укреплению безопасности информационного пространства Евразийского экономического союза. Как показывает практика, сегодня государства и международные организации стараются защитить себя от внешнего информационного воздействия. Примером может служить Республика Беларусь, где сайты с доменами «.BY» и «.БЕЛ» размещаются только на белорусских серверах.

Любой территориальный союз всегда стремится обособить себя не только в физических границах, но и виртуальном мире. Например, вышеупомянутый домен «.EU» Европейского союза достаточно популярен, несмотря на то что у каждой из стран-участниц есть свой собственный национальный домен. Его использование позволяет организациям позиционировать себя на общеевропейском рынке.

Можно выделить два понятия: «домен» (domain) как некая область адресного пространства и «доменное имя» (domain name) как словесная форма конкретного адреса [2, с. 16–17].

В частности, В.О. Калятин разделяет понятия «домен» (понимая под ней область адресного пространства) и «доменное имя» (представляемое в качестве словесной формы конкретного адреса) [3, с. 16–17]. По его мнению, «доменное имя – это зарегистрированное в установленном порядке словесно-цифровое обозначение, заменяющее при взаимодействии человека с компьютером цифровой IP-адрес компьютера, подключенного к сети» [4, с. 33], в то время как «домен – это область пространства иерархических имен сети Интернет, которая обслуживается набором серверов доменных имен и централизовано администрируется» [4, с. 33].

Однако указанные определения касаются технической стороны функционирования доменных имен и не отражают в полном объеме такой особенности доменных имен, как выполнение функции по индивидуализации информационного ресурса.

В отношении понятия доменного имени В.Б. Наумов определяет понятие «домен» как «обозначение в доменном имени, конкретизирующее путь к информационному ресурсу в телекоммуникационной сети» и отмечает следующее: «...для анализа общественных отношений, связанных с доменными именами, важно повторить, что существующая система доменных имен имеет ряд существенных особенностей:

- она едина для всей сети Интернет и иерархична;
- она факультативна и предоставляет возможность лицам самостоятельно выбирать и регистрировать незанятые названия;
- для зарегистрированных доменных имен обеспечивается их уникальность на всем адресном пространстве сети Интернет;
- экономически система строится на возмездной основе» [5, с. 46].

Для начала процедуры регистрации ЕАЭС нужно получить отдельный двухбуквенный код в международном стандарте ISO 3166, однако в настоящий момент обозначение «.ЕА» занято территорией Испании в Африке. Пересмотр классификатора может занять до трех лет. Чтобы ускорить процесс, представители ЕАЭС также рассматривают возможность регистрации трехбуквенного домена по программе New gTLD.

Доменное имя состоит из нескольких частей, которые также называют уровнями доменного имени. Каждый уровень доменного имени несет в себе определенную функцию.

1. Домен (доменное имя первого уровня) отвечает за территориальную принадлежность доменного имени к определенной стране, либо тип организации. По критерию принадлежности к территориальным зонам (регионам) доменные имена могут быть следующие:

- «.BY» – Республика Беларусь;
 - «.RU» — Российская Федерация;
 - «.CA» — Канада
- и перспективный домен «.ЕА» — ЕАЭС.

По типу организации выделяют следующие доменные имена:

- «.COM» — коммерческие сайты, занимающиеся каким-либо бизнесом;
- «.EDU» — образовательные;
- «.GOV» — правительственные и др.

Данная классификация изначально была проведена для того, чтобы пользователи сети Интернет могли определить к какой именно области деятельности относится тот или иной сайт. Стоит отметить, что с течением времени приведенные выше доменные имена подверглись смешению, и в настоящее время по типу организации не оказывают конструктивного значения для пользователей сети Интернет.

Целесообразно рассмотреть на примере Республики Беларусь, что право администрирования доменов (доменных имен верхнего уровня) не может рассматриваться как имущественное, а представляет собой реализацию полномочий Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь как специально уполномоченным государственным органом в сфере безопасности использования национального сегмента сети Интернет по использованию домена [6].

Ни ICANN, ни администратор национального домена (доменного имени верхнего уровня) (Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь) не обладают имущественным правом в отношении родовых доменных имен верхнего уровня, не являются собственником указанных доменных имен, но обладают полномочиями по их администрированию.

Соглашение, заключенное между администратором национального домена (доменного имени верхнего уровня) (Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь) и ICANN, в рамках которого администратор национального доменного имени верхнего уровня наделяется полномочием администрирования соответствующей доменной зоны («.BY» и «.БЕЛ»), представляет собой вовсе не договор оказания услуг, а соглашение о сотрудничестве, потому что в его рамках каждая из сторон обязуется совершить определенные действия, целью которых является обеспечение надлежащего функционирования адресации в рамках доменной зоны.

Администратор национального доменного имени (Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь) самостоятельно выбирает обозначение, которое будет зарегистрировано в качестве доменного имени, а также самостоятельно определяет порядок его использования, исходя из возможностей технологии адресации. Роль регистратора (ICANN) в данном случае сводится лишь к проверке возможности зарегистрировать указанное обозначение, потому что доменное имя является абсолютно уникальным в рамках сети Интернет, и два одинаковых доменных не могут быть зарегистрированы. Несмотря на то, что договором предусмотрена обязанность администратора использовать доменное имя, не нарушая права третьих лиц, регистратор (ICANN) фактически не контролирует исполнение этой обязанности. Он не вправе требовать предоставления отчетности об использовании доменного имени, а также разрешать споры об использовании доменного имени между администратором (Оперативно-аналитическим центром при Президенте Республики Беларусь) и третьими лицами. От того субъекта, который контролирует доменное имя верхнего уровня, зависит не только насколько стабильно функционирует система адресации Интернета, но соблюдение прав и законных интересов администраторов доменных имен второго уровня.

Администратор национального доменного имени (Оперативно-аналитический центр при Президенте Республики Беларусь) не обладает в отношении вверенных ему доменных имен имущественным правом, но обладает полномочием по администрированию данных доменных имен, необходимым для выполнения возложенных на него обязанностей. Соответственно домены (доменные имена верхнего уровня) не являются объектами гражданских прав и не способны к гражданскому обороту.

Проводя аналогию, можно утверждать, что перспективный домен (доменное имя верхнего уровня) «.EA» не будет являться объектом гражданских прав и не будет способен к гражданскому обороту.

2. Доменное имя второго уровня – это уникальный идентификатор сайта (название сайта). В качестве примера доменного имени второго уровня можно привести доменные имена «.minsk.by», «.com.by», «.net.by».

3. Доменное имя третьего уровня – такой вид доменного имени обычно используется для создания мини-сайтов, либо отдельных разделов на основе главного сайта. Как правило, доменное имя третьего уровня принадлежит обладателю доменного второго уровня. Таких доменных имен можно создавать неограниченное количество. В качестве примеров доменных имен третьего уровня могут быть: «ua.so-hosting.info», «ru.so-hosting.info».

Необходимо подчеркнуть, что доменные имена верхнего уровня и доменные имена второго и последующих уровней, не обладая существенными отличиями с правовой точки зрения, имеют разную правовую природу. Такое различие возникает по причине того, что право администрирования доменных имен верхнего уровня затрагивает не только частные, но и публичные интересы. Представляется, что администрирование доменного имени верхнего уровня не может рассматриваться в качестве имущественного права. Вероятно, оно представляет собой полномочие, предоставленное в рамках соглашения и необходимой для выполнения взятых на себя в рамках такого соглашения обязательств. В отличие от права на доменные имена верхнего уровня права на доменные имена второго и последующих уровней (в перспективе «.minsk.ea», «gov.ea») как объект гражданского права представляют собой имущественное право, заключающееся в возможности управления определенной областью адресного пространства в сети Интернет, извлечении и присвоении благ, связанных с использованием данного пространства. Указанное право мо-

жет быть передано полностью или в части, на возмездной или безвозмездной основе по сделке или же перейти к другому лицу в силу закона.

Введение единого географического домена будет способствовать более динамичному и эффективному развитию интеграционных процессов государств-членов ЕАЭС. Использование домена «.ЕА» поспособствует принятию евразийских ценностей обществом. Регистрировать сайты в этой зоне смогут граждане и организации, находящиеся на территории государств-участников ЕАЭС. Предполагается, что право регистрировать доменные имена более низкого уровня в домене «.ЕА» получат граждане и организации, зарегистрированные на территории государств-участников Евразийского экономического союза.

Список источников

1. Интернет евразийского уровня [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/politics/2014/07/07_a_6101081.shtml?updated. – Дата доступа: 03.03.2019.
2. Калятин, В.О. Доменные имена / В.О. Калятин. – М. : ИНИЦ «Патент», 2006. – 188 с.
3. Калятин, В.О. Право использования произведения : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / С.В. Малахов. – М., 1999. – 188 л.
4. Калятин, В.О. Право в сфере Интернет / В.О. Калятин. – М. : Норма, 2004. – 480 с.
5. Наумов, В.Б. Право и Интернет: Очерки теории и практики / В.Б. Наумов. – М. : Книжный дом «Университет», 2002. – 432 с.
6. Инструкция о порядке регистрации доменных имен в пространстве иерархических имен национального сегмента сети Интернет [Электронный ресурс] : утв. Оперативно-аналитическим центром при Президенте Респ. Беларусь 06.03.2012. : по состоянию на 10 апр. 2016 г. / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019. – Режим доступа: <http://www.pravo.by>. – Дата доступа: 10.04.2019.

This article defines the legal nature of the top-level domain / domain name. «EA». It is proved that the domain / top-level domain name «.EA» is not a subject of civil law, unlike the domain names of the second and subsequent levels, which can be registered in the Eurasian domain zone.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАЩИТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Обозначается проблема правовой охраны литературных произведений, а также его составных частей, в том числе персонажа. Акцентируется внимание на правовой незащищенности внутреннего содержания текста и содержащихся в нем образов. Анализируется сложившаяся правоприменительная практика по охране персонажей. Обозначается важность автороведческой экспертизы как одного из средств повышения эффективности защиты интеллектуальной собственности в части литературных произведений.

Одними из самых сложных объектов интеллектуальной собственности с точки зрения защиты авторских прав являются литературные либо текстовые произведения. Правоприменительная практика в Республике Беларусь, Российской Федерации, странах Западной Европы складывается крайне неоднозначно и даже противоречиво.

В первую очередь проблема правовой защиты указанного рода объектов обусловлена их составной сложностью и возможностью этих составных частей быть самостоятельными объектами интеллектуальной собственности.

Ученый В.Я. Ионас приводил следующую систему элементов, составляющих литературное произведение:

- 1) заглавие;
- 2) материал;
- 3) тема;
- 4) идейное содержание;
- 5) сюжет;
- 6) образная система;
- 7) художественная форма;

8) выразительные средства;

9) объективная форма выражения произведения [1].

Правовед А.П. Сергеев отмечает, что из всего перечня к юридически значимым могут быть отнесены лишь образы и язык произведения. Одновременно с этим он подчеркивает, что при условии придания образам произведения новой внешней формы, они вполне могут быть заимствованы для создания другого независимого произведения [2].

Гражданский юрист Е.А. Останина совершенно справедливо приходит к выводу, что образы произведения традиционно являются условно-охраняемыми, а безусловно охраняемой категорией можно считать только язык произведения, то есть его внешнюю форму [3].

Таким образом, наиболее проблемное правовое поле концентрируется в сфере охраны образов произведения, а именно – их персонажей как самостоятельной части. Само понятие «персонаж» остается спорным, наблюдается проблема наличия различных подходов к его пониманию. Зачастую, персонаж приравнивается только к его оригинальному имени, то есть мы опять видим ситуацию, при которой правовая защита доступна только внешней форме проявления образа [3].

Е.А. Останина подчеркивает, что «в рамках отечественной доктрины, законодательства и судебной практики, нарушением исключительного права на персонаж... считается лишь буквальное копирование» [3].

Коренным образом отличается правоприменительная практика, сложившаяся в странах Европы. Всем известно широко освещаемое в свое время решение голландского суда, запретившего публикацию книги «Таня Гроттер и магический контрабас» на английском языке, как нарушающую авторские права Джоан Роулинг, написавшую серию книг о Гарри Поттере. Несмотря на позицию российского автора о том, что его произведение является намеренной пародией на книги о Гарри Поттере и в произведении отсутствуют прямые заимствования, процесс был проигран ответчиком.

В украинской правоприменительной практике также сложилась аналогичная российской проблема, при которой внешняя форма получает юридическую защиту, а внутренняя остается уязвимой.

Правоведы Т.А. Занина, А.П. Копитько отмечают: «Для того, чтобы требование о возмездном использовании персонажей безосновательно не

ограничивало право на свободу творчества, необходимо установить определенные критерии, при условии соответствия которым не допускается свободное воспроизведение персонажа с коммерческой целью». В перечень таких критериев указанные авторы предлагают включить: оригинальное имя и внешность персонажа, индивидуализирующие черты характера, единство визуального изображения и художественного описания в сознании определенного круга лиц, наличие коммерческого потенциала использования персонажа в результате его популярности среди определенного круга лиц [4].

Говоря о возможностях судебной экспертизы, которые позволят повысить эффективность защиты авторских прав на литературные либо текстовые произведения, нельзя не отметить автороведческую экспертизу.

В ходе ее проведения могут быть решены такие вопросы, как подтверждение или исключение авторства определенного лица, проверка того, что автором всего текста или нескольких текстов был один и тот же человек, и некоторые другие вопросы. Решение таких традиционных для автороведения идентификационных задач позволит разрешить многие спорные моменты об авторстве таких объектов интеллектуальной собственности, как диссертации на соискание различных ученых степеней. О важности проведения автороведческой экспертизы в случае возникновения сомнений в самостоятельном написании диссертации, статей, автореферата соискателем в своих выступлениях неоднократно упоминал Председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь А.Е. Гучок.

В научной литературе часто отмечается важность автороведения при рассмотрении гражданских дел, связанных с защитой авторских и смежных прав [5]. Возвращаясь к проблематике правовой защиты внешней и внутренней формы литературного произведения, авторам статьи представляется актуальным обратиться к традиционным методическим рекомендациям проведения автороведческой экспертизы, существовавшим еще в советские времена. В них указывается, что в процессе осмотра непосредственного объекта исследования эксперт должен получить предварительное представление о смысловой и формально-языковой сторонах документа. При этом доминирующее значение в тексте имеет содержательная сторона текста [6]. На основании этого предлага-

ется признать важность значения внутренней стороны литературного или текстового произведения и расширить границы правовой защиты.

Необходимо отметить, что проведение автороведческих экспертиз планируется начать в Государственном комитете судебных экспертиз Республики Беларусь в 2019-2020 гг. Это не просто факт расширения большого перечня проводимых в нашей стране судебных экспертиз, а новый этап в области возможности защиты интеллектуальной собственности.

В завершении статьи нельзя не затронуть некоторые аспекты подготовки профессиональных кадров – будущих экспертов-автороведов. Пока образовательные стандарты подготовки по данной специальности в ГУО «Институт повышения квалификации и переподготовки кадров Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь» находятся на стадии разработки, можно лишь предположить, что условием прохождения указанной переподготовки станет образовательный ценз в виде наличия высшего филологического образования. Возможно, границы ценза будут расширены и для обладателей нелингвистического профиля. Однако с учетом прогноза на отсутствие высшего юридического образования у слушателей данной специальности предлагается ввести специальный и обязательный к изучению курс по защите интеллектуальной собственности в количестве часов, достаточных для полноценного изучения обозначенных в данной статье проблем и поиска соответствующих решений с точки зрения применения специальных познаний эксперта-автороведа.

Список источников

1. Ионас, В.Я. Критерий творчества в авторском праве и судебной практике / В.Я. Ионас. – М. : Юридическая литература, 1963. – 137 с.
2. Сергеев, А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А.П. Сергеев. – Изд. 2-е. – М. : Гриженко, 2001. – 752 с.
3. Останина, Е.А. К вопросу о защите права на персонаж произведения: сравнительно-правовой аспект / Е.А. Останина // Правопорядок: история, теория, практика. – 2016. – № 1 (8). – С. 32–37.
4. Заніна, Т.А. Судова експертиза у сфері інтелектуальної власності / Т.А. Заніна, А.П. Копитько // Ароцкерівські читання : зб. матеріалів міжнар. наук.-практ. конф., присвяч. 90-річчю від дня народж. видат. вченого-

- криміналіста, д-ра юрид. наук, проф. Л. Ю. Ароцкера, Полтава, 25 трав. 2017 р. / МЮУ, ХНДІСЕ ; ред.: О.М. Ключев [и др.]. – Харків, 2017. – С. 150–151.
5. Касенбаева, М.М. Современное состояние и возможности судебно-автороведческой экспертизы / М.М. Касенбаева // Перспективы партнерства государств-членов шанхайской организации сотрудничества в сфере судебной экспертизы : материалы науч.-практ. конф., Алматы, 20 июня 2018 г. / Центр суд. эксп. М-ва юст. Респ. Казахстан ; ред.: Н.Г. Итемгенов [и др.]. – Астана, 2018. – С. 58–60.
 6. Вопросы судебно-автороведческой диагностической экспертизы / С.М. Вул [и др.]. – Киев : РИО МВД УССР, 1984. – 132 с.

The article focuses on the legal protection of literary works, as well as its components, including the character. The insecurity of the internal content of the text is denoted. The existing law practice for the protection of characters is analyzed. The importance of authorship expertise as one of the means of increasing the effectiveness of intellectual property protection in literary works is indicated.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АВТОРСКОГО ПРАВА В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ

В статье рассматриваются наиболее важные проблемные аспекты авторского права в цифровую эпоху. Условно существующие проблемы можно разделить на следующие виды: образовательные, правовые и технологические. Особое внимание уделяется регламентации авторского права в национальном законодательстве и на международном уровне, выделяются некоторые существенные пробелы. На основе изученного материала делается вывод о необходимости совершенствования, изменения национального законодательства с учетом опыта зарубежных стран, в частности Соединенных Штатов Америки.

В XXI веке использование объектов авторских и смежных с ними прав посредством сети Интернет становится особенно актуальным. Вспомним Интернет на первоначальных стадиях его зарождения и заметим весь проделанный им путь до мощнейшего титана, достигающего буквально до любого конца света. Именно Интернет является одним из основных элементов системы распространения информации и обеспечивает доступ в любую точку мира за несколько секунд.

Такое глобальное развитие Сети позволяет сосредоточиваться в Интернете колоссальному объему различной информации. Данные объекты используются повсеместно как для ознакомления, так и для распространения не только на локальном, но и на международном уровне. Соответственно возникает проблема: любую информацию можно скопировать на жесткий диск и проследить ее дальнейшее использование бывает практически невозможным.

Невзирая на это при анализе законодательства нашей страны, какой-либо другой страны, заметим, что в правовом регулировании данной области общественных отношений не существует специального законодательства. Большое пространство Интернета остается без законодательного регулирования и охраны. При этом Интернет – это своеобразное неосязаемое

(нематериальное) пространство, где сам механизм и способы защиты, регулирования авторских и смежных с ними прав в разных странах не нашел единого подхода. Нам представляется, что деятельность по созданию интеллектуальных объектов должна регулироваться как на уровне национального законодательства, так и на международном, так как в сети не существует территориальных рамок государства, что делает урегулирование споров, вытекающих из сети Интернет, затруднительным. Нельзя не подчеркнуть стремительное развитие виртуального пространства, в связи с чем национальное законодательство «не успевает» двигаться.

На международном уровне же практически вовсе отсутствует регулирование отношений в сети Интернет, имеются лишь ряд правовых документов, которые укрепляют защиту авторских прав в целом [6, с. 54].

Проблемы в сфере закрепления основных прав и обязанностей пользователей компьютерным пространством, установления ответственности за их нарушение связаны с целым рядом причин. Их можно условно разделить на следующие виды: образовательные, правовые и технологические [4, с. 55].

Образовательная проблема заключается в том, что пользователь глобальной сети не обладает достаточным уровнем правовой культуры, то есть у него отсутствуют специальные знания в области авторского права. Если говорить простым языком, то большинство населения считает, что информация, находящаяся в просторах Интернета, в любом ее проявлении не защищается и находится во всеобщем доступе. Нередко встречается мнение, что данное регулирование является в целом нецелесообразным. Однако нарушение данного права является серьезным нарушением правовых норм [3, с. 155].

Правовая проблема заключается в том, что в Республике Беларусь законодательство по защите авторского права в сети Интернет находится в стадии формирования. А практика рассмотрения данных споров очень скудная и ограничивается единичными делами. Тем не менее вопросы возникают, а законодатель не дает на них ответы, что ограничивает возможность принятия решения судами [8, с. 80-81].

Значительным пробелом, как в национальном законодательстве, так и в международных актах, является недостаточно полно разработанный понятийный аппарат. Так, например, большинство дел, связанных с нарушением авторского права посредством размещения произведений

на сайтах в сети Интернет, преимущественно иски к владельцам сайтов. При этом в законодательстве отсутствует определения терминов «владелец сайта», «собственник сайта» и «администратор сайта». На уровне обывателя данный термин является понятным, однако этого недостаточно. В статье 4 Закона «Об авторском праве и смежных правах» содержится далеко не все те термины, которые требуют разъяснения для правильного применения норм законодательства [10].

Если рассматривать в целом объекты авторского права, то заметим, что речь идет преимущественно о вещах, имеющих физическое воплощение (произведения архитектуры, географические и другие карты и т.д.) или не имеющих физическое тело, но находящихся в определенной форме (хореографические произведения, музыкальные произведения с текстом или без текста, аудиовизуальные произведения и т.д.). Объекты авторских прав в Интернете не всегда имеют четкое выражение в определенной форме. Поэтому очень важным является также вопрос о возможности применения норм права интеллектуальной собственности для регулирования отношений в сети Интернет для обеспечения прав и законных интересов правообладателей. При использовании объектов интеллектуальных прав посредством сети Интернет возникают следующие общие проблемы: проблема объекта авторского права в сети Интернет, проблема содержания правомочий, входящих в состав исключительного права, проблема ответственности, проблема контроля со стороны государственных органов.

С правовой точки зрения существует проблема относительно проверки самих объектов авторских прав. Не всегда правообладатель создает качественный, прошедший проверку на уникальность, законность и безопасность контент. Многие же современные страны создали жесткие системы блокировки нелегального контента. Однако при более углубленном изучении данных систем обнаруживается неопределенная ситуация, заключающаяся в том, что с одной стороны, она (система) не обеспечивает баланса прав потребителей и правообладателей, а с другой стороны, оказывается неэффективным, поскольку не устраняет источник проблемы. Необходимо установить такую благоприятную правовую основу, которая защищает интересы автора, а также удовлетворяет информационные потребности общества [5, с. 300–302].

Часто в практике при защите авторских прав встает вопрос: насколько правомерной является данная защита. Данный вопрос имеет

двойственную природу: с одной стороны, зависит от правового закрепления права автора на создание того или иного рода контента, а с другой – имеет технический характер. В просторах Глобальной сети Интернет все сайты делятся на два вида: платные и бесплатные. О первом виде идет речь, когда правообладатель предоставляет созданную им информацию на возмездной основе. Второй же вид сайтов предоставляет информацию безвозмездно [11, с. 55–57].

Правообладатели первой категории сайтов имеют право подать иск на конкретного субъекта в соответствующие органы, так как осуществляемая автором деятельность является коммерческой и подлежит регистрации в соответствующих органах власти. Существование четко определенного юридического лица, его адреса, банковского счета, организационных структур и системы руководства создают своего рода гарантию правообладателя на защиту своих прав [4, с. 57].

Попытки же защиты обладателей бесплатных сайтов могут оказаться тщетными, так как при создании очередной такой единицы требуется ввод минимальных сведений, некоторые из которых даже не являются обязательными и при регистрации не проверяются. Условно говоря, создавая такие сайты, автор ставит себя автоматически под угрозу нарушения своего авторского права. Правообладатель в данной ситуации при обращении в суд с иском не будет знать имени, фамилии и других данных ответчика, кроме того предполагаемый нарушитель сможет не получить иск из-за отсутствия точного адреса. Возникает сложность в доказывании, что именно ответчик использовал данные на сайте правообладателя недолжным образом. В данном случае очень остро встает вопрос о возможности применения вообще каких-либо санкций, так как в рамках бесплатных сайтов не осуществляется предпринимательская деятельность [8, с. 80–81].

Существует также различие между способами использования авторских произведений, сущность которого заключается в материальной стороне использования данных объектов. Под коммерческим использованием понимается потребление авторских произведений таким способом, который связан с извлечением финансовой выгоды. Поэтому для того, чтобы со стороны правообладателя не возникло претензий, такие пользователи должны соответствующим образом вознаграждать правообладателей при использовании соответствующих объектов. В это время пользователи, не извлекающие прибыли, являются свободными в использовании защищен-

ных авторским правом объектов при обязательном условии – последние делают ссылки на автора. Нарушение вышеназванного условия является пиратством, плагиатом, то есть прямым нарушением авторского права, за что предусмотрены соответствующие санкции [1, с. 329].

Зарубежные страны (особенно США) показывают прогрессивные результаты развития в области защиты и регламентации авторского права в сети Интернет. Доказательством этого является принятие следующих актов: «Акт о защите свободы Интернета», согласно которому Министерство торговли и Национальная администрация информации и связи (NTIA) несет ответственность за поддержание непрерывности и устойчивости служб, связанных с обеспечением технического поддержания Интернета; «О защите авторских прав в цифровую эпоху», направленный на упорядочение регламентации оборота и охраны объектов авторских прав в информационных сетях; Digital Millennium Copyright Act, устанавливающий защиту всех объектов авторского права в информационном пространстве и многие другие [2, с. 140].

В результате проведенного анализа обнаруживаем следующие проблемы: отсутствие эффективного правового регулирования, действенного механизма контроля за использованием объектов авторского права в сети Интернет, неразвитая судебная практика, вопросы несоответствия тех или иных норм права при применении санкций, выявление конкретных лиц, нарушивших права авторов. Отсутствие целенаправленного правового механизма как на международном, так и на внутригосударственном уровне замедляет развитие сегмента сети Интернет в области защиты авторских прав. Полагаем, что данная сфера правоотношений остро нуждается в совершенствовании правового регулирования, возможно с учетом опыта зарубежных стран, в частности Соединенных Штатов Америки.

Список источников

1. Абрамова, О.М. Правовые аспекты охраны исключительных прав автора в сети Интернет / О.М. Абрамова // Молодой ученый. – 2015. – № 5. – С. 329–333.
2. Савина, В.С. Авторское право в информационном обществе: перспективы развития / В.С. Савина // Ленинградский юридический журнал. – 2013. – № 2. – С. 138–142.
3. Горина, Н.В. Актуальные проблемы гражданско-правовой защиты интеллектуальной собственности в Сети Интернет / Н.В. Горина // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2017. – № 5. – С. 154–159.

4. Алисова, Е.В. Актуальные проблемы защиты авторского права в Сети Internet / Е.В. Алисова // Наука, образование и культура. – 2016. – № 7. – С. 55–62.
5. Блинец, И.А. Авторское право и смежные права : учебник / И.А. Блинец, К.Б. Леонтьев ; под ред. И.А. Блинеца. – М. : Проспект, 2011. – 416 с.
6. Горина, Н.В. Актуальные проблемы заимствования научных произведений, размещенных в сети Интернет / Н.В. Горина // Актуальные вопросы развития науки в мире : сб. науч. тр. Евразийского научного объединения ; под ред. М.Ю. Орлова. – 2016. – Вып. № 4 (16). – С. 53–58.
7. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 01.11.2018 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
8. Ложко, У.Ю. Правовые проблемы в сети Интернет. Защита авторских прав / У.Ю. Ложко // Сб. науч. ст. студентов, магистрантов, аспирантов / под общ. ред. В.Г. Шадурского. – Минск, 2014. – С. 79–81.
9. Международно-правовая защита авторских прав в Сети Интернет / Е.Г. Петренко, О.В. Новикова // Ленинградский юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 108–116.
10. Об авторском и смежных правах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 17 мая 2011 г., № 262-3 : в ред. Закона от 17 мая 2011 г. № 262-3. // Эталон-Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2019.
11. Хатаева, М.А. Правовое обеспечение охраны интеллектуальных прав в информационно-коммуникационных сетях на примере Интернета : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / М.А. Хатаева ; Современная гуманитарная академия. – М., 2009. – 189 л.

In the article the most important problematic aspects of copyright in the digital age are examined. Conditionally existing problems can be divided into the following types: educational, legal and technological. Particular attention is paid to the regulation of copyright in national legislation and at the international level, some significant gaps are highlighted. On the basis of the examination of the materials it is concluded that it is necessary to improve and change the national legislation taking into account the experience of foreign countries, in particular the United States of America.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ЭЛЕКТРОННОЙ КОММЕРЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН**

В настоящей статье отражены ключевые сдерживающие факторы, препятствующие развитию электронной коммерции в Республике Узбекистан, а также предложены отдельные решения по их устранению. Отражены перспективные к внедрению направления и институты электронной коммерции и регулирования системы защиты прав ее участников.

Необходимость установления правового регулирования общественных отношений, формирующихся в процессе использования информационной среды глобальных компьютерных сетей, обусловлена многими факторами: глобализацией информационно-коммуникационных технологий, значительными социально-экономическими изменениями в обществе, информатизацией управленческой деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, обострением международной налогово-бюджетной конкуренции в сфере налогообложения результатов электронной экономической деятельности, бурным развитием международных экономических отношений, осуществляемых с использованием глобальных компьютерных сетей.

Проблемы выбора эффективного механизма правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе осуществления информационной деятельности с использованием глобальных компьютерных сетей, становятся все более актуальными как для большинства индустриально развитых государств, в том числе в лице их контрольно-надзорных органов и международных организаций, так и для потребителей различных товаров, работ и услуг, распределяемых (осуществляемых и оказываемых) с использованием сети Интернет, а также физических и юридических лиц, осуществляющих хозяйственную деятельность с использованием сети Интернет.

Важно понимать, что особенности применения права для регулирования отношений, возникающих или осуществляемых с использованием Интернета определяются особенностями самого Интернета прежде всего как:

- высокотехнологичной среды массовой коммуникации;
- трансграничной среды, не имеющей государственных границ;
- либеральной среды, сформированной в условиях саморегулирования [1].

Поэтому здесь роль эффективной государственной политики, направленной на создание благоприятных условий для развития Интернета и защиты прав и свобод различных субъектов в рамках отношений, осуществляемых с использованием Интернета, особо велика.

Специфика применения правовых механизмов для регулирования деятельности с использованием Интернета, на наш взгляд, в основном сводится к таким аспектам, как стандарты взаимодействия, защита интересов участников отношений, которая может осуществляться не только правовыми, но и технологическими средствами, что также снижает роль самого права. Кроме того, необходимо помнить, что в условиях трансграничной среды возможности регулирования национальным законодательством ограничены и малоэффективны.

Таким образом, по нашему мнению, возникает сложная ситуация, когда, с одной стороны, традиционные отношения в новой технологической среде базируются на сложившемся праве, с другой стороны, попытки адаптировать традиционное право к отношениям, осуществляемым с использованием Интернета, особенно в виде глобального «Закона об Интернете», оказываются малоэффективными.

Поэтому, исходя из имеющейся нормативно правовой базы, необходимо, по нашему мнению, сконцентрировать законодательную политику в области сети Интернет и информационного общества по следующим направлениям:

- определение государственной политики Республики Узбекистан в отношении развития отечественного сегмента сети Интернет, а также разрешение вопросов юрисдикции. Расширение международного сотрудничества в данной сфере;

- обеспечение правовыми гарантиями свободного доступа пользователей к сетевым информационным ресурсам, а также осуществление беспрепятственного информационного обмена, в том числе международного;

- создание действенной охраны авторских и иных исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности, размещаемые в сети Интернет [2];

- определение правового статуса информации, размещенной в Интернете, а также обеспечение правовых мер защиты персональных данных в сети;

- дальнейшее совершенствование нормативной базы по электронной коммерции, в частности таких ее институтов, как проведение различных видов электронных платежей, развитие фондового рынка и защита прав потребителей в Сети [3, с. 2780].

Осуществление указанных аспектов формирования отечественной нормативно-правовой базы позволит сформировать комплексный правовой базис информационного общества в Узбекистане, а также осуществления его интеграции в мировое сообщество, посредством осуществления широкого культурного, социального и торгового информационного обмена на международном уровне.

В целях установления механизма регулирования общественных отношений, формирующихся в процессе использования глобальных компьютерных сетей, необходимо формирование системы мер государственного воздействия, направленных на:

- все как существующие на сегодняшний момент, так и прогнозируемые виды электронной экономической деятельности;

- все сферы гуманитарных общественных отношений, формирующихся в информационной среде.

Основным отличием гуманитарных и экономических отношений, формирующихся в процессе использования глобальной компьютерной сети Интернет, выступает их разная природа и цели. Информационные гуманитарные отношения формируются в процессе использования сети для целей открытого, безвозмездного (основанного на принципах свободного доступа) создания, сбора, обработки и распространения информации, а также получения доступа к поиску открыто, безвозмездно (на принци-

РiotsksD

пах свободного доступа) распространяемой информации. Информационные экономические отношения формируются в процессе использования глобальной компьютерной сети Интернет в качестве электронного инструмента ведения электронной экономической деятельности (предпринимательской деятельности в информационной среде глобальной компьютерной сети Интернет и иной не запрещенной законом электронной экономической деятельности).

В сфере электронной экономической деятельности основными задачами совершенствования общепромышленного законодательства, по нашему мнению, являются:

- создание правовой базы для решения проблем, связанных с организацией электронного документооборота;
- снижение административных барьеров и ограничений, препятствующих выходу организаций на рынки информационных технологий;
- обеспечение равных прав на получение информации из всех общедоступных информационных систем;
- развитие правовой базы для применения средств криптографии в сфере гражданско-правовых отношений [4, с. 45].

Если непосредственно рассматривать проблемы гражданско-правового регулирования электронной коммерции в нашей стране, то необходимо отметить следующие аспекты в этой области.

Заключение сделок с использованием электронных средств и аналогов собственноручной подписи в настоящий момент осуществляется в малых объемах, так как законодательство содержит отсылочные нормы, которые должны быть восполнены отдельными законами или иными правовыми актами.

Серьезным препятствием для развития электронной коммерции является чрезвычайная сложность законного осуществления сделок с контрагентами, находящимися на территории другого государства, в том числе принудительного осуществления вытекающих из них прав и обязанностей. Законодательство о внешней торговле товарами, экспортном и валютном контроле не приспособлено в полной мере к нуждам и возможностям электронной коммерции.

Отсутствие механизмов заключения договоров и осуществления платежей посредством электронных средств, жесткость нормативного ре-

гулирования международного торгового оборота привели к возникновению критической ситуации с защитой прав пользователей. Не создано эффективных механизмов принудительного осуществления сделок, заключенных с иностранными контрагентами.

При этом политика государственных органов, законотворческая работа направлены преимущественно на "урегулирование" электронной коммерции путем принятия актов, закрепляющих основные понятия, цели, направления деятельности государственных органов и иные сходные вопросы. В то же время вопросы защиты прав пользователей остаются без внимания, как и иные вопросы, связанные с гарантиями прав участников деятельности в области электронной коммерции и обеспечением стабильности оборота.

В действующей нормативной базе не создано механизма, обеспечивающего реальную защиту прав и законных интересов участников оборота при помощи механизмов саморегулирования. В то же время существующая система судебных и иных правоохранительных органов слабо приспособлена к условиям отношений в области электронной коммерции.

Что касается государственного контроля за деятельностью в области электронной коммерции, то он, по нашему мнению, должен соответствовать следующим принципам:

– принцип приоритета саморегулирования над прямым государственным регулированием. Государственная политика в области электронной коммерции должна быть направлена на создание эффективных механизмов саморегулирования участников деятельности в области электронной коммерции. Вмешательство государства должно осуществляться только в случаях, когда в результате сбоев или неразвитости механизмов саморегулирования создается угроза нарушения прав участников деятельности в области электронной коммерции. При создании саморегулируемых организаций участников данного рынка им могут передаваться отдельные государственные полномочия по регулированию;

– принцип ограниченности вмешательства государства в деятельность участников электронной коммерции. Вмешательство государства должно обеспечивать защиту прав и законных интересов участников деятельности в области электронной коммерции. Указанная цель должна яв-

ляться единственной целью государственного вмешательства. Ограничение автономных действий участников в иных целях не должно допускаться;

– принцип интернационализации правового регулирования электронной коммерции. Национальные правила и нормы, регулирующие деятельность в области электронной коммерции, должны соответствовать основным подходам, выработанным в международной практике, и обеспечивать возможность свободного совершения коммерческих операций вне зависимости от местонахождения участников (на территории Узбекистана или за границей) [5, с. 70].

Помимо этого, важно разработать и принять ряд законов, которые бы урегулировали деятельность в сфере предоставления электронных финансовых услуг, определили бы порядок заключения электронных сделок, определили бы основные направления государственной политики в области развития и использования сети Интернет. В частности, особо актуально принятие Законов «Об электронных финансовых услугах», Закон «Об электронных сделках».

Кроме того, прослеживается недостаточная развитость некоммерческих и неправительственных структур в сфере ИКТ.

Как известно, правоотношения в сети Интернет имеют множество тонких специфических технических аспектов, что осложняет их понимание. Они развиваются настолько стремительно, что за всеми изменениями можно оперативно отслеживать только тем лицам, которые ведут свою постоянную деятельность в Сети. Поэтому правовую базу, необходимо строить в первую очередь исходя из потребностей нового информационного сообщества, а не интересов государства. Внедрение в рамках действующего законодательства механизмов саморегулирования является приоритетным, поскольку таковые отвечают интересам субъектов соответствующих отношений, ликвидируют часть существующих пробелов в сфере регулирования использования сети Интернет и способствуют оперативному разрешению конфликтов между организациями, гражданами и государственными органами в связи с использованием ИКТ [2].

Деятельность, направленная на внедрение принципов саморегулирования, должна базироваться на следующих принципах.

1. Принцип законности. Этот принцип обязывает осуществлять соответствующие саморегулирующие инициативы только в случаях, когда

они не противоречат действующему законодательству [2]. Действующие нормативные акты являются рамками, определяющими пространство и пределы саморегулирования, которые служат их содержанием.

2. Принцип равенства всех участников правоотношений в сети Интернет. Недопустима какая-либо дискриминация в отношении доступа к информации.

3. Принцип соблюдения интересов субъектов ИКТ. Данный принцип определяет необходимость саморегулирования только в тех случаях, когда в этом существует потребность у лиц, развивающих и использующих ИКТ [2].

4. Принцип диспозитивности. Электронные правоотношения зачастую носят гражданско-правовой характер, в связи с этим данный принцип проявляется в свободе определения субъектами отношений, складывающихся в сфере сети Интернет и ИКТ, содержания и характера саморегулирования таковых, а также способов и средств защиты прав и интересов участников соответствующих отношений [2].

Для развития процессов саморегулирования сети Интернет необходимо учитывать зарубежный опыт. Наиболее активно в иностранных сегментах сети Интернет развиваются процессы саморегуляции, координируемые общественными организациями, специализирующимися на защите прав граждан и потребителей в сети Интернет и создании условий для добросовестного ведения электронной коммерции.

Таким образом, следует признать, что в отечественном законодательстве существует законодательный базис по частичному регулированию электронной коммерции. В правоприменительной практике создаются произвольные договорные конструкции, которые основываются на традиционных нормах гражданского законодательства.

Несомненно, кратчайший путь правового регулирования общественных отношений в сфере электронной торговли является внесение соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство. Именно по этому пути идет нормотворчество в Узбекистане. Но это, к сожалению, не решит ряд правовых проблем, присущих регулированию отношений в сфере электронной коммерции. Несмотря на наличие определенной последовательности законодателя по регулированию отдельных аспектов в сфере электронной коммерции, следует признать, что законо-

дательство не в полной мере успевает за развитием экономических отношений и складывающихся деловых отношений.

В процессе изучения правовых проблем среди правовых препятствий развития электронной коммерции в Узбекистане в первую очередь можно назвать общую неразвитость, фрагментарность и противоречивость отечественного законодательства, регулирующего электронную торговлю.

На основе этого можно сделать вывод, что для устранения юридических препятствий развитию электронной торговли следует выработать законодательную стратегию, которая способствовала бы интеграции Узбекистана в глобальный и открытый рынок и восприятию характерных для такого рынка универсальных, или единообразных, правил электронной торговли.

В целом данная стратегия может быть сведена к решению следующих задач.

Повышение уровня правовой определенности электронной торговли посредством разработки соответствующих правовых институтов и процедур, а также унификации и упрощения норм и правил, регламентирующих электронную торговлю. Сосредоточению регулирования электронной торговли и электронных подписей преимущественно в рамках законов; минимизации применения к данным отношениям подзаконных нормативных правовых актов. Интеграции отечественной системы правового регулирования электронной торговли и электронной подписи в глобальную правовую инфраструктуру электронной коммерции посредством гармонизации отечественного и иностранного законодательства, выработки единой методологии. Обеспечение применения оптимальных юридических критериев, предъявляемых к электронному обмену данными, исключение возможности установления подзаконными актами для участников электронной торговли более жестких стандартов надежности (и связанных с ними расходов), чем те, которые действуют в сфере обращения бумажных документов.

Предоставление законодательных возможностей для применения различных технологий в электронной коммерции путем закрепления принципа технологической нейтральности законодательства.

Обеспечение законодательных гарантий защиты частной жизни при

осуществлении электронной коммерции (невмешательство в частную жизнь, нераспространение информации персонального характера, полученной в результате электронной торговли). Обеспечение защиты прав и интересов потребителей в электронной коммерции посредством установленных в законе требований к публичному раскрытию специальной информации, которые являются обязанностью профессиональных участников электронной торговли (требования к способу предоставления договорных условий — четкость, недвусмысленность, прозрачность, форма, позволяющая клиенту хранить и воспроизводить договор), к обязательной предварительной информации (технология (процедура) заключения договора, технология отзыва или исправления ошибочного заказа). Обеспечения баланса интересов потребителя и бизнеса. При установлении требований о защите потребителей необходимо соблюдать баланс между защитой прав потребителей и интересами потребителей как лиц, использующих электронные средства связи.

Правовое урегулирование обозначенных вопросов будет способствовать скорейшему развитию электронной коммерции в Республике Узбекистан.

Список источников

1. Волчинская, Е.К. Проблемы правового регулирования и Интернет / Е.К. Волчинская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rocit.ru/index.php3-path=volchinskaya.htm>. – Дата доступа: 03.03.2019.
2. Наумов, В. Организационно-правовые аспекты саморегулирования в российском сегменте сети Интернет [Электронный ресурс] / В. Наумов. – Режим доступа: <http://www.russianlaw.net/law/doc/a28.htm>. – Дата доступа: 03.03.2019.
3. Рассолов, И.В. Актуальные проблемы организации и управления электронной торговлей и электронными платежами в свете нового российского законодательства / И.В. Рассолов // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 12. – С. 2776 – 2781.
4. Савельев, А.И. Электронная коммерция в России без ЭЦП: иллюзия или реальность? / А.И. Савельев // Вестник гражданского права. – 2013. – № 3. – С. 43–88.
5. Жужома, Ю.Н. Анализ правоприменительной практики электронной коммер-

- ции и проблемы продажи программного обеспечения / Ю.Н. Жужома, А.В. Козин // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия Экономика и экологический менеджмент. – 2017. – № 1. – С. 70–77.
6. Облачинский, И. Электронная коммерция / И. Облачинский // ЭЖ-Юрист. – 2014. – № 19. – С. 5.
 7. Рассолов, И.М. Правовые проблемы электронной торговли: цивилистическое исследование / И.М. Рассолов. – М. : ЮНИТИДАНА, 2010. – 157 с.
 8. Савельев, А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование / А.И. Савельев. – М. : Статут, 2016.
 9. Фролова, Н.К. Правовое регулирование оптовой торговли : автореф. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Н.К. Фролова ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2011. – 48 с.

The article reflects key constraints that impede the development of e-commerce in the Republic of Uzbekistan, and also proposes some solutions to eliminate them. Reflected promising to the introduction of areas and institutions of electronic commerce and regulation of the system of protection of the rights of its participants.

НАСТОЯЩИЕ И БУДУЩИЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РОБОТОТЕХНИКИ И ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В работе проводится классификация проблем правового характера, связанных с созданием и использованием роботов и искусственного интеллекта, которые находятся в процессе решения в настоящее время, а также возможно будут решаться в будущем.

В наш век цифровых технологий к роботам и искусственному интеллекту относятся как к чему-то само собой разумеющемуся. Дети собирают и программируют роботов, устраивают бои с ними, взрослые придумывают все новых и новых роботов в различных сферах жизни: услуг (роботы-пылесосы, роботы-такси, роботы-курьеры), здравоохранения (роботы-хирурги, проводящие высокоточные операции), промышленности (роботы, ведущие горнодобывающие работы, прокладывающие кабели по дну океана, осуществляющие сложные строительные работы), военной, авиационной и космической (роботы-шпионы, роботы-спутники). Роботы – наше настоящее, которое требует правового регулирования.

Роботы завораживали человека с того времени, как их придумали писатели-фантасты. Впервые в 1920 году машину, очень похожую на человека, так назвал драматург Карел Чапек в своей пьесе «R.U.R». Понятия «робототехника», «робопсихолог», «робобиология», равно как и саму тему роботов в своих произведениях придумал и раскрыл автор научной фантастики Айзек Азимов. Он же сформулировал первые три закона робототехники, которые закладывают принцип ненанесения роботами вреда человеку, равно как и главный человеческий страх проиграть в конкуренции с роботами [1]. Многие его предсказания сбылись, и кто знает, сколько еще сбудется.

Проникшись темой роботов, Азимов фактически предсказал большинство вопросов, которые уже возникли или могут возникнуть в буду-

щем при регулировании отношений между людьми и роботами. В своем произведении «Двухсотлетний человек» 1976 года писатель фактически определил те признаки, которые могут отличать робота с искусственным интеллектом от человека: способность творить, наличие органического тела, наличие мозга, как эволюционирующего органа и носителя личности, а также смертность человека. Робот, который хотел стать человеком в рассказе фантаста, приобрел все качества человека и добился признания себя человеком ценой собственной смерти [2, с. 226]. При этом робот в рассказе признается человеком юридически, пройдя следующие этапы:

1) *установление юридической опеки владельца робота над его финансовыми делами* (для сбережения доходов на его банковском счете от созданных им художественных работ по дереву);

2) *признание судом отдельного робота свободным* как лица, «обладающего сознанием, развитым в степени, достаточном, чтобы воспринимать понятие свободы и желать ее» [2, с. 231];

3) *принятие закона о правах роботов* с перечислением условий, при которых запрещается отдавать приказы во вред роботам;

4) *расширение понятия человечности*, когда человеком со всеми его конституционными правами и обязанностями будет признаваться и то лицо, чье тело содержит искусственные органы, независимо от их количества.

Придуманные писателем возможные варианты развития общественных отношений в отношении роботов с искусственным интеллектом можно разделить на те, которые относятся к настоящему (первые два) и будущему.

Вопрос авторских прав на работы, генерируемые роботами, имеет в настоящее время в законодательствах разных стран два пути решения. Права признаются за автором или иным правообладателем компьютерной программы, с помощью которой робот «пишет музыку, стихи, картины, новости», «редактирует фотографии» (Великобритания), либо такой объект не подлежит охране вообще, потому что не создан человеком (Испания, Германия). Вместе с тем с развитием технологий компьютерную программу уже нельзя рассматривать только как инструмент, вроде ручки и бумаги, с помощью которых писатель пишет книгу [3]. Для признания объекта произведением обязателен признак творческого характера деятельности. В доктрине творческая деятельность характеризуется двумя

признаками: новизной и оригинальностью, которая означает уникальность и неповторимость с невозможностью независимого повторения [4, с. 41–44]. Работы, генерируемые роботами, все больше претендуют на оригинальность. Признание их разновидностью искусства, с учетом уже имеющихся прецедентов, приведет к решению вопроса о субъекте авторского права на такие объекты: владельца робота или самого робота. Таким образом, вопрос о расширении субъектного состава авторского права с включением в него роботов может быть поставлен уже довольно скоро. Вслед за ним может быть поставлен и вопрос об опеке над роботом его владельцем в отношении использования работ, сгенерированных роботом.

Появление новых и динамично развивающихся общественных отношений по развитию робототехники требует от законодателей быстрого реагирования. Необходимость определения государственной политики и законодательного регулирования реализована или находится в процессе реализации в ведущих странах мира: Европе, Японии, Китае, России, США. Этими странами приняты нормативные документы, направленные на динамическое развитие сферы производства роботов и определяющие цели такого решения. Для разных стран они разные. Европа рассчитывает вернуть на свою территорию производство товаров, Китай планирует стать лидером на рынке искусственного интеллекта, США за счет развития робототехники ожидает увеличения рабочих мест [6].

В 2017 году в России принят проект Модельной конвенции о робототехнике и искусственном интеллекте [5]. Он призван стать отправной точкой для права России, и вероятно права Беларуси в определении понятийного аппарата в сфере робототехники, решении вопросов ответственности за вред, причиненный роботами (как другая сторона вопроса о правосубъектности в области робототехники); информационной безопасности при использовании больших объемов персональных данных киберфизическими системами; признания умных роботов электронными личностями и других [6].

В Республике Беларусь пока так же, как и в России нет специального документа, определяющего государственную политику в отношении развития робототехники и искусственного интеллекта, но в некоторых государственных программах, в том числе социально-экономического развития и инновационного развития республики до 2020 года, упомина-

ются указанные термины, а значит определено направление пути в сторону развития робототехники и искусственного интеллекта.

Таким образом, вопросы создания и использования роботов и искусственного интеллекта – это то, что законодателям предстоит решать сегодня и сейчас. Вопросы же расширения понятия человечности, уравнения в правах человека и робота, а также возможное признание робота свободным пока лежат в плоскости будущего.

Список источников

1. Три закона робототехники [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Три_закона_робототехники. – Дата доступа: 29.03.2019.
2. Азимов, А. Мечты роботов. Серия Шедевры фантастики. – М. : Эксмо, 2006. – 848 с.
3. Гуадамус, А. Искусственный интеллект и авторское право [Электронный ресурс] // Журнал ВОИС 5/2017. – Режим доступа: https://www.wipo.int/wipo_magazine/en/2017/05/article_0003.html. – Дата доступа: 29.03.2019.
4. Рахматулина, Р. Актуальные проблемы права интеллектуальной собственности: учебное пособие // Р. Рахматулина, Е. Свиридова / Прометей. – 2018. – 194 с.
5. Модельная конвенция о робототехнике и искусственном интеллекте [Электронный ресурс] / Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта // Режим доступа: http://robopravo.ru/modielnaia_konvientsiia. – Дата доступа: 29.03.2019.
6. Незнамов, А.В. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем [Электронный ресурс] / А.В. Незнамов, В.Б. Наумов. – Режим доступа: <https://urfac.ru/?p=63>. – Дата доступа: 29.03.2019.

The paper deals with the issue of copyright protection of works generated by robots, as well as the need for the adoption of a special regulatory legal act in the Republic of Belarus, which determines the state strategy for the development of robotics and artificial intelligence.

Сведения об авторах

- Ананьев С.С. Студент Витебского государственного университета имени П.М. Машерова
- Богоненко В.А. Заведующий кафедрой гражданского права Полоцкого государственного университета, кандидат юридических наук, доцент
- Бобкова Д.А. Студентка Полоцкого государственного университета
- Бровкин П.Н. Магистр управления и права, аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности, Москва
- Булат Н.Н. Аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Одесского национального университета имени И.И. Мечникова
- Бурак Е.А. Ассистент патентного поверенного группы патентных поверенных ПАГ, Минск
- Бурханова Л.М. Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Ташкентского государственного юридического университета
- Гончарова Т.В. Начальник отдела сопровождения научных исследований Полоцкого государственного университета
- Жолудева Д.В. Научный сотрудник лаборатории криминалистических исследований Научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, магистр юридических наук
- Затирахин В.Д. Ведущий инженер ОАО «Полоцк-Стекловолокно»
- Имомов Н.Ф. Заведующий кафедрой гражданского права Ташкентского государственного юридического университета, доктор юридических наук, профессор
- Кунтий А.И. Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики факультета №1 ИПФПНП Львовского государственного университета внутренних дел
- Калинин А.Ю. Инженер по патентной и изобретательской работе Республиканского инновационного унитарного предприятия «Научно-технологический парк БНТУ "Политехник"», Минск

- Климов Е.А. Студент Витебского государственного университета имени П.М. Машерова
- Козловская В.В. Старший преподаватель кафедры уголовного права и уголовного процесса юридического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова, магистр юридических наук
- Кузьменкова М.В. Студентка Гродненского государственного университета имени Янки Купалы
- Лосев С.С. Ведущий научный сотрудник Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент
- Максуров А. А. Кандидат юридических наук, преподаватель, Сорбонна (Школа права), Париж
- Мехмонов К.М. Кандидат наук (PhD), кафедра Гражданского права Ташкентского государственного юридического университета
- Мороз Н.В. Старший преподаватель кафедры гражданского права и гражданского процесса юридического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова
- Нечепуренко Ю.В. Начальник научно-инновационного отдела Белорусского государственного университета "Научно-исследовательский институт физико-химических проблем", кандидат химических наук
- Окюлов О. Доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права Ташкентского государственного юридического университета
- Прудникова Т.А. Старший преподаватель кафедры юридических дисциплин Могилевского филиала "БИП - Институт правоведения"
- Пряхин Е.В. Кандидат юридических наук, доцент, кафедры криминалистики, судебной медицины и психиатрии факультета №1 ИПФПП Львовского государственного университета внутренних дел

- Савицкая К.Д. Старший преподаватель кафедры гражданского права Полоцкого государственного университета, магистр юридических наук
- Святошнюк А.Л. Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин экономико-правового факультета Одесского национального университета имени И.И. Мечникова
- Семёнова Т.В. Старший преподаватель кафедры гражданского права Полоцкого государственного университета, магистр юридических наук
- Цыркун О.Г. Студентка юридического факультета Белорусского государственного университета
- Яковенко А.А. Соискатель кафедры «Бизнес право» Ташкентского государственного юридического университета
- Янтикова Е.В. Ведущий специалист управления права и международных договоров Национального центра интеллектуальной собственности, Минск

Научное издание

**ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ:
ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Материалы международной
научно-практической конференции
(Новополоцк, 17–18 мая 2019 г.)

Ответственный за выпуск *В. А. Богоненко*

Редактор *Т. А. Дарьянова*
Компьютерная верстка *О. П. Михайловой*
Дизайн обложки *М. С. Мухоморовой*

Подписано в печать 11.05.2019. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 9,30. Уч.-изд. л. 8,76. Тираж 20 экз. Заказ 562.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.